

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский.*

А. И. Алексеев

**Геннадий Иванович
НЕВЕЛЬСКОЙ**

1813—1876

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
А. И. КРУШАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1984

А47 Алексеев А. И. **Геннадий Иванович Невельской (1813—1876).**— М.: Наука, 1984.—192 с., ил. 30.— (Серия «Научно-биографическая литература»).

Научная биография выдающегося исследователя Дальнего Востока, действительного члена Географического общества при Академии наук адмирала Г. И. Невельского написана на основе материалов государственных архивов СССР, а также частных собраний документов, обнаруженных как в нашей стране, так и за рубежом. Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего историков и географов, изучающих Дальний Восток нашей страны

16.1

Рецензенты:

академик А. П. ОКЛАДНИКОВ | ,

доктор географических наук

В. А. ЕСАКОВ

Предисловие

Около трех десятков лет посвятил доктор исторических наук А. И. Алексеев разработке истории Амурской экспедиции 1849—1855 гг., которой руководил Геннадий Иванович Невельской. По сути дела, до исследований А. И. Алексеева мы знали об этой экспедиции лишь по книге самого Г. И. Невельского. А. И. Алексеев нашел в государственных архивах, а также в частных собраниях в нашей стране и за рубежом огромное количество неизвестных материалов, на основании которых им издано несколько книг, по-новому освещающих многие вопросы истории Дальнего Востока.

Ему посчастливилось разыскать такие материалы, которые помогли воссоздать во всех деталях историю географических открытий и исследований, совершенных Г. И. Невельским и его доблестными сподвижниками, показать жизненные пути участников Амурской экспедиции, рассказать о жизни и деятельности Геннадия Ивановича Невельского и его жены, Екатерины Ивановны Невельской.

Предлагаемая вниманию читателя научная биография Г. И. Невельского написана впервые. В ней автор, используя уже публиковавшиеся им же ранее материалы и вводя новые, дает широкую картину деятельности замечательного мореплавателя и исследователя Дальнего Востока, прослеживает подробно его жизненный путь, дает оценку его вклада в географическое изучение Приамурья, Приморья и о. Сахалин, в историю освоения Дальнего Востока.

Как и все книги А. И. Алексеева (а их около трех десятков), научная биография Г. И. Невельского легко, с интересом читается.

Книга о Г. И. Невельском войдет в фонд книг-биографий славных представителей русской науки, станет незаменимой, настольной книгой историков, географов, всех интересующихся историей Дальнего Востока, историей нашей Родины.

Академик А. П. Окладников

Почему нужно было открывать еще раз пролив

Я держу в руках «Карту Северной части Северного Тихого океана» из «Атласа Северозападных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес и Островов Алеутских с присовкуплением некоторых мест Северовосточного берега Азии», составленного капитаном 1-го ранга М. Д. Тебеньковым и изданного в 1852 г. На этой карте 1849 г. между Сахалином и материком нанесен перешеек. Иными словами, Сахалин изображен полуостровом, а великая река Амур показана рекой, имеющей выход лишь в Охотское море, через лиман и Сахалинский залив. В этом же Атласе есть и другая карта — «Карта Северной части Острова Сахалин», также составленная в 1849 г. На ней очень хорошо показано, что устье лимана Амура загромождено песчаными мелями и что лишь у сахалинского берега имеется фарватер, по которому можно выйти в открытое море. Но на той же карте совсем не видно, каким путем можно из устья Амура пробраться к этому фарватеру. То есть карта фиксировала песудоходность устья и лимана Амура. Подчеркнем, что эти сведения зафиксированы в середине XIX столетия.

Примечательно, что на карте, изданной в 1808 г., — «Новейшей Генеральной карте Российской империи» — такой категоричности относительно положения Сахалина нет. На ней на месте перешейка показана осушка, т. е. отмель, заливаемая во время прилива¹. А если обратиться к «Генеральной карте Российской империи», изданной в 1745 г., и к более ранним чертежам русских мореходов и землепроходцев, то на всех них с редким единодушием между Сахалином и материком наносился пролив².

Что же получается? В начале и в середине XVIII в.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 19905.

² Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М.: Наука, 1982, с. 49.

Сахалин был островом, а через сто-полтораста лет он превратился в полуостров? В чем тут дело? Возможны ли за такие короткие исторические сроки подобные физико-географические перемены? Попробуем разобраться.

Но сначала несколько слов об Амуре. Длина этой реки вместе с Шилкой и Ононом 4354 км (восьмое место в мире по протяженности). Длина собственно Амура от с. Покровка (у слияния Шилки с Аргунью) до устья 2846 км. Площадь бассейна 1843 тыс. км² — десятое место среди речных бассейнов мира и четвертое место в СССР. По характеру долины и водному режиму Амур делится на три части: верхний Амур (от с. Покровка до г. Благовещенска в устье р. Зея) — 900 км, средний Амур (от Благовещенска до Хабаровска) — 1000 км, нижний Амур (от Хабаровска до устья) — около 950 км. Ширина Амура при впадении в лиман между мысами Пронге и Табах достигает 15 км.

В систему Амура входит до 200 притоков. Из них крупнейшие: слева — Зея, Бурей, Амгунь, справа — Сунгари и Усури. В Амуре водится 99 видов рыб — по разнообразию видов рыб он занимает первое место среди рек нашей страны. Больше половины рыб составляют лососевые — кета и горбуша; много также толстолобика, верхотляда, водятся осетры, калуга и др. Долины Амура и его притоков весьма плодородны, а благоприятные климатические условия позволяют получать здесь высокие урожаи самых различных культур. Амур судоходен на всем своем протяжении и является естественным, самым коротким, самым дешевым и самым удобным путем, связывающим Сибирь с Тихим океаном.

Амур выливает свои воды в лиман, образованный устьем реки и о. Сахалин, который стал перед ним непреодолимой преградой. Благодаря этому лиман стал мелководным и плавание по нему возможно лишь по фарватерам: Северному, или фарватеру Невельского, Южному и Сахалинскому. И впадает Амур сразу в два моря — в Охотское и Японское. В Охотское — через Сахалинский залив, а в Японское — через Татарский пролив. Самое узкое место между Сахалином и материком — проход Невельского — 7,2 км, но глубины на нем и на хорошо огражденном Южном фарватере позволяют заходить в устье Амура морским судам. Морские суда могут входить в устье Амура и по Северному фарватеру, или фарватеру Невельского. А плавание по Сахалинскому фарватеру

из Японского моря в Охотское значительно короче, чем плавание вокруг о. Сахалин.

С незапамятных времен на территории Приамурья, Приморья и Сахалина проживали немногочисленные народности — дауры, дючеры, голды, гиляки (нивхи), эвенки, орочи, айны и др. Все они занимались охотой и рыбной ловлей, и лишь дауры и дючеры, обитавшие в Приамурье, занимались также и земледелием. В середине XVII в. в Приамурье и Приморье, по данным Б. О. Долгих, проживало около 34,5 тыс. человек коренного местного населения, из которого на долю Приамурья (до впадения в Амур р. Уссури) приходилось 31 тыс. человек, а на территорию Уссурийского края — около 3,5 тыс. человек³.

С середины XVII в. Приамурье быстро осваивалось русскими. В результате походов И. Ю. Москвитина (1636—1639 гг.), В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.), Е. П. Хабарова (1649—1653 гг.) и других отважных русских землепроходцев и мореходов огромные территории Сибири и Дальнего Востока вошли в состав России. Так появились русские остроги, зимовья, и среди них Албазинский (1651 г.), Ачанский (1652 г.), Кумарский (1654 г.), Косогорский (1655 г.) и др. По административному делению в Приамурье образовалось Албазинское воеводство (уезд). Он наряду с Нерчинским уездом стал основным центром русских на Амуре. В документах того времени упоминаются русские деревни — слободы: Солдатово, Покровская, Игнашино, Монастырщина, Озерная, Паново, Андрюшкино⁴. Албазинский уезд быстро занял ведущее положение по хлебопашеству и в 70-х годах XVII в. снабжал хлебом все Забайкалье и другие районы Восточной Сибири. Русские знали Амур, знали племена, населявшие его берега, знали, куда впадает Амур, знали и путь по нему. И В. Д. Поярков, и Е. П. Хабаров, и О. Степанов составляли чертежи (карты) посещенных ими мест. Именно с походов замечательных землепроходцев началось научное изучение Амура и Приамурья.

Изучение русскими Приамурья и самого Амура проводилось постоянно. Так, в одном из пунктов инст-

---

³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 585.

⁴ Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. М., 1909, с. 17.

рукции, данной начальнику 2-й Камчатской экспедиции В. Берингу, ставились и такие задачи: «От Охоцка берега морския и впадающия в них реки, даже до реки Удь, описать; а особливо по оной коли далеко мочно быть водяному судами ходу... а от устья той реки далее до реки Тугура, на которой бывал Российской Тугурской острог, и за Тугуром быть мочно до Амурского устья...»⁵.

Знаменитый русский мореплаватель А. И. Чириков в июне 1746 г. представил в Московскую контору Адмиралтейств-коллегии проект, в котором излагались меры, необходимые для быстрейшего экономического развития и культурного освоения Дальнего Востока. В нем он подчеркивал, что использование р. Амур открывает большие перспективы для развития края:

«На северной стороне оной реки имеются свободные места для строения там города и довольного при нем селения жителей, ибо ко оному месту из Иркутской провинции провианты и всякие материалы можно б было без великого труда отправлять»⁶, — писал Чириков.

К середине XVIII столетия относится организация замечательной по своему замыслу и подготовке, но не осуществленной экспедиции. Генерал-губернатор Сибири адмирал Василий Алексеевич Мятлев в 1753 г. предложил в связи с неудобством Охотского порта открыть плавание по Амуру до устья, где построить верфь и порт. Вскоре последовал указ сената № 393 от 28 августа 1753 г. о снаряжении Возобновленной Камчатской, или Нерчинской, экспедиции, во главе которой был поставлен ученый моряк-гидрограф, адмирал и выдающийся государственный деятель, сподвижник Петра I Федор Иванович Соймонов. В Нерчинске, в Петровском заводе, в Сретенске на р. Шилка все было готово к плаванию, или к сплаву, как говорили в Сибири. Но, к сожалению, русское правительство было занято другими внутренними неотложными делами и экспедиция не была осуществлена. Ф. И. Соймонов стал генерал-губернатором Сибири.

Можно назвать и другую причину временного ослабления внимания России к Приамурью. Это — открытие и промысловое освоение Алеутских островов и Аляски. Вторая половина XVIII в. богата географическими откры-

⁵ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 37, л. 79.

⁶ Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М. 1953, с. 209—210.

тиями русских мореходов, промышленников и купцов в северной части Тихого океана, приведшими в конце концов к образованию различных купеческих компаний, к единой Российско-Американской компании, к появлению на картах Русской Америки.

Окончательно географическое положение Сахалина и Приамурья было запутано в конце XVIII — в самом начале XIX в. И вот как это произошло.

В 1785—1788 гг. состоялось кругосветное плавание Ж.-Ф. Лаперуза. В числе своих задач французский мореплаватель имел и исследование о. Сахалин и устья р. Амур. Идя Татарским проливом на север, Лаперуз обнаружил постепенное уменьшение глубин и соединение на горизонте материкового и сахалинского берегов. Продолжая идти малым ходом, он рассчитал, что непременно должен через некоторое время сесть на мель. И сделал вывод, что между Сахалином и материком существует перешеек, который если и покрывается пока водой, не оставляя никакого фарватера либо прохода, то, без сомнения, через некоторое время окончательно обсохнет и станет перешейком.

Через десять лет, в 1793—1796 гг. англичанин У. Р. Браунтон повторил попытку описать устье Амура и, находясь в плену расчетов и выводов своего предшественника, также не произвел тщательных исследований и тем самым повторил ошибку Лаперуза. Теперь все чаще и чаще на картах между Сахалином и материком изображался перешеек, или осушка, а вход в устье Амура — недоступным для морских судов.

И. Ф. Крузенштерну также поручалось осмотреть юго-западное побережье Охотского моря, лиман Амура и о. Сахалин. И. Ф. Крузенштерн в 1805 г. вошел в лиман Амура, описал Сахалинский залив, но не обнаружил фарватеров, ведущих в устье Амура. Ему не удалось полностью выполнить программу исследований, и он говорил, что необходимо произвести повторные наблюдения, хотя лично был уверен в полуостровном положении Сахалина. Он писал: «По окончании нашего исследования Сахалина уверился я точно, что к S от устья Амура не может быть прохода между Татариею и Сахалином, в чем согласны и все прочие на корабле бывшие и могшие судить о сем. Итак, хотя следствие подобного предприятия (имеется в виду повторное исследование лимана и устья Амура.— А. А.) может только быть подтверждение наших

заклучений, но, не взирая на все сие, почитаю я такое предприятие не бесполезным для того, что осталось и еще неизведано пространство, составляющее от 80 до 100 миль, и положение устья Амура не определено с точною достоверностию»⁷.

И потребовалось снова русским «открывать» Амур, который когда-то уже был обжит их предками. По мере усиления социального неравенства и классового угнетения все больше разорившихся крестьян уходило в районы, прилежащие к Амуру либо к его притокам. На Амур уходили и ссыльные, отправленные в Сибирь за выступления против произвола царизма. В 1816, 1819 и 1823 гг. на верхнем и среднем Амуре побывал беглый ссыльный Гурий Васильев. В 1827 г. ему удалось достигнуть устья Амура и выйти в лиман. Весной 1832 г. на Амуре побывал М. В. Ладыженский. Он с 15 казаками совершил плавание по Амуру от Усть-Стрелочного поста, располагавшегося у места слияния Шилки с Аргунью, до Албазина. Во время путешествия по Забайкалью генерал-губернатор Сибири Михаил Михайлович Сперанский после посещения станицы Бянкина на р. Шилка записал в дневнике, что это «значительный перевоз и будущая важная пристань судам, плывущим в Амур...»⁸.

В 1825—1826 гг. была организована экспедиция, главная цель которой, как записали в инструкции, состояла «в описи не с совершенною подробностью описанных берегов Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии». В обязанности начальника экспедиции Федора Петровича Литке вменялось «описать восточные земли коряков, берега Камчатки (которые по сие время еще никем не описаны и известны только по одному плаванью капитана Беринга), берега Охотского моря и Шантарские острова, которые нам хотя известны, но недостаточно описаны»⁹. Литке рекомендовалось начать опись с Берингова пролива и вести ее к югу. На второй год плавания он должен был описывать побережье Охотского

⁷ *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. ... на кораблях «Надежда» и «Нева»... СПб., 1810, ч. 2, с. 199.

⁸ *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872, т. 1, с. 57.

⁹ ЦГАДА, Госархив, разряд 30, д. 59, ч. II, л. 3, 19.

моря, Шантарские острова и Сахалин. По ряду не зависящих от начальника экспедиции причин опись Сахалина и юго-западной части Охотского моря осталась невыполненной.

В 1832 г. немецкий ученый Ф. Ф. Зибольд, долго живший в Японии, опубликовал в приложении к своей книге карту лимана Амура, составленную японцами Мамия Риндзоо и Могами Токунай. Первый из них в 1808 г. на лодке прошел проливом между Сахалином и материком и поэтому показал на своей схеме (картой ее назвать нельзя) этот пролив вместо наносившегося перешейка. Следует сказать, что эта схема не произвела впечатления, так как многие считали, что через осушку можно переплыть на лодке, а Риндзоо путешествовал именно на лодке¹⁰.

Для того, чтобы окончательно разрешить вопрос о судоходности устья и лимана Амура и об островном положении Сахалина, надо было предпринять исследования этих районов. Вопрос об исследованиях на Амуре был передан Российско-Американской компании¹¹. С. этой целью поручику корпуса флотских штурманов Александру Михайловичу Гаврилову было поручено на бриге «Константин» провести эти исследования. Выбор Главным правителем Российско-Американской компании адмиралом Фердинандом Петровичем Врангелем кандидатуры А. М. Гаврилова был не случайным. А. М. Гаврилов родился в 1818 г. в семье отставного унтер-офицера, учился в Штурманском полуэкипаже в Кронштадте, потом служил в Свеаборге, плавал в эскадре адмирала Ф. П. Литке, а затем, в 1840 г., перешел на службу в Российско-Американскую компанию, совершив полукругосветное плавание из Кронштадта в г. Ситка (Новоархангельск). Именно Ф. П. Литке счел возможным рекомендовать его своему другу Ф. П. Врангелю в качестве начальника экспедиции в лиман Амура.

5 мая 1846 г. бриг вышел из Новоархангельска. Достигнув Сахалинского залива и войдя в одну из его бухт, Гаврилов вначале принял ее за лиман, однако вскоре убедился в ошибке и назвал ее заливом Обмана. 29 июля, пройдя через банки у м. Головачева, бриг попал в лиман, на Сахалинский фарватер. Продвигаясь ощупью, к 3 августа судно продвинулось до 52°49'5" с. ш. и вста-

¹⁰ Зибольд Ф. Ф. Япония. Лейден, 1832, ч. VII, табл. XXV.

¹¹ Алексеев А. И. Освоение..., с. 52.

ло на якорь. Затем Гаврилов с частью команды на шлюпке и байдарках пошел в сторону Амура, делая по пути промеры. Сначала шли к югу и, не дойдя до Частых островов, повернули к м. Пронге. Отсюда поднялись вверх по реке на 12 миль до какой-то деревни (возможно, Чныррах. — А. А.) и 9 августа возвратились на бриг. До 14 августа продолжались работы по исследованию лимана, устья реки и Сахалинского фарватера (до $52^{\circ}40'$ с. ш.). Следуя предписанию, Гаврилов 15 августа взял курс на Аян, а оттуда 22 августа вернулся в Новоархangelск¹².

Гаврилов не скрывал того, что ему не удалось исполнить до конца поручение. Он в Аяне рассказывал начальнику Аянской фактории В. С. Завойко: «Наступили короткие дни, туманы, темные ночи и жестокие ветры. Я не успел промерить южного фарватера лимана, выход в Де-Кастри; дабы точно исследовать лиман, то потребуются годы и не одному судну; но хотя и исследуют и найдут его глубоким, то все же нельзя миновать бара реки, на котором глубина 9 ф.»¹³.

В письме Джону Бертраму, своему свояку (их жены, Вильгельмина и Маргарита Михайловны Шварц, — родные сестры), Александр Михайлович сообщал, что он представил в Главное правление исправленные Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым, бывшим в то время Главным правителем Русской Америки, «Записки об экспедиции подпоручика Гаврилова», которые «составляют добрую и не совсем безызвестную историю моего и подчиненных моих труда, а также замечаний над местностью, жителями, замечаний, которые при всей своей краткости, как первый взгляд европейца, не могут быть вовсе не интересны, но что могли быть лучше и полнее, да только при других обстоятельствах и большей свободе действий, а я был связан по руки и по ноги»¹⁴. К этим «Запискам» была приложена и карта исследований.

К большому сожалению, мы не имеем возможности пользоваться ни «Записками», ни картой, так как до сих

¹² Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 12—13.

¹³ ЦГАВМФ, ф. 1365, д. 2, л. 22.

¹⁴ Письмо А. М. Гаврилова Д. Бертраму, ксерокопия которого любезно прислана мне проф. Р. А. Пирсом (Канада) 24 января 1975 г. Письмо Гаврилова можно датировать июлем 1847 г. Ксерокопия хранится у автора книги.

пор не могли их разыскать. Эти материалы столько раз передавались из рук в руки, что теперь нельзя даже определить, в каком архиве нужно их искать и попали ли они вообще в какой-либо государственный архив. Последнее упоминание о них встречается в книге Г. И. Невельского, который пишет, что эти материалы давал ему из своего письменного стола для ознакомления Ф. П. Врангель, к которому тот обратился, готовясь к своим исследованиям на транспорте «Байкал». Но представление о карте Гаврилова дает карта из Атласа М. Д. Тебенькова, с которой мы начали рассказ.

Несмотря на откровенную незаконченность исследований в лимане и в устье Амура, о которой говорил, писал и которую показал на карте А. М. Гаврилов, начальство осталось весьма довольно итогами плавания. М. Д. Тебеньков писал ему: «Вы выполнили поручение совершенно удовлетворительно, с самоотвержением даже жизни, стремились и достигли назначенной цели»¹⁵.

На основании представленных документов и заключения М. Д. Тебенькова Ф. П. Врангель, опытный моряк и географ, сделал вывод о несудоходности Амура и о полуостровном положении Сахалина.

Чувство неудовлетворенности результатами экспедиции сохранил ее бывший начальник А. М. Гаврилов даже тогда, когда узнал, что награжден. Хотя Ф. П. Врангель, представляя участников экспедиции к наградам, в докладе царю в начале 1847 г. отмечал, что Гаврилов «совершил то, в чем не имела успеха известная экспедиция 1805 г. (имеется в виду плавание И. Ф. Крузенштерна.— А. А.)» и что он, «проникнув первый из европейцев с морской стороны в устье Амура, произвел удовлетворительную рекогносцировку лимана и бара этой реки»¹⁶, сам А. М. Гаврилов по случаю получения награды (1500 руб.) в письме Ф. П. Врангелю особо отмечал, что он не решил вопроса о судоходности Амура и положении Сахалина и потому не считает себя вполне достойным столь высокой чести. Хотя сразу, по возвращении из экспедиции рассчитывал на некоторое вознаграждение за свои труды.

Об этом человеке, предшественнике Г. И. Невельского, известно так мало, что мы приведем еще одну цитату

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Невельский Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969, с. 71.*

из его уже цитировавшегося письма: «Воротился в Ситху и думаю хоть денег дадут! Нуль! Лез из кожи, по 5 дней и ночей к ряду не имел другой кровли, кроме неба, — земля была постелью, а дождик покрывалом, — но терпел, кашлял, охал и терпел, к лучшему думаю, а здоровье бог даст воротится, но все к худшему, за все ничего и ничего...»¹⁷.

По нашей просьбе Р. А. Пирс во время пребывания в г. Ситка разыскал на старом русском кладбище могилу А. М. Гаврилова, а в архиве Аляскинских церквей Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США обнаружил запись о смерти мореплавателя, из которой следует, что Александр Михайлович Гаврилов умер от чахотки 25 мая 1848 г. в возрасте 29 лет и был похоронен три дня спустя, т. е. 28 мая 1848 г.¹⁸. Из надписи на могиле устанавливается и точная дата рождения русского исследователя устья и лимана Амура — 18 августа 1818 г. Известно нам, что В. М. Гаврилова, вдова мореплавателя, получила пенсию за покойного мужа на воспитание дочери Софии. Дальнейшая судьба ее нам неизвестна.

Таким образом, плавание на бриге «Константин» под командованием А. М. Гаврилова в лиман Амура в 1846 г., хотя и дало несомненно новые сведения, все же не привело к решению вопроса об условиях плавания в лимане Амура, о географическом положении Сахалина, возможности входа морских судов в устье Амура и о том, является ли Сахалин островом¹⁹.

Все эти вопросы блестяще разрешил Геннадий Иванович Невельской во время своего плавания на транспорте «Байкал» в 1848—1849 гг., а затем во главе Амурской экспедиции 1850—1855 гг. О нем и о его доблестных сподвижниках эта книга. Именно так: не об одном человеке пойдет речь и даже не о группе единомышленников; речь пойдет о важнейшем событии в истории нашей родины — об освоении Приамурья и Приморья, основа чего была заложена исследованиями Г. И. Невельского и участников Амурской экспедиции. Геннадий Иванович Невельской стал инициатором и исполнителем, душой великого амурского дела.

¹⁷ Письмо А. М. Гаврилова Д. Бертраму.

¹⁸ Письмо Р. А. Пирса автору от 24 мая 1975 г. Мы приносим благодарность профессору Р. А. Пирсу за эти сообщения и за фотografiю могилы А. М. Гаврилова.

¹⁹ *Алексеев А. И.* Амурская экспедиция 1849—1855 гг., с. 14.

О нем и о свершениях участников Амурской экспедиции написано много книг, монографий, статей. Редкое справочное издание обходится без упоминания о Г. И. Невельском, статьи о нем есть во всех энциклопедиях. Естественно, что мы не собираемся давать здесь характеристику всех публикаций, но сколь можно точно приводим в конце данной монографии список таких произведений. Укажем, что основным источником для этих публикаций послужила книга самого Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», вышедшая первым изданием в 1878 г., а в 1897 г.— вторым изданием, дополненным биографией ее автора и письмами Е. И. Невельской. Мы также использовали биографию Г. И. Невельского, написанную его дочерью, Ольгой Геннадиевной Сорохтиной, на французском языке и изданную под псевдонимом в Париже²⁰.

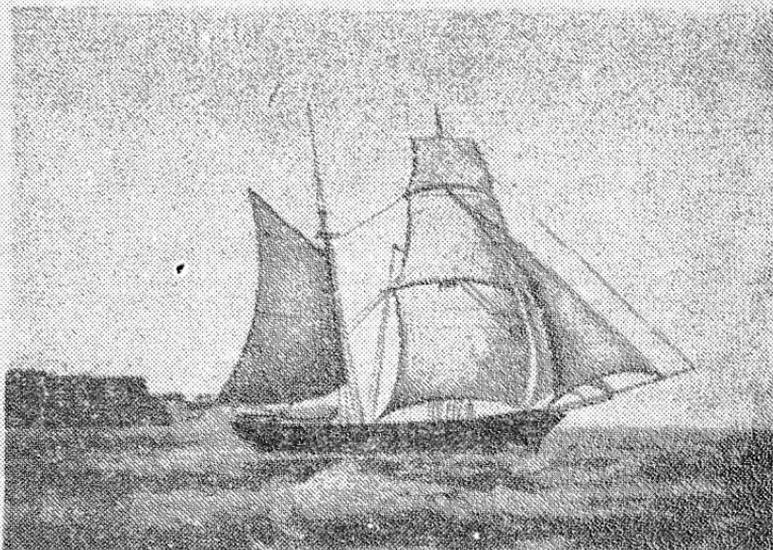
Эти книги были написаны целиком на основании личного архива Невельских, собственных воспоминаний и документов участников экспедиции, большинство из которых в те годы были еще живы. Поэтому они особенно ценны и по сей день сохраняют свое значение как исторические источники. Первой биографией Г. И. Невельского стала книга А. К. Сиденснера «Адмирал Геннадий Иванович Невельской», подготовленная и изданная к столетию со дня рождения мореплавателя. Автор признавался, что при написании ее он «руководствовался тем прекрасным материалом, какой мы имеем в записках самого адмирала, лишь местами приводя краткие выдержки из других источников»²¹. Такими источниками были некоторые материалы личного архива Невельских, так как тогда еще были живы все дети Г. И. и Е. И. Невельских, а также рассказы и иные сведения, полученные автором от единственного оставшегося тогда в живых участника Амурской экспедиции — Н. М. Чихачева. Судя по сохранившемуся личному архиву А. К. Сиденснера, другими материалами он не располагал. Но им была сделана попытка объективно показать условия деятельности Амурской экспедиции, оценить значение ее для будущего России, правдиво рассказать о нелегком пути самого Г. И. Невельского.

²⁰ *Vend Vera. L'Amiral Nevelskoy et la Conquête définitive du fleuve Amour. Paris, 1894.*

²¹ *Сиденснер А. К. Адмирал Геннадий Иванович Невельской; К столетию со дня его рождения. СПб., 1914, с. 6.*

НЕВЕЛЬСКОЙ

КЪ СТОЛѢТІЮ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ.

Транспортъ «БАЙКАЛЬ».

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Морского Министерства, въ Главнои Адмиралтействѣ.

1914.

Титульный лист первой биографии Г. И. Невельского, написанной
А. К. Сиденсером

До и после появления книги Г. И. Невельского публиковались записки, дневники, статьи участников Амурской экспедиции и лиц, близко стоявших к ней. Прежде всего сам Г. И. Невельский неоднократно выступал на страницах журнала «Морской сборник» с замечаниями по поводу публикаций некоторыми участниками Амурской экспедиции и Камчатской флотилии своих записок, в которых освещались отдельные вопросы, имевшие отношение к Амурской экспедиции, а также по поводу освещения Амурской экспедиции П. А. Тихменевым в его «Историческом обозрении образования Российско-Американской компании»²². Укажем и на статьи, которые послужили поводом для выступления в печати Г. И. Невельского. Это работы В. А. Римского-Корсакова, Н. К. Бошняка, Н. В. Буссе, Н. А. Фесуна, Н. В. Рудановского²³.

Г. И. Невельскому посвящены статьи Н. Д. Свербеева и А. С. Сгибнева²⁴, с обстоятельными историческими обзорами выступили Д. И. Романов и П. В. Шумахер. Из других работ, в которых упоминается Г. И. Невельский, необходимо сказать о книге воспоминаний Б. В. Струве и биографии Н. Н. Муравьева-Амурского, написанной И. П. Барсуковым²⁵.

Среди советских историков, занимавшихся, в частности, Амурской экспедицией, нужно отметить П. И. Кабанова²⁶. Он, один из немногих ученых, использовал мате-

²² *Невельский Г. И.* Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции на статьи г. Фесуна, напечатанные в «Морском сборнике» за июль и август месяцы.— Мор. сб., 1860, № 13, часть неофиц., с. 359—386; *Он же.* Ответ на письмо г-на Бошняка в редакцию «Морского сборника».— Мор. сб., 1860, № 3, Смесь, с. 75—76; *Он же.* По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 года.— Вестн. Европы, 1872, № 8, с. 907—910.

²³ *Римский-Корсаков В. А.* Случай и заметки на винтовой шхуне «Восток».— Мор. сб., 1858, № 5, 6, 12; *Бошняк Н. К.* Экспедиция в При-Амурском крае.— Мор. сб., 1858, № 12, 1859, № 1, 2, 3; *Буссе Н. В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854. СПб., 1872; *Фесун Н. А.* Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора».— Мор. сб., 1860, № 1, 6, 8, 9, 11; *Рудановский Н. В.* По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 года.— Вестн. Европы, 1872, № 10, с. 910—927.

²⁴ *Свербеев Н. Д.* Журнал плавания по Амуру в 1854 году.— Зап. Сиб. отд. ДГО, 1857, т. III; *Сгибнев А. С.* Амурская экспедиция 1854 года.— Древняя и Новая Россия, 1878, № 11, 12.

²⁵ *Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. СПб., 1889; *Барсуков И. П.* Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. 1, 2.

²⁶ *Кабанов П. И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.

риалы центральных архивов страны. Непосредственно историей Амурской экспедиции занимались многие советские ученые, но опять-таки их исследования, за редким исключением, сводились к анализу ее действий на основе книги Г. И. Невельского и статей его сподвижников — работы В. Н. Бочкова, Л. Г. Каманина, А. И. Мельчина, А. Н. Рыжкова, И. А. Сенченко, В. К. Тренева, Г. П. Чижы и др.²⁷

Много над выявлением архивных материалов об Амурской экспедиции работали автор этой книги, Л. М. Демин, Б. П. Полевой. Б. П. Полевой уточнил многие даты плавания «Байкала» в 1849 г., выявил документы, относящиеся к строительству «Байкала», обнаружил неточности в книге Г. И. Невельского. Б. П. Полевой и Л. М. Демин совместно нашли неизвестное ранее донесение о плавании Г. И. Невельского в лимане Амура. Они же опубликовали замечательный дневник В. А. Римского-Корсакова. Мне самому благодаря находкам в Ленинграде, Томске, Смоленске, Париже и в Бразилии личных документов семьи Невельских и материалов экспедиции удалось создать несколько книг по истории Амурской экспедиции, уточнить многие факты из жизни Г. И. Невельского и его супруги (в частности, даты их рождения), разыскать документы почти о всех сподвижниках Г. И. Невельского и ввести их в научный оборот, сделать достоянием общественности найденные карты и фотографии, в том числе и фотографии участников экспедиции²⁸. Под моей редакцией в 1969 г. в Хабаровске пятым изданием вышла книга Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России», в которой даны на основе новых материалов очерк о Г. И. Невельском и обширные примечания. Это издание снабжено найденными редактором книги картами и портретами участников Амурской экспедиции.

И еще несколько слов о личном архиве Невельских. Такового не существует. Обстоятельства сложились так, что после смерти супругов Невельских архив не был сдан в архивохранилище и не сохранился в целом виде у наследников. Поэтому до сего времени приходится разы-

---

²⁷ Трениев В. К. Амурская экспедиция Невельского. М., 1946; Каманин Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1946; Мельчин А. И. Г. И. Невельской. — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953; и др.

²⁸ См. в конце книги — Литература о Г. И. Невельском.

скивать материалы по всему свету, так как часть потомков оказалась за рубежом. Не существует и единого архива Амурской экспедиции. Можно предположить, что некоторая часть документов была уничтожена, а остальная так надежно упрятана, что и по настоящее время не найдена.

В заключение автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, в котором сосредоточены основные материалы о Г. И. Невельском, за постоянную помощь, а также члену-корреспонденту АН СССР А. И. Крушанову. Автор всегда будет помнить о том, с какой любовью относился к истории Дальнего Востока академик А. П. Окладников, незадолго до кончины прочитавший черновой вариант рукописи.

Особую признательность приносит автор старейшему краеведу-костромичу Александру Александровичу Григорову, постоянную помощь которого он ощущал во время работы над биографией. Материалы Костромского архива, найденные им и предоставленные в наше распоряжение, теперь стали уникальными.

В книге все даты, кроме специально оговоренных, приводятся по старому стилю.

Глубокие корни

Среди необъятных лесов Костромской губернии, особенно в ее северных районах, в Солигаличском, Чухломском, Буйском уездах, были в XVIII в. разбросаны небольшие поместья, откуда вышли многие видные деятели военно-морского флота России. Это усадьбы Дракино, Терентьево, Патракесво, Яр, Степыгино, Апаньево, Митяево и др. Здесь родились и выросли многие известные моряки — Невельские, Перелешины, Козляниновы, Юрьевы, Марины, Шулешиковы, Полозовы, Купреяновы, Лермонтовы, Сипягины, Чалеевы, Чагины, Шафровы, Бутановы, Черевилы, Нелидовы, Ивашиновы, Бошняки, Поскочины и др. Этим далеко не исчерпывается список костромичей, служивших на флоте. Участники экспедиции В. И. Беринга Д. Л. Овцын, М. Г. Плаутин, И. Л. Чихачев также были костромичами. С костромским краем связаны были и А. И. Чириков и Василий и Татьяна Прончищевы, С. Г. Малыгин, Д. В. Стерлегов — также участники той же экспедиции.

Чем же все-таки можно объяснить такое стремление костромичей служить на флоте? Конечно, традиция эта повела свое начало с указа Петра I, которым было повелено набирать для службы на флоте офицеров и матросов преимущественно из северных губерний — Архангельской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Ярославской, издревле знакомых с речным судоходством, а то и с мореплаванием. Позднее, в XIX в., эта традиция нашла и материальное подкрепление. Один из морских офицеров — дальний родственник Г. И. Невельского капитан-лейтенант Василий Акимович Дурново оставил после своей смерти большой капитал (свыше 300 тыс. руб.), который завещал использовать на воспитание бедных дворян в Морском корпусе, а также в Первом Московском кадетском сухопутном корпусе. На проценты с этого капитала, увеличившегося еще от продажи его четырех доходных домов в Москве и имения в Богородском уезде Московской губернии, были учреждены стипендии для платы за обучение шести воспитанников Морского кадетского корпуса и шести воспитанников Первого Московского кадетского сухопутного корпуса ежегодно. Таким образом, помимо тех юношей, родители которых могли сами вносить весьма высокую плату за обучение, еще 12 юношей из Костромской губернии могли обучаться в этих заведениях.

Многих моряков-костромичей знали дед, отец, дяди Г. И. Невельского, со многими он познакомился впоследствии, во время учебы в Морском корпусе. Среди родственников будущего адмирала как с отцовской, так и с материнской стороны также было немало военных моряков. Так что атмосфера вокруг подраставшего Геннадия была самая что ни на есть морская, что во многом определило выбор его будущей профессии. Вот в такой обстановке в окрестностях далекого захолустного Солигалича проходили детские годы Геннадия Ивановича Невельского. Глубокими корнями от самого появления на свет связан Геннадий Невельский с морем, на всю жизнь...

Невельские — древний дворянский род, обосновавшийся на Костромской земле в XVI в. По сохранившимся документам устанавливается, что первые Невельские появились на службе в Московском государстве как «выезжие из Польши». С самого появления в пределах Московского государства при Иване IV все представители фамилии Невельских, начиная с Григория Невельского, обяза-

ны были служить на военной службе. Первым Невельским, служившим на флоте, был Григорий Дмитриевич Невельской — боцман при Петре I. Большинство Невельских, как и другие дворяне в XVIII в., начинали обычно службу с солдатского чина в раннем детстве и выходили в отставку сержантами, капралами, прапорщиками и гораздо реже — в более высоких чинах.

Дед Геннадия Невельского, Алексей Васильевич Невельской, начал службу солдатом, а офицерский чин получил в 25 лет, когда по болезни вышел в отставку. Он поселился в своем имении Крутово, в которое входила и пустошь Дракино. На плане 1779 г. и на купчей, относящейся к 1788 г., на этой пустоши еще нет усадьбы с таким названием. Следовательно, можно уверенно считать, что возникновение усадьбы Дракино, в которой родился Г. И. Невельской, относится к последней четверти XVIII в.

Традиции морской службы, идущие от прадеда — петровского боцмана, продолжили сыновья Алексея Васильевича Невельского — дядя и отец Г. И. Невельского.

Старший сын Алексея Васильевича Петр Алексеевич (1770—1823) в 1787 г. вместе со своими земляками и даже родственниками (Н. Ю. Лермонтовым, Ф. Д. Ахматовым, Н. П. Перелешиним, Н. В. Писемским, В. В. Щуплепниковым) окончил Морской корпус, служил на флоте и вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта. Он жил недалеко от усадьбы Дракино и его семья, особенно дочери — двоюродные сестры Геннадия Невельского, — как и другие родственники, постоянно общались с семьей Геннадия. Дочь одной из этих сестер — Мария Сергеевна, по мужу Угличанинова, оставила книгу воспоминаний о годах своей юности, содержащую единственный в источниках о Г. И. Невельском его словесный портрет, относящийся ко времени подготовки Амурской экспедиции.

Дочь Алексея Васильевича Анна — родная тетка Геннадия Невельского — была замужем за лейтенантом флота Яковом Ивановичем Щуплепниковым, соседом по имению.

Отец Г. И. Невельского, Иван Алексеевич Невельской также учился в Морском корпусе и стал в 1795 г. мичманом. Сохранилась «Послужная сказка» И. А. Невельского за 1802 г.¹ Служил он до 1808 г. на Балтийском

¹ ГАКО, ф. 362, оп. 1, д. 6.

флоте во 2-й эскадре Гребного флота и вышел в отставку лейтенантом.

После смерти отца Ивану Невельскому досталось по наследству имение Дракино. В 1810 г. он женился на дочери заседателя солигаличского уездного суда Тимофея Михайловича Полозова — Феодосии Тимофеевны и за счет приданого жены несколько увеличил свое состояние.

Женитьба Ивана Алексеевича соединила семью Невельских родственными связями с одной из старейших костромских дворянских фамилий, в которой также сильны были морские традиции. Так, Петр Иванович Полозов — двоюродный дядя Геннадия Невельского по материнской линии — окончил в 1847 г. Морской корпус, достиг звания контр-адмирала. В 1865—1867 гг. на корвете «Аскольд» он совершил кругосветное плавание. Иван Тимофеевич Полозов — родной дядя Геннадия Невельского по матери, — также окончил Морской корпус в 1802 г., участвовал в войне 1808 г. в чине мичмана. Выйдя в отставку, он поселился в Солигаличском уезде, недалеко от Дракино. Родная сестра матери Г. И. Невельского — его тетка Анна Тимофеевна — была замужем за капитаном 1-го ранга Степаном Михайловичем Китаевым, участником морских сражений в 1788—1790 гг. у о-вов Гогланд, Эланд и у Выборга. С. М. Китаев в Отечественную войну 1812 г. командовал бомбардирским кораблем «Бобр» и за подвиги был награжден орденами. Его сыновья — двоюродные братья Геннадия Невельского — также служили на флоте.

Близкие и дальние родственники были частыми гостями Невельских в Дракино, особенно — морские офицеры. Среди них следует упомянуть троюродного брата Геннадия Невельского — Гавриила Ивановича Невельского, доблестного командира 14-пушечного катера «Опыт», который с командой в 80 человек принял бой с 50-пушечным английским фрегатом «Сальсет» с командой в 500 человек у о. Нарген 11 июня 1808 г. Англичанам удалось захватить катер лишь после того, как он получил значительные повреждения корпуса, а в команде почти все, включая командира, были ранены. В знак уважения к храбрости русских моряков их передали на встречное нейтральное судно для отправки в Россию². Из документов Морского министерства видно, что Гавриилу Невельскому время пребывания в плену было зачтено

² Веселаго Ф. Ф. История русского флота. М., 1939, с. 244.

в стаж службы, которую он продолжал на флоте до 1828 г., когда вышел в отставку капитаном 1-го ранга, прослужив на флоте 38 лет. Его внук, Алексей Николаевич Жохов, стал одним из участников сквозного плавания русских кораблей «Таймыр» и «Вайгач» по Северному морскому пути, открыл о. Вилькицкого и остров, названный позднее его именем, описал часть побережья Северной Земли.

Навещали Дракино и другие дальние родственники: все костромские Невельские находились в родстве, и, как мы видели, среди них было очень много моряков.

В Государственном архиве Костромской области сохранилось свидетельство о рождении Геннадия Невельского: «1823 года января дня мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что из дворян недоросль Геннадий, законный сын лейтенанта Ивана Алексея сына Невельского, действительно родился тысяча восемьсот третьего на десять года, поября двадцать третьего числа, в сельце Дракине, крещен церкви села Богородского священником Устипом Андреевым, а при крещении восприемником был майор Григорий Петров сын Горталов. За смертью означенного священника Устина Андреева поступивший на место его село Богородского ризположенской церкви священник Григорий Семенов. Майор Григорий Петров сын Горталов»³.

Геннадию не было скучно в детстве. Он был вторым ребенком, а кроме родных сестер и братьев, как мы уже знаем, в ближайшей округе было много двоюродных и иных родственников.

Вряд ли Геннадий учился в каком-либо заведении до поступления в Морской корпус — скорее всего, он получил, как и большинство недорослей, домашнее образование. Известно, что его сестра Мария (14 февраля 1811 г. — 27 февраля 1885 г.) воспитывалась в пансионе А. А. Шиповой в Костроме, а поначалу — в Белькове, в пансионе для близкоживущих дворянских детей. Но имени Геннадия там не обнаружено. В 1823 г., когда мальчику было всего десять лет, ушли из жизни отец и дед Тимофей. У нас нет доказательств, но можно думать, что они умерли от оспенного поветрия, прокатившегося по тем местам. Вполне возможно, что именно в этот год болел и Геннадий, сохранивший на лице на всю жизнь следы оспы.

³ ГАКО, ф. 362, оп. 1, д. 301, л. 27.

Не имея документов, трудно судить об обстановке, в которой воспитывался Геннадий Невельской. Одно можно с уверенностью сказать: в воспитании юноши принимали участие дяди — Петр Алексеевич Невельской и Петр Тимофеевич Полозов, оба моряки, у которых в имениях были свои библиотеки с книгами преимущественно морской тематики. Можно предположить также, что в связи со сватовством Павла Антоновича Купреянова к сестре Марии юноша Геннадий Невельской мог побывать не только в Костроме, но и в Кинешме, где проживали Купреяновы, в семье которых было также немало морских офицеров. Сам П. А. Купреянов был капитаном 2-го ранга, а его брат, Иван Антонович Купреянов, участвовал в кругосветной экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, во время которой в 1820 г. была открыта Антарктида.

Несколько слов о матери Геннадия, о которой встречаются самые противоречивые высказывания. Одни изображают ее чуть ли не Салтычихой, и потому совершенно чужой сыну⁴.

По нашему мнению, не следует выделять мать Невельского из среды помещиков-крепостников того времени. Невельские, как все помещики, — продукт своей эпохи. На глазах мальчика продавались, покупались, дарились крепостные и целые деревни.

Получив блестящее по тому времени образование в Петербурге, Г. И. Невельской стал одним из немногих передовых и гуманных офицеров, не допускаящих издевательств над матросами, вчерашними крепостными.

Как оформлялось зачисление Геннадия Невельского в Морской корпус, неизвестно. Очевидно, кто-то из дядей-моряков привез его в Петербург уже после того, как было получено объявление о наличии вакансий. Нам удалось разыскать дело «Об определении в кадеты» 1829 г., и оно раскрывает, почему на памятник-надгробии Г. И. Невельскому указан год его рождения 1814-й, а не 1813-й. Объявления об открывающихся вакансиях кандидатов для поступления в кадеты публиковались в «Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». Из такого объявления следует, что со сдачей документов родственники Невельского сильно опоздали. Достаточно

---

⁴ Бочков В. Н. Открытие Невельского. Кострома, 1965, с. 8.

сказать, что его документы были по списку тридцатыми за 1829 г., а ведь документы другие сдавали и в конце 1828 г. Фамилия Геннадия Невельского была вписана уже по чьей-то протекции предпоследней во всем списке и сверху строки. Чем старше был кандидат в кадеты, тем бóльшие к нему предъявлялись требования по образованию и здоровью.

«Сии правила,—говорилось в объявлении,—при настоящем приеме, равно как и при будущих, соблюдаемы быть имеют во всей их силе, и потому предупреждаются родители, родственники и попечители, дабы не затрудняли себя, особенно из мест отдаленных, представлением в Корпус тех из поименованных выше недорослей, которые или неблагоприятные подают надежды в своем здоровье, или, судя по возрасту, не имеют полноты сведений, какия требуются помянутыми правилами, чтоб быть им принятым в комплект»⁵. Вот поэтому, возможно, и потребовалось указать Геннадию Невельскому на год меньше лет, чем это было на самом деле. Так и получилось, что лишь гораздо позже Невельской стал указывать в своих документах истинный год рождения — 1813-й. Но ошибка осталась во многих бумагах и перешла даже на надгробие.

И все равно Невельской по возрасту попал в 1-й разряд, на который распространялись самые строгие требования при приеме. Для сравнения скажем, что, например, от кандидата 3-го разряда требовалось «только знание первых правил арифметики и российской грамматики». Невельской был очень маленького роста — 2 аршина и 3 с четвертью вершка, т. е. около 157 см, весьма неказистой внешности, испорченной перенесенной в детстве оспой. И ему весьма пригодились природная одаренность, прекрасная подготовка и знание морской истории и путешествий. Не обошлось, как нам кажется, и без хлопот со стороны родственников — морских офицеров, в частности героя Гавриила Невельского. В общем, как бы то ни было, а в книге приказов по Морскому корпусу, во главе которого в те годы стоял прославленный мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн, рукою писаря было выведено, что «Енадий Невельской» 8 апреля 1829 г. зачислен в кадеты 3-й роты⁶.

---

⁵ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2058, л. 14 об.

⁶ Там же, л. 1 об.

Морской корпус был одним из привилегированных учебных заведений России. Это было и самое старейшее в России учебное заведение, ведущее свое начало от московской Навигацкой школы, основанной Петром I и долгие годы размещавшейся в Сухаревской башне, в архитектуре которой нетрудно было видеть корабельную символику. С основанием Петербурга Навигацкая школа переехала в северную столицу, одно время была и в Кронштадте, носила разные названия — Морская академия, Морской шляхетский корпус, а во времена Невельского — Морской кадетский корпус. Располагался он в бывшем доме графа Миниха на Васильевском острове, между 11-й и 12-й линиями. В настоящее время там размещается Высшее ордена Ленина и ордена Ушакова 1-й степени Краснознаменное Военно-Морское училище имени М. В. Фрунзе.

Начались обычные будни учебы. В корпусе преподавались не только предметы «до морского офицера относящиеся», но и широкий круг общеобразовательных дисциплин, к преподаванию которых привлекали видных ученых. Обучение проходило в два этапа: кадетский курс и гардемаринский курс. Сначала изучали физику, геометрию, алгебру, тригонометрию, географию, артиллерию, затем — корабельную архитектуру (проектирование кораблей. — А. А.), навигацию, мореходную астрономию, кораблевождение, морскую съемку, или гидрографию, морскую геодезию. Преподавались французский и английский языки. Проводились строевые занятия, или шагистика, как называли эти учения кадеты. Преподавание основных морских дисциплин велось по известным в то время учебникам: П. Я. Гамалея — «Теория и практика кораблевождения» (1806), Г. А. Сарычев — «Правила, принадлежащие к морской геодезии» (1804) и «Геодезические и гидрографические правила» (1825).

Невельской учился превосходно, с первого дня захватил лидерство в учебе: сказалось домашнее образование. За начитанность, образованность и, главное, любознательность за Невельским прочно укрепилось прозвище «Архимед». Маленький, юркий, стремительный в движениях, горячий, он вечно что-то доказывал, что-то спрашивал, с кем-то и о чем-то постоянно спорил. И очень много читал. При производстве в мичманы Невельской сдал большое количество книг, не потеряв ни одной. Как видно из огромной ведомости, Невельской, как это ни

странно — ведь про его рассеянность современники рассказывали чуть ли не анекдоты, был очень аккуратен: он не потерял не только ни одной книги, но сдал все платки, галстуки, полотенца. За все годы учебы на него не было произведено ни одного начета⁷.

Обучение в закрытом учебном заведении всегда связано с теми или иными нарушениями дисциплины. В книгах приказов по корпусу, в кондукитных списках их можно разыскать предостаточно. И кого только не встретишь среди оштрафованных — будущих министров, прославленных мореплавателей, ученых. Бывало в неделю отмечалось до 37 ленивых и 7 выдворенных из класса с записями в кондукит. Невельского в 1830 г. не записывали ни одного раза, но он «постарался» в последующие годы, так как по поведению окончил корпус не в числе пер-вых⁸.

Особенно ужесточились меры в 1831 г. в связи с холерой, гулявшей по Петербургу. Общение воспитанников обоих классов с внешним миром было резко ограничено, кадеты, по сути еще дети, не принимали этого всерьез и наказания участвовали.

Блестящие способности помогали Невельскому быстро схватывать и усваивать услышанное и прочитанное. Книги путешественников — Д. Кука, Д. Ванкувера, Ж.-Ф. Лаперуза, купца Г. И. Шелихова, описания морских сражений не миновали его.

Воспитанники корпуса были в курсе культурной жизни Петербурга, ходили в театры, преклонялись перед гением Пушкина, рукоплескали искусству Истоминой. Невельской не забывал навещать своих столичных родственников. Там удавалось послушать и рассказы о 14 декабря 1825 г.: почти каждый из его родственников был знаком с декабристами. Общее внимание в те годы было приковано к возвратившемуся из кругосветного плавания военному шлюпу «Сенявин». Шлюпом командовал известный исследователь Новой Земли Федор Петрович Литке.

Сразу после набора кадеты прошли «оморячивание», познакомились с Невской губой, побывали в Кронштадте, а по окончании первого курса проходили практику более

---

⁷ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2343, л. 80—90.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2232, л. 17, 18 об.— 29 об.; д. 2020, л. 16 об., 54; д. 2336, л. 84 об.

длительное время на шхунах корпусной эскадры. В Кронштадте они побывали на батареях, встречались со старыми моряками, видели известных морских офицеров. Вместе с тем они проходили морскую практику наравне с матросами, учились вязать морские узлы, ставить и убирать паруса.

17 января 1831 г. был издан приказ И. Ф. Крузенштерна, что на открывшиеся в гардемаринской роте вакансии производятся в гардемарины унтер-офицеры и кадеты, имевшие хорошие в классах успехи, похвальное поведение и знание фронтовой службы, показанные на испытании, проведенном командиром экипажа. Последовательность их производства была основана на подсчете баллов, полученных каждым по всем предметам, и на среднем балле поведения за истекший 1830 г.⁹

Первое место в этом списке занимал Геннадий Невельской, у которого средний балл в науках был 8,3, а поведение 6, итого 14,3. Ближайший к нему Афанасий Горьев набрал 13,75 балла. По этому приказу в гардемарины было произведено 37 человек из 68. И среди них Иван Назимов, Степан Остелецкий, Петр Бессарабский, Роман Белли и др. Остальные кадеты стали гардемаринами позже, 26 января. Уже тогда проявился интерес Г. Невельского к восточным окраинам России, к Тихому океану, к таинственному Амуру, о котором среди моряков ходили самые разные слухи. Он знал наперечет всех исследователей Тихого океана, слушал возвратившегося Ф. П. Литке, часто видел Гавриила Андреевича Сарычева. И все больше в нем укреплялось и росло желание не только сходить «в дальнюю», но и оживить белое пятно на карте Дальнего Востока — устье и лиман Амура вкупе с Сахалином. Сходить «в дальнюю», побывать в Америке, на Камчатке, увидеть Курильские острова и Сахалин было мечтой юного кадета, молодого мичмана, а позднее капитана.

Гардемаринская практика 1831 г. проходила на кораблях Балтийского флота. Г. Невельской попал на боевой корабль «Великий князь Михаил», которым командовал капитан 2-го ранга Ишкарин. Группой, в которой был Невельской, распоряжался мичман Александр Зеленый. Вместе с Геннадием Невельским плавали Павел Кузнецов, Алексей Бутаков — будущий исследователь Каспий-

⁹ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2232, л. 4—4 об.

ского и Аральского морей, граф Константин Толстой — отец писателя Алексея Константиновича Толстого, Петр Бессарабский — с ним Невельскому придется встретиться на Дальнем Востоке; в другую группу, проходившую практику на корабле «Эмгейтен», вошли Гавриил Безобразов, Николай Рудаков, Иван Изыльметьев — с ним также доведется на Дальнем Востоке встречаться Невельскому, другие сокурсники¹⁰.

Участвуя в боевых учениях флота, гардемаринцы побывали в Таллине (Ревеле) и Либапе (Либаве), получили навыки в производстве морской съемки, в определении места корабля по солнцу и звездам, в артиллерийских стрельбах и кораблевождении. Трехмесячное летнее плавание пролетело незаметно. И когда гардемаринцы возвратились в стены корпуса, они с новым усердием принялись за науку: пошел последний год их обучения. Гардемарины наряду с изучением специальных предметов тщательно следили за всеми новостями, которые говорили о славе русского мореплавания.

Совсем недавно участники плавания на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева принесли весть об открытии шестого материка — Антарктиды. В те же годы другая экспедиция — М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» пыталась пройти из Тихого океана в Атлантический вдоль берегов Азии или Америки — где благоприятнее окажется ледовая обстановка. Большие и важные исследования были проведены во время плавания Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. Ему удалось подробно описать многие места Дальнего Востока — это было особенно интересно Геннадию Невельскому. Как и другие юные моряки, он очень ревниво относился к открытиям — а вдруг им ничего открывать не останется и все до них сделают и откроют. Геннадий Невельской старался такие думы гнать прочь. Дальний Восток и Амур все больше овладевали им.

Произведенный в лейтенанты командир роты гардемарин Александр Зеленый привел летом 1832 г. группу, в которой находился и унтер-офицер Геннадий Иванович Невельской, на последнюю практику на корабль «Кульм», которым командовал брат первооткрывателя Антарктиды

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2232, л. 41—42.

капитан 1-го ранга Андрей Петрович Лазарев, сам совершивший в 1822—1824 гг. кругосветное плавание на шлюпе «Ладога». Плавание на «Кульме» длилось с 23 мая по 6 августа и имело военное значение: в Данциг нужно было доставить сухопутную артиллерию из Кронштадта, а в Кронштадт перебросить часть русских войск. Всею морской операцией командовал Федор Петрович Литке, а его помощником был Самуил Иванович Мофет. С этими выдающимися моряками Геннадию Невельскому доведется затем служить. Особенно благотворно влиял на него Федор Литке.

Между тем приближалось время выпускных экзаменов. Они проводились открыто — были публичными. Но еще раньше, до наступления экзаменов, Невельской уже знал, что ему предстоит продолжить свое образование в Офицерском классе, который впоследствии был преобразован в Морскую академию. Автор разыскал в архиве следующий приказ:

«Комиссии, учрежденной по высочайшему повелению при Морском Кадетском Корпусе для экзамена следующих к производству в офицеры гардемарин и мичманов Офицерского класса

Директора Морского Кадетского Корпуса
Рапорт

Из числа представленных на испытание комиссии унтер-офицеров и гардемарин Аникита Озерский, Павел Кузнецов, Геннадий Невельской, Егор Деденев, Владимир Гильдебрандт, Алексей Бутаков, Алексей Куницкий, Александр Станюкович и Степан Остелецкий выбраны для Офицерского класса. По отличной их нравственности, по наукам, по знанию их иностранных языков и особенно по примеченной в них страсти к усовершенствованию себя в высших науках они подают несомненную надежду, что окажутся сего отличия весьма достойными, и я вполне уверен, что и комиссия при предстоящем испытании их в науках усмотрит, что они оправдывают такой выбор начальства.

Октября 2 дня 1832 года Вице-адмирал Крузенштерн»¹¹

Председателем экзаменационной комиссии был председатель Морского Ученого комитета генерал-лейтенант Иван Логгинович Голенищев-Кутузов¹².

Публичные экзамены проходили со 2 по 12 декабря 1832 г. по закону божьему, навигации и астрономии, алгебре, начертательной геометрии, статике (остойчивости ко-

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2343, л. 122—122 об. Позже в этот список был включен и Никифор Готов.

¹² ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2336, л. 133 об.; д. 2343, л. 41, 112.

рабля.— А. А.), морской описи, корабельной архитектуре и теории кораблестроения, артиллерии, истории, географии, физике, химии, военно-судному праву, русскому, английскому и французскому языкам¹³.

По существовавшей тогда системе подсчета старшинства, слагавшейся из баллов по учебным предметам, по поведению и по фронтовой службе, Невельской набрал в сумме 254 балла — очень высокий показатель. Интересно, как складывался этот показатель: по степени знания учебных предметов Невельской уступил первое место лишь Озерскому — стал вторым (из 68 выпускников), а вот по поведению и по фронтовой службе он оказался лишь 19-м. И это отбросило его в старшинстве на четвертое место — впереди оказались Озерский, Кузнецов и Глотов¹⁴.

Экзамены завершились «танцеванием». Затем наступили приятные хлопоты по шитью и примерке мундира и экипировке. В архиве мною найдены подробности того, что получил мичман Геннадий Невельской. Всем в кредит отпускалась определенная сумма на обмундирование. И у Невельского из-за малого роста образовалась по тем временам приличная сумма сэкономленных денег, а великорослый Павел Казакевич, например, еле-еле уложил-ся в отпущенную сумму.

А 18 декабря в 14 часов в Аничковом дворце состоялся торжественный выпуск мичманов. И по принятой традиции от выпускников выступал лучший — Озерский, завершивший свою речь словами, звучавшими, как клятвенный обет «чтобы быть нам, в течение наступающей новой жизни... во всем достойными имени питомцев Морского кадетского корпуса»¹⁵.

21 декабря было объявлено старшинство выпущенных мичманов, кто в какой экипаж распределялся.

Невельской попадал в 27-й флотский экипаж с зачислением в Офицерский класс. В Офицерский класс попал и не отобранный вначале Никифор Глотов, показавший на экзаменах третье место. Объявляя этот приказ по корпусу, И. Ф. Крузенштерн предупреждал: «Дозволяя вновь произведенным гг. мичманам носить вице-мундиры и сертуки, я считаю нужным объявить им, чтоб

¹³ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2343, л. 110—110 об., 138.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 432, л. 72—75, 123—123 об., 125, 138.

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2162, л. 197 об.

строго соблюдали установленную форму; а также те из них, кои останутся жить в корпусе, могут пользоваться кадетским столом, но только ни в коем случае не нарушали должностного порядка»¹⁶. Это относилось в первую очередь к тем, кто был оставлен еще на три года в Офицерском классе.

В этой связи нельзя еще раз¹⁷ не отметить важный факт в биографии Г. И. Невельского. Еще первый биограф Г. И. Невельского А. К. Сиденснер писал: «Блестяще окончив курс, Невельской, произведенный в мичмана, поступил в Офицерский класс и через три года получил чин лейтенанта»¹⁸. Однако, затем с чьей-то легкой руки на страницах газет, журналов и даже книг появилась версия, что из-за малого роста производство Невельского в офицеры было самим царем задержано. Наиболее красочно эту версию изложил В. Н. Бочков¹⁹. Но ничего подобного с Невельским не произошло. Об этом же говорит и редактор книги Г. И. Невельского В. В. Вахтин, лично знавший Невельского. «В этом чине (чин мичмана.— А. А.) Геннадий Иванович слушал курс математических наук в Офицерских классах (ныне Николаевская Морская Академия)»²⁰. Как мы видели, И. Ф. Крузенштерн отбирал в Офицерский класс лучших из лучших и выражал надежду, что избранные окажутся достойными этого отличия. И Крузенштерн не ошибся: все избранные стали адмиралами флота, учеными, а двое — Г. И. Невельской и А. И. Бутаков — прославили Родину своими географическими исследованиями.

В списке мичманов выпуска декабря 1832 г. мы видим известного впоследствии гидрографа Павла Казакевича, брат которого, Петр, выпущенный позже, стал старшим офицером у Невельского во время исторического плавания на транспорте «Байкал». Степан Остелецкий продолжил традиции семьи потомственных морских офицеров, стал адмиралом. Вместе с ним заканчивал корпус его ближайший земляк костромич Афанасий Юрьев. Закончили корпус представители многих морских фамилий:

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2335, л. 84 об.

¹⁷ Алексеев А. И., Арденгов И. Н., Григоров А. А. Костромичи на Амуре. Ярославль, 1979, с. 7.

¹⁸ Сиденснер А. К. Адмирал Геннадий Иванович Невельской, с. 12.

¹⁹ Бочков В. Н. Открытие Невельского, с. 12.

²⁰ Вахтин В. В. Адмирал Невельской и Амурский край.— Мор. сб., 1890, № 1, с. 9.

Комиссия учрежденная по Высочайшему повелению при Морском Водном корпусе для экзамена симулянтов въ производстве въ Офицерахъ. Тардешевыхъ и Мещеряковъ Офицерамъ первого класса.

Директора Морского Водного корпуса
Вис. Руссовъ

Рапортъ.

Изъ числа присутствующихъ на истоптании Комиссии Ефимъ Офицеровъ и Тардешевыхъ: Акимъ Авраамъ, Павелъ Курцовъ, Геннадій Мельниковъ, Сергій Дедовъ, Владимиръ Гильдебрантъ, Алексанъ Гурьевъ, Алексанъ Кудряковъ, Алексанъ Коневъ и Степанъ Степановъ въ произведении Офицерамъ первого класса. По отличной ихъ нравственности, по наукамъ, по знанію ихъ иностранныхъ языковъ и особенно по прилежанію въ ихъ отрасли въ совершенствованіи себя въ высшихъ наукахъ,

Рапортъ адмирала И. Ф. Крузенштерна с ходатайствомъ о зачисленіи лучшихъ мичмановъ выпускниковъ 1832 г. въ Офицерскій классъ.

ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2343, л. 122—122 об.

они подадут несомненно твердую,
что охраняется его отчаяние-весьма
достойными, и я впрочем уверена,
что и Комиссия при рассмотрении
испытания слов-в науку-успешно
решит, что они имеют значение та-
ковой в области искусства.

Визе Адмирала Кузнецова

Деловая папка
1932 года.

Никифор Глотов, Александр Станюкович, Нил Зеленый, Николай Плеханов, Лев Будищев, Михаил Елагин, Николай и Павел Шульгины, Василий Розенберг, Иван Назимов, Александр Юнкман, Петр Подушкин. Между прочим, в списке мичманов отмечался не только рост, но и возраст. Так вот: у Невельского на 1.I 1833 г. помечено 18 лет. То есть наше предположение об умышленном занижении возраста совершенно точно доказывается, так как на самом деле ему было уже 19 лет. Забегая вперед, скажем, что и после окончания Офицерского класса в графе о нем было написано: «Невельской Геннадий. Костромской Губернии, сын флота лейтенанта, в кадеты — 1829 Апреля 8-го дня, 15-ти лет от роду»²¹.

Как и у всех выпускников, у слушателей Офицерского класса был первый, мичманский отпуск, после которого учение было продолжено. У нас нет сведений, как провел свой отпуск молодой офицер Невельской. Вероятно, съездил в свою костромскую сторону повидаться с родными и знакомыми.

Годы обучения в Офицерском классе Невельской провёл по-прежнему в корпусе. У Крузенштерна еженедельно устраивались чаепития с молодыми офицерами — слушателями классов, на которых бывали и другие морские офицеры. Там велись шумные беседы о будущем российского флота, обсуждались перипетии Наваринского сражения и действия командира «Азова» М. П. Лазарева, чаще же всего разговор шел о дальних странах и плаваниях. Кроме плавания Ф. П. Литке, состоялись кругосветные плавания В. С. Хромченко на корабле «Елена» и Л. А. Гагемейстера на транспорте «Кроткий». Ожидали возвращения В. С. Хромченко из второго кругосветного плавания на транспорте «Америка». Приходили сведения об открытиях и исследованиях на Дальнем Востоке и в Русской Америке: А. К. Этолин описал о. Атту на Алеутских островах, он же описал северные берега залива Нортопа; П. Т. Козьмин описал Шантарские острова и юго-западную часть Охотского моря, во время описи Шантарских островов открыл острова Кусова и Прокофьева; П. Ильин — побережье Камчатки от Авачинской бухты до мыса Шипунского. Все неясное мог объяснить и дополнить сам И. Ф. Крузенштерн. А иногда бывали тут и сами

---

²¹ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 4617, л. 1.

мореплаватели, которые откликались на просьбу директора Морского корпуса навестить его. Нередко можно было встретить у Крузенштерна Федора Литке, который писал книгу о своем плавании. Царь назначил его воспитателем вел. кн. Константина, которому предстояло стать генерал-адмиралом русского флота.

К преподаванию в Офицерском классе были привлечены лучшие научные силы столицы. Упор делался на математические дисциплины и связанные с ними самым тесным образом мореходные предметы. Вариационное исчисление и механику читал академик В. Я. Буняковский, исчисление вероятности и математическую физику — академик М. В. Остроградский, астрономию преподавал академик П. В. Тарханов, корабельную архитектуру и теорию кораблестроения — известный кораблестроитель С. И. Бурачек. Слушателям преподавали также высшую алгебру, аналитическую геометрию, дифференциальное и интегральное исчисление, артиллерию, фортификацию, химию, русскую литературу, историю (ее читал тогда только начинавший свою деятельность будущий академик Н. Г. Устрялов)²².

Но занятия в классах занимали зимнее время, а с началом навигации все слушатели находились на кораблях, на которые были расписаны. В отличие от строевых офицеров они во время плавания должны были пройти предписанный курс работ и итоги их представить осенью своим профессорам. Летом 1833 г. Невельской плавал на трех кораблях: «Проход», «Иезекиль» и «Помона». Не выходя из Финского залива, корабли побывали в Свеаборге и Ревеле.

Если в первые два года практика в основном касалась артиллерийских стрельб и управления кораблем, то перед выпуском она носила специальный характер: под руководством известного гидрографа М. Ф. Рейнеке²³ отрабатывались на фрегате «Венус» методы гидрографических работ. Моряки побывали на сей раз в Балтийском море и заходили в Ригу. Мичман Невельской успешно выдержал экзамены и 28 марта 1836 г. был выпущен из Офицерского класса лейтенантом с назначением на фрегат «Беллона», под команду капитан-лейтенанта Самуила Ивано-

---

²² ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 1, д. 2343, л. 36—36 об.

²³ Ближайший друг прославленного флотоводца П. С. Нахимова.

вича Мофета, в эскадру контр-адмирала Федора Петровича Литке.

Но туда он попал лишь в конце мая, после отпуска, который провел в Дракино. На сей раз мы можем говорить об этом точно. Радости хватало всем. Еще бы: высшее морское образование и чин лейтенанта в 22 года. Было от чего радоваться матери, сестрам, брату и всей многочисленной родне. Вполне возможно, что в этом же году он побывал в Кенешме на свадьбе сестры Марии. Радовался Невельской и тому, что попал служить в эскадру прославленного мореплавателя и выдающегося ученого-гидрографа — это сулило много возможностей в исполнении своих замыслов и планов. У такого командующего было чему поучиться.

В эскадру Ф. П. Литке входили флагманский фрегат «Беллона», корвет «Князь Варшавский», бриг «Патрокл», шхуна «Дождь» и тендер «Лебедь»²⁴. Близкое знакомство с Ф. П. Литке сыграло немалую роль при решении вопроса об исследовании Г. И. Невельским устья Амура и о. Сахалин. Напомним в этой связи, что и непосредственный предшественник Невельского по исследованиям на Дальнем Востоке А. М. Гаврилов, плававший там в 1846 г., был рекомендован Ф. П. Литке своему другу Фердинанду Петровичу Врангелю, возглавлявшему тогда Российско-Американскую компанию.

Невельской десять лет провел на флагманских кораблях эскадры, которыми командовал замечательный моряк, представитель славной морской династии выходцев из Великобритании С. И. Мофет, тогда капитан-лейтенант, совершивший кругосветное плавание вместе с Ф. П. Литке на корабле «Моллер», которым командовал М. Н. Станюкович. Он побывал в Русской Америке, участвовал в открытиях на Тихом океане.

Лишь навигацию 1836 г. Г. И. Невельской провел на «Беллоне», побывав вместе с ней в крейсерстве по Балтийскому морю. Зимовала эскадра в Кронштадте, но это не означало, что офицеры безвыездно находились там, — они часто выезжали в Петербург. В навигацию 1837 г. флагманским кораблем стал фрегат «Аврора». Соответственно туда перебрались Ф. П. Литке и С. И. Мофет. Невельской также был переведен туда.

В навигацию 1838 г. в состав эскадры входила «Пал-

---

²⁴ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 77.

лада». Никак не мог подумать тогда Невельской, что с этим фрегатом будет у него связано столько событий на Дальнем Востоке. Эскадра совершила переход по маршруту Кронштадт—Либава—Аландские острова—Свеаборг—Кронштадт. 5 декабря 1838 г. Невельской получил за отличную и усердную службу свой первый орден — св. Станислава 4-й степени.

Не отличались разнообразием и плавания 1839—1841 гг. Разве только то, что в 1839 г. в плавании не принимал участия Ф. П. Литке — был в отпуске, вместо него командовал адмирал Л. П. Гейден, да принял участие в плавании начальник Главного морского штаба адмирал А. С. Меншиков. В 1840 г. Ф. П. Литке снова принял командование эскадрой. В этот год плавание было более продолжительным: моряки побывали в Киле, стояли на рейде Копенгагена.

Около пяти месяцев длилось интересное плавание в навигацию 1841 г. Эскадра в составе фрегата «Аврора», корвета «Князь Варшавский» и брига «Казарский» побывала в Дании и Голландии. В Копенгагене моряки ознакомились с городом, побывали в замке Фридрихсберг, Гельсиноре, посетили Адмиралтейство. Большой интерес вызвало посещение Исторического картографического архива, среди карт которого моряки обнаружили к своему удовольствию немало старинных русских карт. Интересным было и посещение Голландии, где моряки осмотрели в Саардаме дорогой каждому русскому домик Петра I, царя-плотника, побывали и в Амстердаме, совершили сухопутную поездку по этой небольшой стране. А в Лейдене Ф. П. Литке с офицерами, среди которых был и Г. И. Невельской, познакомились с известным исследователем Японии Ф. Ф. Зибольдом, книга которого тогда только что вышла и вызвала несомненный интерес у читающей публики. Невельской в 1841 г. был переведен в 19-й флотский экипаж и 6 декабря того же года получил второй орден — св. Анны 3-й степени. На Балтике прошла и кампания следующего года, а в 1843 г. эскадра плавала в Ботническом заливе.

С 15 сентября 1842 г. по 15 января 1843 г. Невельской снова был в отпуске, ездил на родину. Там, в Кинешме, в октябре он с сестрой и ее мужем оформили свои права на имение Аннино и д. Крутово²⁵.

²⁵ ГАИО, ф. 903, оп. 1, д. 1851, л. 1, 2.

Лейтенанту Невельскому шел тридцатый год. Он внимательно следил за делами на Дальнем Востоке и, может быть, лучше, чем кто-нибудь другой, понимал необходимость проведения новых исследований. Заинтересовали его и сведения, полученные от Ф. Ф. Зибольда, о том, что японцы на лодке сумели преодолеть осушенное место между Сахалином и материком.

В начале 1844 г. Невельской был переведен в 10-й флотский экипаж и назначен на только что построенный в Архангельске корабль «Ингерманланд». Командовать им был назначен произведенный в капитаны 2-го ранга С. И. Мофет. Вместе с этим кораблем был спущен на воду и фрегат «Константин». Следовательно, Невельскому предстояло отправиться в Архангельск. Он выехал туда вместе с Ф. П. Литке 13 мая 1844 г. По дороге заезжали в Шлиссельбург, побывали в Лодейном Поле и 23 мая прибыли к месту назначения. Геннадий Иванович Невельской был назначен вахтенным офицером «Ингерманланда». По тем временам «Ингерманланд» был прекрасный парусник, имевший 178 футов в длину, 48 в ширину и осадку 19 футов. Его водоизмещение составляло 1371 т, вооружение — 47 пушек. Экипаж насчитывал 745 старшин и матросов и 30 офицеров. С. И. Мофет и все офицеры имели полное основание гордиться таким назначением.

Ф. П. Литке пребывание в Архангельске, где он всех знал и где его все знали, напомнило годы, проведенные здесь в связи с четырьмя плаваниями к Новой Земле. И конечно, ему было легче договариваться с кораблестроителями. Пока корабли довооружались, экипаж и офицеры познакомились со старейшим морским портом страны. Впрочем, на это времени было немного, так как всего несколько дней понадобилось для полной готовности кораблей.

5 июня 1844 г. под буксирами корабли вышли из Архангельска, но встали под паруса лишь через 18 дней — столько потребовалось времени, чтобы выбраться из мочуей дельты Северной Двины и выйти за бар реки. Затем с помощью лоций и карт М. Ф. Рейнеке и под руководством Ф. П. Литке, прекрасно знавшего побережье, более месяца шли по Белому морю и вдоль берега Кольского п-ова по Баренцову морю до мыса Нордкап.

1 июля 1844 г. корабли миновали самую северную точку Европы. До 10 августа, до прихода на рейд Копенгагена, моряки не ступали на берег. Шли открытым морем,

изредка наблюдая на горизонте побережье Скандинавии. В Копенгагене задержались лишь на четверо суток, которые потребовались для того, чтобы запастись водой и свежей провизией, — все спешили домой, в Кронштадт и Петербург. 24 августа корабли встали на якорь на Большом Кронштадтском рейде.

За время этих плаваний Г. И. Невельской ближе сошелся с Ф. П. Литке и Ф. П. Лутковским. Дальний Восток занимал главное место в их разговорах. Невельской был в курсе всех дел, связанных с созданием Русского географического общества, инициатором которого стал Ф. П. Литке. Узнал он о предстоящем плавании в Средиземное море, которое готовил Ф. П. Литке и в котором Г. И. Невельскому также предстояло участвовать.

До глубокой осени 1845 г. офицеры «Ингерманланда» и «Князя Варшавского», а также находившегося в Средиземном море корвета «Менелай» (который был впоследствии послан на Дальний Восток и переименован в «Оливуда») готовились к дальнему плаванию вокруг Европы. Командовал «Ингерманландом» по-прежнему С. И. Мофет, произведенный в капитаны 1-го ранга.

7 октября 1845 г. в большом конференц-зале Академии наук состоялось открытие Русского географического общества, на котором вступительную речь произнес Ф. П. Литке, избранный вице-председателем общества.

В своем программном выступлении Ф. П. Литке подчеркивал, что огромные пространства России «указывают прямо, что главным предметом Русского Географического общества должно быть возделывание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении»²⁶. Сразу после заседания Ф. П. Литке отправился в Кронштадт, где его ожидала готовая к выходу эскадра. Конечно, контр-адмирал рассказал офицерам о создании Географического общества. Известие о том, что Литке стал фактически во главе общества, было встречено ими восторженно, а Невельской был особенно рад, так как с этим в какой-то мере связывал свои замыслы.

10 октября 1845 г. эскадра вышла из Кронштадта, заходила в Ревель, Копенгаген, Плимут, совершила переход через Бискайский залив в Гибралтар, а затем началось увлекательное плавание по Средиземному морю, где все было ново и необычно. Моряки побывали в Тулоне, Ал-

---

²⁶ Алексеев А. И. Федор Петрович Литке. М., 1970, с. 198.

жире, Неаполе, на Мальте, в Мессине, Сиракузах, Палермо. На обратном пути эскадра заходила в Тулон, Алжир, Кадис, Лиссабон, Портсмут, Копенгаген, откуда ездили в Гаагу, Веймар, Берлин, а из Портсмута — в Лондон, где Ф. П. Литке установил связи с президентом английского Королевского географического общества Р. И. Мурчисоном. Невельской сопровождал Литке на приемы в Лиссабоне, а в Неаполе принял участие в восхождении на Везувий. 29 июня 1846 г. в Кронштадт возвратились все корабли, кроме корвета «Оливуца», оставшегося в Средиземном море.

Невельского, как и других участников плавания, ждала награда — полугодовой оклад жалованья, а 15 июля 1846 г. он стал капитан-лейтенантом. И опять приходят на память слова некоторых авторов о том, что десятилетний срок пребывания в чине лейтенанта — это плохой показатель службы офицера или же предвзятого отношения к нему начальства²⁷. К 33 годам Невельской получил два ордена, имел чин капитан-лейтенанта и, таким образом, право претендовать на занятие капитанской должности. Геннадия Ивановичу было очень лестно слышать, что ему готовят корабль или фрегат, однако мечта о кругосветном плавании, во время которого можно было бы разобраться в запутанном деле р. Амур, никак не выходила у него из головы.

Прелюдией к занятию капитанской должности стала командировка на Черное море летом 1846 г. Невельской ездил в Севастополь и в Николаев с заданием осмотреть условия стоянки кораблей в этих портах, оценить оборудование ремонтных мастерских и обо всем представить обстоятельный доклад. Невельской справился с поручением и остался ждать решения своей командирской судьбы. 12 августа умер И. Ф. Крузенштерн, который так много значил в жизни Невельского. Невельской теперь уже считал себя обязанным доделать то, что не удалось его учителю и командиру И. Ф. Крузенштерну и его многолетнему начальнику и наставнику Ф. П. Литке.

---

²⁷ Хотя 10 лет и могут показаться слишком большим сроком службы в одном звании, но это был тот срок, который строго выдерживался на флоте. Лишь в исключительных случаях, за боевое отличие, чин давался досрочно. Для поощрения офицеров имелись ордена, благодарности, награждения деньгами. Все это, как мы знаем, получал и лейтенант Геннадий Иванович Невельской.

Осенью на первом годичном собрании Географического общества, которое состоялось 29 ноября 1846 г., Невельской внимательно слушал отчетный доклад Ф. П. Литке и выступления по докладу известных ученых, прославленных мореплавателей, географов, академиков. В зале заседаний был и Александр Пантелеймонович Баласогло, когда-то преподававший в корпусе кадетам «шагистику». С ним Невельской встречался год назад. Теперь Баласогло вышел в отставку и работал в архивах. Он прекрасно изучил историю Амура и еще тогда поделился с Невельским своим планом организации плавания по Амуру. Эта идея встретила у Невельского полнейшее сочувствие, и они уже вдвоем обдумывали новый проект исследования Амура и Сахалина.

Теперь же беседа была продолжена. По их замыслам, экспедиция должна была состоять из двух отрядов — морского и речного. Речной отряд должен был спуститься по Амуру, описать реку, условия плавания, наладить добрые отношения с местными жителями и встретиться в устье Амура с морским отрядом, который должен был описать Сахалин, исследовать лиман Амура и его устье. Договорились, что весной 1847 г. они встретятся и окончательно решат детали и сроки осуществления своего проекта. А пока в отпуск²⁸.

Невельской был в отпуске с 15 декабря 1846 г. по 15 марта 1847 г.

Нам известно, что усилиями всех Невельских и Купреяновых мать его была перевезена в Кинешму, где жили с 30-х годов Купреяновы и усадьба которых стала, после смерти в 1846 г. П. А. Купреянова, таким образом, основным гнездом и Невельских²⁹. Сюда после Дальнего Востока в поправившееся сельцо часто, вплоть до 1873 г., приезжали Невельские, имевшие имения в Кинешемском уезде.

Возвратившись весной 1847 г. в Петербург, Г. И. Невельской увиделся с А. П. Баласогло, и они договорились, что плавание по Амуру будет готовить и осуществлять Баласогло, а исследовать лиман Амура и Сахалин с моря на морском судне — Невельской. Как только представилась возможность, Невельской рассказал об этих планах Литке. Тот советовал обождать и дал понять, что скоро ему,

²⁸ ГАКО, ф. 121, оп. 2, д. 237, л. 6.

²⁹ ГАКО, ф. 122, оп. 1, д. 1889, л. 1 об.

может быть, придется уходить в кругосветное плавание. А пока они расставались. Невельской на «Ингерманланде», но с другим командиром — капитаном 2-го ранга С. В. Воеводским в составе сводной дивизии под флагом контр-адмирала Епанчина 2-го все лето крейсировал в Балтийском и Немецком морях. В Кронштадт «Ингерманланд» возвратился осенью 1847 г.

Перед уходом в плавание, сразу после возвращения из отпуска, Невельской вместе с другими офицерами прощался с испытанным командиром капитаном 1-го ранга С. И. Мофетом. Первоначально на фрегат «Паллада» был назначен Г. И. Невельской, а не С. И. Мофет. Невельской просил Литке сделать так, чтобы было удобно пере назначить его на вновь строящийся транспорт, который должен был отправляться на Дальний Восток. Таким образом, Невельской не попал на фрегат «Паллада». А когда Геннадий Иванович Невельской возвратился в Петербург, то узнал, что Литке свое слово сдержал: приказ о его назначении командиром транспорта «Байкал», который строился на верфях Финляндии, был подписан еще в конце февраля.

В это время Невельской, видимо, не один раз встречался с Баласогло, обсуждая теперь новые возможности для осуществления своего проекта. О том, что такие встречи были, можно предположить на основании сохранившейся записки Невельского к Баласогло, относящейся к более позднему времени (мы о ней скажем в своем месте). Для Невельского назначение открывало путь к осуществлению своей мечты. Увязать же свое назначение с проектом Баласогло оказалось совсем непросто. Невельской, связанный служебным положением и обязанностью своевременно подготовить транспорт к походу, не мог свободно распоряжаться временем для хлопот по проекту Баласогло, а у последнего, как это впоследствии выяснилось, были и другие причины несколько охладеть к своему проекту.

Плавание транспорта «Байкал» в 1848—1849 гг.

Транспорт «Байкал» еще только строился в Гельсингфорсе и должен был быть спущен на воду в сентябре 1848 г. Нетерпеливого Невельского это не устраивало, так как поздний выход в плавание не оставил бы времени

для исследовательских работ следующим летом в лимане Амура и у побережья Сахалина. Путь был один: добиваться у начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова разрешения ускорить строительство и просить его же, чтобы исследовательские работы в юго-западной части Охотского моря были включены в инструкцию. Добиться аудиенции помог Ф. П. Литке. Внимательно выслушав Г. И. Невельского, А. С. Меншиков доброжелательно заметил, что так как исследовательские работы не входили в план отправки транспорта, то путешествовать Невельской мог лишь за счет сэкономленного времени. Экономить же можно было на форсировании строительства транспорта и на возможно более быстром переходе его в район работ. Начинать же следовало со строительства. С этой целью по просьбе Невельского Меншиков подписал письма владельцам судостроительной фирмы Боргстрем и К^о о форсировании строительства и распоряжение интендантскому управлению ускорить погрузку на транспорт всех отправляемых товаров.

Что касается инструкции, то Меншиков порекомендовал Невельскому обратиться к недавно назначенному генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (1809—1881). Это был один из самых молодых российских генерал-губернаторов. До этого он был губернатором Тульской губернии и теперь назначался в Сибирь. В его руках оказалась территория, равная по площади нескольким европейским государствам. Суровая природа, дикие нравы местной администрации, каторга, тюрьмы, отдаленность от европейских центров, географическая неизученность многих районов, и особенно Дальнего Востока и Крайнего Севера, — эти факторы были известны новому губернатору еще до отправления в Иркутск. Он, несомненно, хорошо изучил историю Сибири и Дальнего Востока.

Невельской был принят Н. Н. Муравьевым, с жаром рассказал ему о своих планах и встретил полное понимание и поддержку. На «Байкал» была возложена задача: доставить жизненно важные грузы на Дальний Восток. В получении разрешения провести исследования без дополнительных ассигнований Н. Н. Муравьев обещал Невельскому полную поддержку. Значит, ближайшая задача — транспорт «Байкал».

Невельской едет в Гельсингфорс и передает руководителям верфи пожелание Меншикова ускорить работу и вместо осени 1848 г. спустить «Байкал» на воду уже в

июле. Пожелание начальника Главного морского штаба расценивалось как приказание, поэтому и принято было к неуклонному исполнению. Старший офицер транспорта лейтенант Петр Васильевич Казакевич (1814—1887), закончивший корпус позже Невельского (родной брат Павла Казакевича, учившегося вместе с Невельским), остался наблюдать за строительством. А Невельской возвратился в Петербург. Здесь в Интендантском управлении, пользуясь распоряжением Меншикова, Невельской заявил, что будет принимать не вещи, упакованные в тюках, а сами тюки. Иными словами, он снял с себя ответственность за содержимое тюков и отвечал лишь за количество их. Он также выговорил себе право проверки качества материалов, помещенных в тюки, путем вскрытия тюка по выбору. Интенданты были крайне расстроены, но пришлось класть в тюки самый хороший материал: они же отвечали за него до Камчатки.

Г. И. Невельской в зиму 1847/48 г. неоднократно встречался с А. П. Баласогло. Не установлено, знал ли Невельской тогда и узнал ли когда-либо потом, что Баласогло посещал кружок, которым руководил М. В. Петрашевский. В основе общественной, политической и экономической программы петрашевцев лежало требование уничтожения феодального крепостнического строя. В кружке обсуждались проекты освобождения крестьян, замена самодержавия республикой, о свободе печати и пр. У Невельского с Баласогло были иные причины для встреч, но и этого хватило для того, чтобы имя Невельского фигурировало на процессе петрашевцев. Несомненно, Невельской хотел привлечь к исследованиям Амура и капитана Генерального штаба Павла Алексеевича Кузьмина, также участника кружка петрашевцев. Можно думать, что Невельской делился своими планами с Меншиковым и Муравьевым и ему стало ясно, что в настоящее время осуществить их в полной мере нельзя. Видимо, к этому времени относится фигурировавшая в деле петрашевцев записка Невельского, установить точную дату которой не удалось:

«Александр Пантелеймонович! Ко мне в 10¹/₂ часов будет Кузьмин, офицер Генерального штаба, о котором я тебе говорил. Он вчера у меня был и хочет непременно с тобою познакомиться, переговорить об известном тебе предмете. Сделай одолжение, приходи ко мне 10-го, я буду с ним ждать до 12 часов. Чем премного обяжете предан-

ного тебе Невельского. Очень, очень нужно. Воскресенье 8 1/2 часов утра»¹.

Знакомство Невельского по крайней мере с двумя петрашевцами, которые в апреле 1849 г., после ухода в плавание транспорта «Байкал», были арестованы, естественно, наводит на мысль о возможности участия и самого Невельского в кружке петрашевцев. Но кроме приведенной записки и еще одной-двух малозначащих заметок, в деле петрашевцев о нем больше ничего мы найти не можем. Нет никакого следа об этом и в бумагах Невельского. Можно полагать, что только уход в дальнейшее плавание избавил Невельского от привлечения к суду по делу петрашевцев. Вполне вероятно, что Невельскому доводилось встречаться с петрашевцами, в частности с самим М. В. Петрашевским, а также с П. А. Кузьминым, в Иркутске. Судьба А. П. Баласогло, который не был осужден на процессе, нам неизвестна. Во всяком случае, можно предполагать, что пути Невельского и Баласогло разошлись после того, как Невельскому стало ясно, что их общий проект не будет осуществлен.

Среди забот и хлопот Невельской не забывал и о своих родственниках, проживавших в Петербурге. Так, его двоюродная племянница Мария Сергеевна Угличанинова — дочь двоюродной сестры Александры Петровны Вороновой — оставила воспоминания об одном посещении их квартиры Г. И. Невельским именно в это время: «Какое было мое изумление, когда спустя несколько времени к нам вошел морской офицер, небольшого роста, с лицом, сильно испорченным оспой, с маленькими глазками, с небольшою растительностью на голове и вообще очень невзрачный» — таким показался он с первого взгляда никогда его не видевшей племяннице. Но через некоторое время она писала: «С его приходом вся квартира наша как будто оживилась. Это был в высшей степени подвижной человек. Он не мог сидеть на месте и все время ходил из угла в угол по нашей комнате, иногда останавливаясь предо мною, рассказывая о тех заботах, затруднениях и разных препятствиях, которые он несет в настоящее время, собираясь в свой дальний путь в Сибирь; говорил об опасностях и лишениях, предстоящих на его пути и там, где он будет, но прибавляя, что он готов все превозмочь, все преодолеть и не перед чем

---

¹ Дело петрашевцев. М.; Л., 1941, т. 2, с. 50.

не остановится и что если ему удастся исполнить, что он задумал, то это не мало прибавит и славы и пользы для России. Слушая его, я думала про себя: „Ах, как он обожает Россию!“, и, глядя на его воодушевленное лицо, на его сверкающие огнем глаза, он мне казался и выше ростом, и даже красивым. Он просидел у нас недолго, говоря, что в настоящее время не имеет решительно ни одной свободной минуты»².

У Невельского действительно времени было мало: нужно было следить за строительством «Байкала», заниматься укомплектованием экипажа, а самое главное — использовать благожелательное отношение Меншикова и Муравьева для того, чтобы получить разрешение на исследования. В нашем распоряжении имеются многочисленные документы о постройке «Байкала», и из них прекрасно видно, сколько усилий прилагал Невельской к тому, чтобы в начале лета транспорт был спущен на воду: он часто ездил в Гельсингфорс — а там постоянно жил П. В. Казакевич, — убеждал, доказывал и даже грозил именем Меншикова.

По его указаниям были внесены изменения во внутреннее расположение помещений транспорта, который строился по чертежам транспорта, уже построенного для Черноморского флота, — «Сухум-Кале». Он требовал увеличения остойчивости транспорта, надежности на случай плавания в ледовых условиях и отличной управляемости, которая потребуется при плавании в узкостях. Наконец, Невельской убедился, что кораблестроители не подведут и окопчат строительство в оговоренные Невельским несоизмеримо более ранние сроки, чем было намечено первоначально. Наверное, трудно было неизвестному капитан-лейтенанту самому пробивать свое дело в сановном Петербурге, поэтому он и послал Муравьеву 10 февраля 1848 г. такое письмо:

«Зная Ваши благия намерения сделать все полезное для страны, Вам вверенной, и бывши столь много обласкан вашим превосходительством, я долгом поставил себе уведомить Вас, что, судя по ходу работ, надеюсь непременно выйти в море в самых первых числах августа, и при таком раннем выходе я твердо уверен, что буду иметь возможность идти кругом мыса Горна и по-

---

² Угличанинова М. С. Воспоминания воспитанницы Смольного монастыря сороковых годов. М., 1901, с. 45—46.

тому в самых первых числах мая 1849 года быть в Петропавловском порте, где, чтобы сдать петропавловский и охотский грузы, достаточно было простоять 2½ недели, следовательно, я буду иметь впереди все лето 1849 года, т. е. июнь, июль и август месяцы. Это время могло бы быть употреблено с величайшею пользою, а именно на осмотр и опись юго-восточных берегов Охотского моря (теперь мы говорим — юго-западное побережье Охотского моря.— А. А.), начиная от Тугурской губы и далее к востоку до лимана р. Амура, на исследование и опись самых устьев этой реки и пространства между остр. Сахалином и матерым берегом Азии. Но в настоящем случае вижу, что без ходатайства вашего превосходительства здесь никто о том и не думает, а без предписания я, сам собою, не посмею действовать. Между тем случай и время, дорогое время, будут потеряны»³.

Невельской решил сам предложить вариант будущей инструкции. Он настаивал, чтобы ему официально записали в ней, «... что я в Петропавловске должен сдать и охотский груз (т. е. чтобы не идти из Петропавловска еще и в Охотск.— А. А.) и постараться в исходе мая выйти из Петропавловского порта и следовать к описи новой В. К. губы (губы Константина, открытой и исследованной в 1847 г. В. К. Поплонским по приказанию командира Охотского порта И. В. Вонлярлярского с целью определить возможность переноса туда порта из Охотска.— А. А.) и к востоку лежащего от нея берега и что если в продолжение лета и осени 1849 года не будет возможности окончить опись эту, то на зимние месяцы идти в Петропавловский порт, а буде же, по позднему времени или по каким-либо причинам, взойти в Петропавловск будет невозможно, то на это время идти на остр. Тихого океана, где я найду более удобным провести зимние месяцы, с тем чтобы с раннею весною воротиться опять к описи и по окончании уже которой следовать в Охотск и сдать судно и... постараться зайти в лиман Амура, исследовать устье этой реки и пространство между материком и остр. Сахалином до предела к югу сколь возможно большему...».

Очень хорошо и убедительно закончил это письмо Невельской: «Ваше превосходительство! Мне бы гораздо, конечно, гораздо легче было, как доселе предполагается,

---

³ Романов Д. И. Указ. соч., кн. 7, с. 94—95.

отвезти груз в Петропавловск и Охотск, сдать судно и преспокойно воротиться, нежели иметь на своей ответственности подобную работу. Но я вполне понимаю, сколь важны для нашего отечества подобные исследования, священным долгом поставил бы себе предать о всем этом добросовестно и так, как оно действительно есть. Чувствую, что деятельности, знания и способностей моих достанет, и средства и время есть»⁴.

Н. Н. Муравьев откликнулся сразу и направил 9 июня письмо А. С. Меншикову, в котором извещал, что занят просмотром проекта Морского министерства о переносе порта в гавань Константина, что, по его мнению, проектируемая И. В. Вонлярлярским сухопутная дорога от этой гавани (если в ней будет устроен порт) в Сибирь невозможна и что предварительно следовало бы подробно описать юго-западное побережье Охотского моря от Тугурского залива до устья Амура (т. е. повторил то, о чем ему писал Невельской). Затем он писал: «...известившись еще в Петербурге, что в начале августа сего года отправляется из Кронштадта в Камчатку транспорт и что судно это при благоприятных условиях может прибыть в Камчатку в мае будущего года, я приемлю смелость покорнейше просить вашу светлость разрешить мне, по сдаче этим транспортом всего груза в Петропавловском порте, употребить его со всем экипажем для описания берегов по моему усмотрению и инструкции, которая в таком случае будет мною выслана к командиру транспорта в Петропавловский порт»⁵. В начале июля это письмо было уже в Петербурге.

10 июля строители спустили на воду транспорт «Байкал», вошедший в историю Дальнего Востока вместе со своим командиром. Это был небольшой корабль, водоизмещением 250 т, длиной 94 фута, шириной 24 фута 7 дюймов и осадкой с полным грузом 12 футов 9 дюймов. Требования Невельского строителями были учтены. 20 июля «Байкал» был уже на Кронштадтском рейде. И теперь нужно было совсем немного времени, чтобы выйти в море: оставались лишь оснастка и погрузка. Теперь и Меншиков понимал, что усердный капитан Невельской сумеет весной следующего года прийти в Петропавловск. Ну а раз так, то почему бы ему и не попробовать про-

⁴ Там же, с. 96—98.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 2205, л. 39 об.

вести исследования Амура и Сахалина. Всех волновал вопрос о морском порте на Тихом океане. Охотск давно снискал себе печальную славу крайне неудобного порта, и практически с момента его основания в течение столетия шли поиски другого места для порта. Несмотря на то что вновь открытая гавань Константина была хороша и удобна, чтобы добраться до нее из Сибири, нужны были месяцы.

И Меншиков обещал Невельскому добиться разрешения и приказал ему готовить проект такой инструкции. Невельскому не нужно было повторять приказание дважды. Через два дня проект был готов. Несколько исправив его, Меншиков обещал в таком виде представить его на утверждение. А Муравьеву Меншиков отвечал 25 августа 1848 г., что он уже «поручил отправляющемуся на транспорте „Байкал“ в Охотск флота капитан-лейтенанту Невельскому, дабы он поспешил прибыть в Петропавловский порт к половине мая будущего 1849 года и, сдав там привезенный груз, отправился немедленно к Сегнекинскому мысу для подробного осмотра юго-восточных берегов Охотского моря...»⁶. В пунктах 8 и 9 приложенной к письму инструкции Невельскому предписывалось: «8. Вы осмотрите также юго-восточные берега Охотского моря, тщательно проверите положение тех пунктов, какие из оных были определены или только видимы были прежними мореплавателями, а положение самого берега между каждым из этих пунктов постарайтесь привести в столь возможно большую соответственно времени ясность и определенность, необходимую для безопасности плавания наших судов по Охотскому морю. 9. Подробные за тем инструкции по 7-му и 8-му пунктам Вы получите в Петропавловске от исполняющего должность Военного Губернатора Восточной Сибири, у которого... и имеете находиться в полном распоряжении, разумеется в соответствующем только 7 и 8 пунктам инструкции»⁷.

Хочется отметить, как сравнительно легко был внесен в инструкцию пункт об исследовании юго-западной части Охотского моря. В правительстве имелись две группы, которые по-разному относились к освоению Дальнего Востока и к политике, проводимой там Н. Н. Муравье-

⁶ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 2205, л. 43.

⁷ Там же, л. 46.

вым. Выразителем взглядов реакционной группы был канцлер К. В. Нессельроде, вокруг которого объединялись военный министр, министр финансов, министр двора, директор Азиатского департамента и др. К другой группе, которая составляла оппозицию кругу Нессельроде, принадлежали начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков, министр внутренних дел Л. А. Перовский, его брат, оренбургский генерал-губернатор, и др. К ним примыкал и Н. Н. Муравьев.

Материалы, связанные с плаванием Невельского, прошли через Меншикова, поэтому они нигде и не задержались. Меншиков был уверен, что царь утвердит инструкцию. Уверенность эта базировалась на интересе, который проявлялся к проблеме освоения Амура. Теперь, когда представлялась возможность проверить выводы А. М. Гаврилова, решено было использовать эту инструкцию. Итак, Невельской уходил в плавание, имея на руках лишь приведенную выше инструкцию. Инструкцию от генерал-губернатора Восточной Сибири и, самое главное, инструкцию, утвержденную царем, он должен был получить в Петропавловске-на-Камчатке.

Старшим офицером «Байкала» был Петр Васильевич Казакевич, вторым лейтенантом — Александр Карлович Гревенс, мичманами — Алексей Федорович Гейсмар и Эдуард Васильевич Гроте, а штурманами — поручик корпуса флотских штурманов Александр Антонович Халезов и подпоручик корпуса флотских штурманов Лев Александрович Попов. Врачом экспедиции был Владимир Г. Берг. Среди офицеров числился еще юнкер князь Константин Александрович Ухтомский. Команда была укомплектована русскими матросами и унтер-офицерами: боцман Иван Иванов, подшкипер Жиганов, фельдшер Дементьев, писарь 2-го класса Сидоров, унтер-офицеры Войтехович, Макрушев, Лысаков, мастеровой унтер-офицер Родошевский, матросы-рулевые Иван Подобин, Капустин, Лауристин, Анучин; матросы-марсовые Шестаков, Петров, Андерсен, Предин, Умов, Камнев, Михайлов, Гречухин; матросы 1-й статьи Горбунов, Попов, Лебедев, Забелин, Подобин, Волинцев, Котов, Конощев; матросы 2-й статьи Митюхин, Орлов, Залуцкий, Новограблин, Солонов; рядовые Семенов, Пупков, Гаврилов; крепостные слуги офицеров Николай Тяпкин и Евлампий Андреев. К ним нужно присоединить трех алеутов, взятых в Петропавловске для управления байдарами, с которых

предполагалось проводить исследования: Попков, Яранский и Свининский⁸.

21 августа 1848 г. транспорт «Байкал» на буксире парохода «Ижора» был выведен с Малого Кронштадтского рейда за Толбухин маяк и начал самостоятельное плавание. Не все сразу получалось, так как не были обтянуты снасти, не присмотрелись друг к другу офицеры, да и команда еще не обвыкла. А все вместе присматривались к тому, как поведет себя транспорт под парусами. И море сразу устроило проверку; сильные противные ветры заставили укрыться за о. Сескар и отстаиваться там двое суток. Но и после этого погода не улучшилась, и до Копенгагена добирались две недели.

Такие замедленные переходы никак не входили в расчеты Невельского и заставляли его до минимума сокращать стоянки в портах. 8 сентября прибыли в Копенгаген, а на следующий день уже ушли оттуда в Портсмут. И снова незадача: теперь ветер хоть и был попутный, но настолько слабый, что транспорт шел проливами Каттегат и Скагеррак прогулочным ходом. В результате в Портсмут под проводкой лоцмана вошли лишь 16 сентября. И тут, как ни спешил Невельской, предстояло простоять недели две, так как надо было проверить хронометры, пополнить запасы свежей провизии и воды, закупить недостающее снаряжение, в частности морские карты на предстоящее океанское плавание и мореходные инструменты. Конечно, по очереди ходили в увольнение, ездили в Лондон. От русского посланника Невельской узнал, что незадолго до прихода «Байкала» отсюда ушел на Черное море купленный в Англии пароход «Владимир», на борту которого находился В. А. Корнилов. Узнал, что готовятся уйти в Россию еще два винтовых парохода. Он доложил, что транспорт показал себя хорошо на переходе и теперь готов к тому, чтобы померяться силами с двумя океанами. В Петербург было послано донесение о переходе до Англии.

В конце сентября «Байкал» вышел из Англии в Атлантический океан, держа курс на Рио-де-Жанейро. Невельской решил не заходить на Азорские острова. На сей раз погода была на славу: ветер был все время попутный и транспорт легко неся под всеми парусами к Южной Америке. На корабле шла неторопливая разме-

⁸ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 276, л. 75.

реинная жизнь: вахта, стирка, проветривание кубриков, трюма, обливание морской водой. Любовались дивными рыбами, тропическим закатом. Ближе к экватору попали в полосу штителей и бег «Байкала» замедлился. Экватор пересекли 30 октября с соблюдением всех ритуальных обрядов. А еще через две недели, 15 ноября, «Байкал» встал на якорь на рейде Рио-де-Жанейро под салют наций — 21 выстрел из пушки. Береговые батареи отвечали положенным числом выстрелов.

На короткое время «Байкал» ввели в док, чтобы осмотреть подводную часть. Этим воспользовались моряки. Все побывали в городе и с интересом рассматривали «черных мужчин и женщин, в природном почти платье», которые «лежали и сидели у дверей своих домиков», осматривали монастырь, адмиралтейство, гуляли по городскому парку, катались на местном пароходике — новинка по тем временам, ходили в горы. Офицеры вели дневники, особенно щедрым на записи оказался П. В. Казакевич. Благодаря этим дневникам удалось в значительной степени установить подробности, детали плавания «Байкала», а найденный вахтенный журнал помог с абсолютной точностью фиксировать события.

Обретая уверенность в том, что ему удастся привести транспорт в срок, Невельской в своих донесениях просил А. С. Меншикова не задерживать утвержденную царем инструкцию и прислать ее в Петропавловск. Такая же просьба полетела и к Н. Н. Муравьеву. Совершенно особые отношения связывали Г. И. Невельского с Ф. И. Литке, и он не оставлял в неведении адмирала, которому был обязан многим в жизни, и в частности этим назначением. Невельской послал ему отчет о плавании, замечания о различных событиях и карту плавания по Атлантическому океану. Он просил передать свои замечания в Морской ученый комитет и выражал надежду, что они «хотя частью могут быть полезны для мореплавателей, по крайней мере, они будут любопытны тем, что путь наш от Лизарда до Рио-Жанейро, как Вы изволите усмотреть из прилагаемой при сем карты, лежал западнее всех мне доселе известных наших и иностранных плавателей»⁹.

Из Рио-де-Жанейро вышли в обход мыса Горн 1 декабря. Первые десять дней шли с попутным ветром, спокойно, а затем начался ужасный шторм, длившийся

---

⁹ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 68, л. 3—3 об.

долгие дни. К тому же стало прохладно, совсем недалеко находилась Антарктида. Штормы с грозами у Фолклендских островов запомнились морякам. Новый год встретили в такой вот круговерти и все мечтали о том, чтобы выбраться когда-нибудь в Тихий океан, где рассчитывали отдохнуть хотя бы от беспрестанной болтанки. Это случилось 10 января — день запомнили, так как миновали мыс Горн и почти сразу полегчало. Правда, сырость и холодная погода еще несколько суток не покидали мореплавателей, но все равно они покинули зону «ревущих сороковых» и попали под надежное укрытие Южно-Американского материка.

А затем стало тепло, и в начале февраля 1849 г. Невельской решился — он был вынужден после такого перехода — зайти в чилийский порт Вальпараисо. Стоянка продолжалась лишь четверо суток — ровно столько, чтобы набрать свежей провизии и воды, дать помыться и постирать команде, отоспаться и по разочку сходить на берег в увольнение. Но и это Невельской делал скрепя сердце: он должен был в нужные ему сроки прибыть на Гавайи, к тому же он планировал остановиться на Гавайях, чтобы оттуда сделать последний переход в Петропавловский порт.

Поэтому матросы и офицеры не очень переживали короткую стоянку в Чили. По выходе из порта Тихий океан был таким тихим и спокойным, что плавание становилось приятным. Больше занятий было у офицеров: приходилось «ловить» ветер. В погоне за экваториальным пассатом дважды ухитрились пересечь экватор. Но зато было тихо, спокойно, команда поистине отдыхала, а заболевшие на предыдущем переходе успешно поправлялись и набирали сил. Большую часть времени проводили на палубе — тут и обедали, и ужинали, и спали. Двухмесячный переход очень пришелся по душе команде, которая сумела в такое спокойное время переделать все возможные по обстановке палубные ремонтные работы. И к приходу на Гавайские, или, как тогда называли, Сандвичевы, острова «Байкал» блистал свежей покраской и чистейшими парусами.

31 марта бросили якорь в Гонолулу и были приятно обрадованы, встретив тут земляков — русский транспорт «Иртыш», которым командовал капитан-лейтенант А. О. Рудаков. Как раз попали на пасхальную неделю, которая прошла в радости и веселье. Конечно, работы

не прекращались. Особым вниманием пользовался у местных жителей, да и у команды «Байкала» транспорт «Иртыш» с винтовым двигателем — новинка по тем временам. Экскурсии и приятное времяпрепровождение длились больше недели. Невельской и сопровождавшие его офицеры были приняты королем Гавайских островов Тамеамеа, который несколько десятков лет неизменно поддерживал дружеские отношения с Русской Америкой и радушно принимал русские корабли.

Тут можно было стоять долго, и Невельской прикидывал, что если ему разрешат произвести исследования и если он не успеет их завершить в этом году, то обязательно вернется сюда на зимовку. Ну а пока вперед и только вперед. 10 апреля он вывел «Байкал» в океан, и транспорт продолжил свой нелегкий путь на север. Сначала было так же, как и до Гавайских островов, пока не расстались с попутными ветрами, — тепло, спокойно. Ну а затем налетали шквалы, пошли дожди, дни становились пасмурными, туманы встречали чуть ли не каждый рассвет, а солнце все чаще и чаще покидало мореплавателей: чувствовалось дыхание севера. И вот наконец Камчатка. Она встретила «Байкал» снегом. Снежные вершины гор моряки увидели еще издалека. А при самом входе в Авачинскую губу пошел густой снег. Лишь на следующий день, 12 мая, «Байкал» втянулся в Петропавловскую гавань.

Столь ранний приход корабля из Кронштадта был полной неожиданностью для жителей Камчатки, привыкших встречать ежегодно корабль в осеннее время. А когда Начальник Камчатки капитан 1-го ранга Ростислав Григорьевич Машин узнал от Невельского, что транспорт «Байкал» преодолел расстояние от Кронштадта до Петропавловска за 8 месяцев и 23 дня, из которых стоянка на якоре заняла лишь 33 дня, то стали сопоставлять и пришли к выводу, что быстрее «Байкала» такой же путь проделал только В. М. Головин — за 8 месяцев и 8 дней. Но при этом опять-таки надо было принять во внимание, что скорость шлюпа «Камчатка», на котором плывал В. М. Головин, доходила до одиннадцати узлов, в то время как «Байкал» более восьми с половиной узлов не давал.

Невельской укладывался вполне в назначенные им самому себе сроки. Через некоторое время в Петропавловск пришел и транспорт «Иртыш», который предназначался

для следования отсюда в Охотск. И было решено именно на нем отправить доставленную на «Байкале» часть груза, предназначенную для Охотска. Р. Г. Машин, А. О. Рудаков и Г. И. Невельской действовали согласованно, в результате чего работы были начаты без промедления. После их окончания Р. Г. Машин имел возможность доложить в Кораблестроительный департамент (ведь Невельской не только доставлял груз, но и перегонял транспорт «Байкал», строившийся по заказу Охотского порта): «Доставленный на пришедшем 13 сего мая транспорте „Байкал“ в Петропавловский порт для сего и Охотского портов груз по части сего департамента в Петропавловском порте особою комиссею по накладным департамента принят и в то же время следующий в Охотск для доставления туда сдан на транспорт „Иртыш“...»¹⁰.

У Начальника Камчатки давно уже ожидали Невельского пакеты, и в их числе пакет от генерал-губернатора Восточной Сибири. 12 ноября 1848 г. Н. Н. Муравьев писал ему: «Если бог благословит плавание вверенного Вам транспорта и Вы прибудете в Петропавловский порт в половине мая и при усердном содействии местного начальства выйдете отсюда в конце того же месяца и не позже 1-го июня, то для описания берегов Охотского моря будете иметь слишком три месяца: июнь, июль, август и часть сентября, ибо прибытие Ваше в Охотск необходимо только к 10 сентября. Остается только так распределить Ваше плавание по Охотскому морю, чтобы время это употребить с наибольшею пользою и успехом. Из берегов Охотского моря наиболее необходимо подробное описание: 1) северной части острова Сахалина с восточной и западной его стороны; 2) пролива, отделяющего этот остров от материка; 3) лимана и устья р. Амура; и 4) Сегнекинской губы, открытой в прошлом году бригом „Охотск“ и получившей название залива Константина.

Для исполнения сего я полагаю, что Вашему высокоблагородию удобнее будет итти из Петропавловского порта к северной оконечности Сахалина и, спустившись отсюда к мысу Головачева, избрать в окрестностях этого места удобную якорную стоянку и приступить к обозрению, описанию и промерам: а) пролива между мысами Головачева и Ромберга, б) части берега Амур-

---

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 158, оп. 2, д. 907, л. 590—603.

ского лимана от мыса Ромберга до того места, где река эта уже течет в своих берегах; в) северной части острова Сахалина, в отношении к его народонаселению, почвы земли и произрастаний; г) южного пролива из Амурского лимана в Татарский залив...

По общему здесь мнению, остров Сахалин запирает выход из р. Амура, и предполагается, что северный пролив между мысами Головачева и Ромберга весьма узок, а южный пролив вовсе не существует при отливе, положительно однакож донныне никто этого не знает, равно как и того, кем населена северная часть Сахалина...»¹¹. К письму прилагалась копия той инструкции, которую А. С. Меншиков представил царю на утверждение, но которая по каким-то причинам пока еще не была утверждена. В копии официальной инструкции Невельскому предписывалось осмотреть тщательно Северный Сахалин, определить с севера подходы к лиману Амура, определить устье Амура, описать берега Амура и определить состояние южной части лимана¹².

Невельской хорошо понимал, что отсутствие утвержденной царем инструкции может иметь далеко идущие неприятные последствия, несмотря на предписание генерал-губернатора Восточной Сибири, но он понимал также, что больше такой возможности ему не представится, поэтому сознательно шел на этот риск.

По представлению Н. Н. Муравьева Особый комитет по гилякам (нивхи) собрался 29 января 1849 г. и вынес решение, в первом пункте его говорилось: «Отправленному в 1848 году из Кронштадта к берегам Охотского моря капитан-лейтенанту Невельскому поручить сделать осмотр всего берега от новооткрытого залива Константина до устья Амура, а также и северных берегов Сахалина. Цель его осмотра, кроме описания всех сих мест в морском отношении, состояла бы в отыскании на означенном пространстве — и по возможности не в дальнем расстоянии от устья Амура — удобного и выгодного пункта... в видах установления сношений с гиляками представить Российско-Американской компании, чтобы она сделала опыт подобных с ними сношений сухим путем (из Аяна), стараясь по возможности сблизиться с сим народом и привлекать его к России...»¹³.

¹¹ АВПр, ф. Главный архив 1—9, д. 11, ч. I, л. 93 об.—95 об.

¹² Невельской Г. И. Подвиги..., с. 94—95.

¹³ Романов Д. И. Указ. соч., кн. 7, с. 102.

На основании этого важнейшего документа русского правительства разрабатывалась на ближайшие годы программа изучения Приамурья. На этом основании была подготовлена для утверждения царем в Главном морском штабе инструкция Невельскому. На этом же основании председатель Главного правления Российско-Американской компании В. Г. Политковский (внук Г. И. Шелихова) на запрос канцлера К. В. Нессельроде от 15 февраля 1849 г. о торговле в Приамурье 2 марта отвечал, что «дано начальнику Аянского порта капитану 2 ранга Завойко надлежащее предписание об отправлении будущей зимою торговой экспедиции к гилякам, обитающим на северной стороне устья р. Амура»¹⁴.

А. С. Меншиков отправил документы в Иркутск, где их получил Н. Н. Муравьев 10 апреля. Сообщая о получении и о дальнейших действиях, он отвечал Меншикову, что отправил эти бумаги на Камчатку с парочным штабс-капитаном М. С. Корсаковым. Еще ранее он отправил с зимней почтой на Камчатку инструкцию капитан-лейтенанту Г. И. Невельскому относительно обозрений устьев Амура и Сахалина и предписал передать в Петропавловском порту с транспорта «Байкал» весь груз, предназначенный для Охотска, на транспорт «Иртыш», зимовавший в Петропавловском порту. Не имея уверенности, что транспорт «Байкал» придет в срок на Камчатку, Муравьев считал несвоевременным посылать копию с этой инструкции А. С. Меншикова, но, получив известие от Невельского из Рио-де-Жанейро о том, что он успеет прибыть в Петропавловск в начале мая, послал вместе с копией сделанного им краткого дополнительно наставления Невельскому и предписание А. С. Меншикова¹⁵.

Предусмотрев случай, если Корсаков не успеет своевременно доставить Невельскому инструкцию и все документы в Петропавловск, Муравьев сообщал также Меншикову, что тогда он сам (а Муравьев первым из генерал-губернаторов Восточной Сибири собрался побывать в Охотске, Аяне и на Камчатке), выйдя из Охотска на Камчатку, пойдет сначала к Сахалину, где надеется разыскать Невельского и передать ему инструкцию.

---

¹⁴ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 11, ч. I, л. 83.

¹⁵ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 11, ч. I, л. 89—89 об.

М. С. Корсаков, как оказалось, не успел в Петропавловск из-за того, что не мог своевременно выйти из Охотска (у берега стояли льды), а Невельской, не дождавшись утвержденной инструкции, был готов выйти в долгожданное плавание. Ждать больше было нельзя. Задерживали только алеуты. За ними и за байдарами Р. Г. Машин послал на о. Беринга бот «Камчадал». И как только 2 июня, поутру, бот с алеутами пришел и на «Байкал» были приняты две байдары, сразу же на транспорте спустили гребные суда и стали буксироваться к выходу. Невельской собрал офицеров и еще раз рассказал им о предстоящем плавании. Свою речь он заключил словами: «...на нашу долю выпала столь важная миссия, и я надеюсь, что каждый из нас честно и благородно исполнит при этом долг свой перед отечеством»¹⁶. Участники экспедиции были едины в стремлении исполнить с честью столь важное поручение.

Первые дни продвижение затрудняло безветрие: Четвертый Курильский пролив прошли лишь 7 июня. И сразу проложили курс к берегу Сахалина, к тому месту, приблизительно на $51^{\circ}40'$ с. ш., где когда-то Крузенштерн встретил «сильную толчею» — волнение, которое могло служить признаком близости берега, откуда вытекает река. Еще несколько суток плаванья в открытом море, и вот в ночь с 11 на 12 июня транспорт оказался вблизи берега, и с рассветом моряки смогли его рассмотреть. Он был низменным, за ним виднелись горы, покрытые снегом. С салинга можно было разглядеть между низменностью и горами водную гладь. И это заставило Невельского подробнее осмотреть место. Лишь один Крузенштерн бывал тут до него и встретил суло́й. Невельской же в этом месте увидел водную гладь. Необходимо было именно отсюда начать опись северной части Сахалина.

Посланные на берег байдары возвратились через два часа. Рекогносцировка успеха не имела: к берегу близко не подходили и не сумели даже войти до бурунов. Сказали только, что в заливе много китов. Тогда на берег отправились четверка и вельбот с П. В. Казакевичем, А. Ф. Гейсмаром, Э. В. Гроте и Л. А. Поповым. Взяли с собой пель-компас, лот, лаглинь, склянку. Невельским «приказано было осмотреть, нет ли прохода между буру-

---

¹⁶ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 95.

нами, соединяющимися с видевшимися водами за берегом»¹⁷. Вельбот шел прямо на запад, а четверка направилась южнее его. Еще с моря увидели группу, человек 15 местных жителей, приближающуюся к месту подхода шлюпок.

Когда вытащили шлюпки на берег, стали показывать знаками, чтобы они подошли ближе. Вскоре трое отделились и оказались рядом с мичманом Гроте и его матросами. Одеты они были в тюленьи куртки и торбасы, без шапок. На некоторых были рубашки из хлопчатобумажной ткани. И у всех на ремнях висели ножи, у некоторых — по два. Увидев, что никто не трогает самых смелых, подошли и остальные. Из объяснений удалось узнать, что моряки попали в стойбище Даги на одном из островов в заливе того же названия. Местные жители дали понять, что отсюда никакого прохода к Амуру нет, т. е. залив не является каким-то протоком Амура. Но они довольно четко начертили на песке, что по ту сторону острова имеется река, которая впадает в лиман. Речь шла о р. Тымь.

Всю ночь транспорт лежал в дрейфе. За низменным песчаным берегом с салинга была видна вода; чтобы удостовериться в виденном берегу, была послана байдара с Л. А. Поповым, который пошел на север. По рассказам его, он пристал к выдавшейся кошке и, перетащив байдару, вошел в проход, имеющий сообщение с выходом в море. По глазомерной описи увиденная вода углублялась вовнутрь, образуя несколько островов, частично песчаных, частично покрытых лесом. Наличие соленой воды позволяло предполагать, что это устье большой реки, но так как почти повсюду за песчаными наносами виднелась вода, то правильно предположили, что это наносные шхеры. Острова, покрытые лесом, и средний остров, лежащий против прохода, оказались заселенными людьми; в шхерах было множество тюленей и морских птиц. В 21.00 ветер стих и течением байдару понесло на юг. Так как на

---

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 29, л. 3.

Отчетная карта Г. И. Невельского об исследованиях, проведенных на транспорте «Байкал» летом 1849 г. у о. Сахалин, в лимане и устье Амура и в юго-западной части Охотского моря

ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 16, л. 13

байдаре не видели жителей, чтобы распросить о шхерах, то после ее возвращения на транспорт были посланы вельбот и байдара с мичманом Э. В. Гроде для сбора полезных сведений у местных жителей¹⁸.

Поражает настойчивость Невельского, стремление точно выяснить истину. Он посылал одну шлюпку за другой. «В исходе двенадцатого часа вельбот и байдара возвратились на транспорт. Посылка их на берег не дала удовлетворительного ответа от жителей насчет видимой воды, но, по всей вероятности, это шхеры»¹⁹. И так продолжалось до тех пор, пока вероятность не превратилась в твердую уверенность. В журнале записи одна красочнее другой. 14 июня вечером: «Штиль, и мы стояли на верпе. Заход солнца был самый живописный. За горой, образовавшиеся облака солнце освещало самым ярким светом, и обрывистые берега можно было определить, что оне песчаные и часть красная глина. К вечеру в бездействии начали неводом ловить рыбу, но глубина 7 сажений и другие побочные причины делали ловлю весьма неудачною! Около судна множество тюленей»²⁰.

Невельской и офицеры убедились уже за эти двое суток исследований, что Амура тут нет, что вдоль берега тянутся песчаные наносные, образующиеся под влиянием приливо-отливных течений и течений из рек кошки, которые, в свою очередь, образуют ряд лагун, заливов и озер. 15 и 16 июня с «Байкала» были замечены на берегу углубления — предположительно возможные стоянки для кораблей. Туда посылали для промеров и исследований офицеров, которые опровергли эти предположения. Места подхода «Байкала» к берегу в эти дни очень хорошо видны на итоговой карте плавания «Байкала», найденной нами в ЦГАВМФ²¹.

17 июня транспорт «Байкал» оказался у мыса Елизаветы — северной оконечности Сахалина. Невельской убедился, что искать Амур надо там, где искали до него И. Ф. Крузенштерн и А. М. Гаврилов. На берегу, вдали от береговой черты, опять увидели полоску воды. И снова, в который уже раз, Невельской направляет на берег шлюпку. Ниже мы публикуем донесение мичмана

---

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 29, л. 5—5 об.

¹⁹ Там же, л. 6.

²⁰ Там же, л. 9.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 16, л. 13.

**ПОДВИГИ
РУССКИХЪ МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ**

НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ РОССИИ

1849—55 г.

ПРИ-АМУРСКИЙ И ПРИ-УССУРИЙСКИЙ КРАЙ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА НЕВЕЛЬСКАГО.

ИЗДАНИ СУПРУГОЮ ПОКОЙНАГО

Екатериною Ивановною Невельскою

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. ВАХТИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русская Скоропечатня (И. С. Назкичова), Большая Садовая, № 27
1878.

Титульный лист первого (посмертного) издания книги Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России». СПб., 1878.

Э. В. Гроте: «Июня 17-го в 5¼ часов утра (5.15.— А. А.) был послан на вельботе для узнания, имеет ли видимое озеро сообщение с морем и какова местность... Пристал в 6 часов (6.00.— А. А.) и запеленговал мыс Елизаветы NO 35°, мыс Марии NW 85°. Берег влево покрыт был снегом около 4 фут толщиною, и вправо все было занесено огромнейшим количеством выкидного лесу. Оказалось, что озеро от берега морского отстоит на версту, вода тинистая пресная, берега луговые, слегка топкие, а у самого берега в воде грунт ил с глиной в 4 дюйма толщины. С О на SW 60° тянется она (вода.— А. А.) вдоль берега на пять верст, а внутрь земли наибольшее протяжение с NW 20° на SO 20° было около 3 верст. От озера до моря лежало несколько маленьких озерков пресной воды на луге тундряного свойства, которое переходило в песок с приближением к морю и от него было отделено песчаным валом около 8 фут вышины. Тут же я видел огромные количества водных птиц и между прочим и черные журавли. У оконечности дамбы, к которой я пристал, было оставленных несколько юрт, в которых бревна, по-видимому, были тесаны топором и соединены помощью деревянных нагелей. Нашедши тут приборы деревянные, отличающиеся странной резьбой, и луки нового рода, взял я по неприсутствию жителей лук и корытцо, а оставил вместо оных три огнива. Потом осмотрел лес на дамбе, который оказался лиственничный вышиною от 3 до 5 сажень, но разветвляющийся, и кустарник кедровника, березы и рябины. Растения сарана, полевой горох, черемша, черемыца, клюква, брусника и морошка.

Увидевши подалее сомнительное мне место, отправился я туда в 7½ ч (7.30.— А. А.) и, приставши в 8 ч 40' (8.40.— А. А.), по всему своему пути в двух кабельтовых от берега постоянно находил глубину в 4 сажени. Вода и тут шла на убыль, и я взял пеленга: мыс Елизаветы NO, мыс Марии NW 72°. Тут же я нашел пустую юрту и в ½ версты от берега весь лес подгоревший. Вдруг вдаль показались вдоль берега моря жители, я к ним пошел навстречу... один из них, носивший пику, бросил ее, и они стали, приближаясь, махать шкурами зверей (лисица и соболь). Подошедши на расстояние 40 шагов, они остановились, и, бросившись на колени с распростертыми руками, голову прикладывали к песку, и, повторивши сие еще два раза, вставали, и, подвигаясь

на несколько вперед, они потом подошли, и старший из них обнял со мной... В то время подошел ко мне четвертый, в красной на вате рубашке, лицом похожий на русского мужика... Так они приглашали в свою деревню, я на вельботе туда и поехал и, приставши слишком верстою от оной, нашел пресную воду глубиною в два с половиною фута, выходящую струею из песку в 10 футах от берега и текущую в виде ручья в море. Поднявшись по высокому, но отлогому берегу морскому, я вдруг в расстоянии 40 шагов от моря и вышиною около 25 футов над его поверхностью нашел озеро пресной воды в $1\frac{1}{2}$ мили длиной и около 1 версты ширины, стоящее как чашка, готовая вылиться при первом толчке. У берега грунт был мелкой камень, и само оно не было большой глубины, но далее и далее дно терялось. Пеленга с края ручья: мыс Елизаветы NO 48°, мыс Марии NW 63°, селение SW 65°. Вода оказалась отличнейшего качества, и судно может из ручья налиться водой в несколько часов времени. От этого места направился я с туземцами и четырьмя человеками к их юртам, но, дошедши до них, они сделали нам знак сесть и далее не идти. Я показал, что хочу посмотреть, как они живут... я приказал матрозам остаться и один с ними пошел. Но все-таки жены, дети и прочие жители при моем приближении скрылись в лес, и я нашел там только пустя дома, огромное количество собак и одного медведя в срубе, запасы огромные шкур тюленых и медвежьих, топорья прямые, и люди мои видели ружья с деревянными стволами и только замки железные с длинными курками. В $10\frac{1}{2}$ часов (10.30.— А. А.) я их оставил и в полдень воротился на транспорт, причем вода из пресного озера показала +15°R. Команда и шлюбка обстоит благополучно. Мичман Э. Гроде»²².

Невельской оставался в бухте между мысами Елизаветы и Марии до 19 июня. Эти несколько дней, потраченные на описание Северного Сахалина, ушли на выяснение одного важного обстоятельства, оставшегося так и не объясненным Крузенштерном: Ф. Ф. Беллинсгаузен, один из участников экспедиции И. Ф. Крузенштерна, в частном разговоре рассказал Невельскому, что у восточного берега Сахалина, около 52° с. ш., он заметил сулой и особый цвет воды и что он и И. Ф. Крузенштерн по-

²² ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 70, л. 3—4.

лагали, что здесь должен быть бар большой реки, прорезающей Сахалин. Он думал, что это мог быть бар одного из рукавов Амура²³.

Невельской и его соратники доказали своими исследованиями, что предположения Беллинсгаузена и Крузенштерна были ошибочны: суло́й и особый цвет воды в этих местах были следствием того, что обширные озера на низменном берегу отделялись от моря песчаными наносными кошками и через прорывы в этих кошках сообщались с морем. Это обстоятельство и встречные течения в прорывах образуют сулои, которые, в свою очередь, образуют простирающийся на NO и SO на 5 миль и более от берега бар²⁴.

Кроме того, выяснилось, что береговая черта Северного Сахалина нанесена неверно, главным образом по долготе. Почти все время транспорт «Байкал» находился «на суше» старой карты Крузенштерна—Беллинсгаузена, «а потому карта эта не могла нам служить руководством и в особенности, когда мы 28 июня вошли в лиман». Мореплаватели удостоверились также, что «на всем этом пространстве не только нет гавани, но и надежного рейда»²⁵. Теперь можно было идти дальше.

Обогнув мыс Марии и придерживаясь берега, транспорт направился на юг. Встречное довольно сильное течение мешало плаванию. Около 16.00 19 июня прямо в южном направлении моряки увидели пролив. И вскоре сели на мель, да так плотно, что целые сутки затратили, чтобы сняться с нее. К вечеру 20 июня встали на якорь на большой глубине. Исследовать пролив отправились А. К. Гревенс и Л. А. Попов. Пока Гревенс осматривал берега, Попов произвел подробную опись залива²⁶, названного Байкал. Это был тот самый залив, который А. М. Гаврилов назвал заливом Обмана, посчитав его входом в лиман Амура.

Выйдя из него, Невельской осторожно пошел на юго-юго-запад вдоль берега, часто измеряя глубины. И все же транспорт сразу угодил на мель недалеко от мыса Головачева. Снявшись с нее и уйдя на безопасную глубину, Невельской поставил «Байкал» на якорь. Наступило ненастье — берег затянуло мглой, туманом. Работы при-

²³ Невельской Г. И. Обзор результатов...— Мор. сб., 1864, № 6, критика и библиография, с. 40.

²⁴ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 40—41.

²⁵ Там же, с. 41.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 257.

шло прекратить. Когда же развиднелось, Невельской направил к мысу Головачева две шлюпки под командованием А. Ф. Гейсмара и А. К. Гревенса. Их исследования были неутешительны: действительно, недалеко от мыса Головачева поперек входа в лиман тянулась отмель, осыхающая во время отлива, а между ней и Сахалином глубины были совсем небольшими, недостаточными для входа судов.

Тогда Невельской перенес исследования к противоположному, материковому берегу. Транспорт шел туда «ощупью», непрерывно меняя курс, лавируя, оставаясь все время в виду приметной конусообразной горы, названной горой Меншикова. Такое лавирование Невельской проводил специально для того, чтобы определить возможность подхода морских судов к лиману. В непосредственной близости от берега, но на достаточной для безопасности корабля глубине, «Байкал» 27 июня встал на якорь. Дальнейшие исследования лимана велись на шлюпках.

30 июня для осмотра берегов Сахалина были отправлены Казакевич и Гейсмар. Мы располагаем подлинным отчетом Гейсмара о своей командировке. Ему Невельским было приказано осмотреть берег в северном направлении, удаляясь от места высадки не больше чем на 15 верст, узнать, населена эта часть берега или нет и если населена, то кем и как эти жители существуют.

В 13.00 Гейсмар отошел от транспорта на вельботе с шестью матросами и в сопровождении юнкера Ухтомского. Был взят на неделю запас продовольствия. В 14.30 вельбот пристал к берегу и Гейсмар по пеленгам определил свое место. Обосновавшись в палатке на берегу и оставив тут с Ухтомским четверых матросов, сам Гейсмар с двумя другими направился по берегу на север, туда, где виднелось селение.

Оно оказалось большим: насчитали до тридцати домов и в них около 150 жителей. Они встретили пришельцев дружелюбно, показали селение и знаками сообщили о ближайших окрестностях. Гейсмар поднялся на возвышенное место и, встав лицом к востоку, осмотрел их. Влево виднелся песчаный берег, прямо — бугристое пространство, покрытое кедровым стлаником и густым хвойным лесом, начинающимся примерно за 7 верст от этого места и видневшимся по всему горизонту вокруг. У самой окраины леса, на юго-востоке, виднелось большое селение, до которого было верст 7—9.

Гейсмар направился к нему, проложив курс по компасу прямо через лес. Он бодро зашагал по вязкому песку через кустарник, но кедровник становился все гуще. Он перемежался болотами или болотистыми лугами, покрытыми диким цветущим сильно пахнущим розмарином, а также морошкой и сараной. И очень скоро он запутался и, чтобы выбраться из кедровника, взял курс на свою палатку. Но лишь к 21.00 он выбрался к берегу и от этого места до палатки брел еще два часа.

Рано утром следующего дня, в 4.00, Гейсмар решил повторить попытку пробиться к деревне через кедровник, но и на сей раз, исходив все вокруг, он не нашел прохода в кустарнике и возвратился в 12.00 к палатке. Тогда он решил возвратиться на транспорт, но попал к селению. Подвела погода: свежий ветер сделал свое дело и заставил Гейсмара идти к берегу, хотя шел он к транспорту. К 21.00 вельбот пристал к берегу у селения, расположенного на мысе Головачева. Наверное, все население вышло навстречу — насчитали около 150 человек. Они помогли вытащить вельбот на берег и развести костер, за что и получили в подарок табак. Недалеко отсюда пристал к берегу на баркасе и Казакевич. Он также не смог подойти к транспорту и вынужден был встать на якорь у берега. Гейсмар направил туда вельбот, чтобы помочь Казакевичу переправить матросов на берег и устроить совместный ужин.

Двое матросов Гейсмара заболели, и он уложил их в палатке, напоил пуншем и укрыл медвежьими шкурами. Больным стало полегче, и Гейсмар, воспользовавшись обстоятельствами, оставил снова юнкера Ухтомского с матросами в палатке, а сам отправился на юг продолжать осмотр местности. Пять часов он ходил на вельботе в разных направлениях и всюду встречал лишь одни заболоченные места. Лишь 3 июля ветер стал стихать и моряки сумели возвратиться на транспорт, имея одного больного²⁷.

5 и 6 июля Невельской предпринял очередную попытку исследовать лиман. Мичман Гроте с шестью матросами отправился на вельботе 5 июля в 15.00 с одним секстаном, одним пель-компасом и провизией на 8 дней для осмотра восточного берега Нового острова до широты 52°50'. Пристав к берегу в 17.00 он пошел с двумя

---

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 69, л. 1—3.

матросами осматривать деревню, лежащую в $1\frac{1}{2}$ версте к северу от места стоянки, насчитал в ней 14 домов, построенных из выкидного леса, и 4 шлюпки. В деревянных срубках было четыре огромных медведя... Далее он докладывал: «...Приняли меня ласково и оружия никакого не показывали. Дома здесь и вообще вдоль всего сего мною исследованного берега крыты березовою корою. Жители чем далее к югу, тем добронравнее и гостеприимчивые, одеваются частью оленьими шкурами, питаются рыбой свежей и вяленой и различными кореньями и травой инжелики»²⁸.

До 13 июля продолжались исследования Гроте, который наблюдал песчаный берег, песчаные холмы, покрытые мелким кривым лесом лиственницы и кустарником кедровника, простирающиеся на несколько верст вглубь от берега. За ними пачинались торфяные тундры и повсюду озера и озерки пресной воды, ручьи и речки, которые все при отливе обмелевали на бере, но вдоль берегов которых встречались порядочные луга и местами хороший березовый лес. В заключение своего донесения Гроте доложил Невельскому, что найти проход — фарватер, ведущий от берега Сахалина в лиман Амура, ему все же не удалось²⁹.

Казакевичу удалось больше. 6 июля в 7.00 Невельской отправил его для осмотра берега от N к S, от мыса Меншикова до устья реки Амура, с указанием на расстояние 10 верст подняться вверх по реке. При свежем южном ветре и при большом волнении четверка отвалила от транспорта в 12.00. Казакевич записал: «Пристали к песчаной кошке, имеющей направление от SO к NW, транспорт был на румбе OSO. Разведя большой костер огня, чтобы обсушить наши платья и вещи, подмоченные от частых попаданий брызг в шлюпку, и когда все было приведено в порядок, в сопровождении двух матрозов отправился осмотреть деревню, расположенную по другую сторону этой песчаной насыпи, которая вся была покрыта травой (осокой) и в ямах с дождей — небольшие озера.

Пройдя поперег ее $2\frac{1}{2}$ версты и неходя незначительное расстояние до деревни, был встречен стариком, которого я принял за старшину селения. После дружеских приветствий и обниманий, мы взопли в деревню, которая

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 70, л. 5—5 об.

²⁹ Там же.

была расположена в беспорядке, и висевшая на сушилах рыба издавала отвратительный запах. Здесь нас встретили все жители, их было около 100 человек, которые не показывали никакого неприязненного действия. Раздавши им разные подарки, за что они приносили свежую рыбу... Любопытные женщины подходили к толпе и принимали тоже участие в объяснениях.

Распрощавшись с жителями, в 2¹/₂ часа пополудни (14.30 — А. А.) отвалил от берега и пошел к S. Проходя вдоль кошки, находил глубину доходившей до 11 фут и, обойдя низкий предел этой песчаной лайды, хотел подойти к мысу князя Меншикова, но по мелководью не мог подойти на 2¹/₂ мили к матерiku. От мыса Меншикова идет вовнутрь к W залив, которой пересекается в разных направлениях осушными песчаными банками и оканчивается на S выдавшейся от утесистого берега песчаной низменностью. Глубина была, по исследованиям, от 4 до 10 фут, течение замечено было к NO до 2¹/₂ узлов.

Не доходя полумили от южного берега залива, встретили каменистой остров в окружности около ¹/₂ мили. В 7 часов вечера (19.00.— А. А.) на южном берегу этого залива на выдавшейся песчаной низменности поставили палатку недалеко от селения, называющего Учо, состоящего из шести домов и 14 человек жителей, которые с любопытством и страхом смотрели на наши приготовления оставаться на ночлег. Принесенная в изобилии рыба, приглашение войти в свои избы как бы доказывали гостеприимство...»³⁰.

На другой день пошли вдоль берега, который тянется с юга на юго-восток и образует небольшие заводи. Берег был гористый, поросший хвойным лесом. В ложбинах росли береза, тополь и другие деревья, множество ягод, преимущественно смородины. Грунт был местами каменистый, местами состоял из красной глины или чернозема. Глубина была от 3 до 4 футов, так что жители тащили свои лодки по бечевнику, запрягая собак.

От д. Куло, лежащей при подошве высокого мыса, называющего мыс Казакевича, берег склонился к юго-западу, павороченные перегорелые камни показывали, что берег имел вулканическое происхождение. Где только можно было пристать шлюпке, встречали селения. От входного мыса в реку, который лежал на 52°59'20" с. ш., на 10

³⁰ ЦГАВМФ, ф 1191, оп. 1, д. 30, л. 32 об.— 34 об.

миль вверх по реке по берегам встречали различные условия. Берег сначала был скалистый, покрытый густым лесом, и почти везде шлюпка могла приставать. Потом от деревни, лежащей на краю мелководного залива с низменными берегами, окруженного высокими горами, побережье в иных местах было покрыто густой травой и различными цветами, в особенности много было шиповника, на пути встречались пресные озера, в которых водилось множество гусей и уток.

Река текла с северо-запада на юго-восток. При устье ее правый мыс (по течению) назывался Пронге, а левый — Петах. Посредине реки были обширные песчаные банки, которые пересекали в разных направлениях и самый лиман. Спускаясь по течению реки и придерживаясь левого берега, моряки встретили большую глубину, самая малая — 6 саженей, а большая — 20 саженей и даже 30. По выходе из реки они не могли произвести промер, так как течение сильно сносило их к северу. Левый берег был более отлогий, но ограничивался огромными горами, далеко видными в ясную погоду. «...В продолжение семидневного моего пребывания на восточном берегу лимана, — писал Казакевич, — и в самой реке от жителей не имел никаких неприязненных действий... Окончил поручение четвертка 13 июля в 8 часов вечера (20.00.— А. А.), возвратились на транспорт»³¹.

Эти записи Казакевича имеют историческое значение. Он поднимался на гору Табах при входе в устье Амура, где произвел астрономические определения. Величественная панорама предстала перед ним: к западу тянулся огромный залив, которому не видно было конца, — это Амур, ширина которого при устье составляла около 8 миль; прямо расстилался обширный лиман, а на горизонте явственно проступали очертания Сахалина. Казакевич поднимался по Амуру до селения Чныррах.

Замечательны строки из письма П. В. Казакевича своему брату Павлу, относящиеся к этому времени: «Вообще надо отдать преимущество жителям материка пред островитянами (т. е. имеются в виду жители устья Амура и Сахалина.— А. А.). Хотя и были маленькие шалости, но это простительно, из такого большого числа всегда любопытных, окружающих день и ночь палатку, не нашлось ни одного соблазниться топором или какой-нибудь

³¹ Там же, л. 35—39.

вещицей. На восточной части Татарии в селениях видна более зажиточность и дружелюбность. Вечером, когда наши поставят палатку, всегда собирается кружок, принося с собой разные товары для менки (обмена.— А. А.). На вопросы всегда ответы были удовлетворительны и довольно верны. Например, один, взявши карандаш и бумагу, чертил карту целого залива с названием деревень. Конечно, довольно скверно. Другой на песке чертил границы и очень основательно разделял гиляков... Этот географист еще более удивил, когда довольно чисто произнес названия некоторых вещей — чайник, ружье, курок... Это... (слово неразборчиво.— А. А.) самой первой, который сказал, что он гиляк. А потом обводил на все пространство и в самую реку, показывая, что все это пространство населено гиляками...»³².

Сведения, доставленные Казакевичем, несказанно обрадовали Невельского. Теперь оставалось решить главную задачу. На шестерке, вельботе и четверке с офицерами Поповым, Гроте, Гейсмаром, доктором Бергом и с 14 матросами сам Невельской 15 июля вышел в плавание³³. В журнале плавания «Байкала» появилась за это число такая запись: «В 6 часов (6.00.— А. А.) командир с 3-мя офицерами, лекарем на 3 гребных судах отправился для осмотра берега на S»³⁴.

О ходе этого плавания до недавнего времени имелось только одно свидетельство самого Невельского, приведенное им в своей книге.

Найденное и опубликованное нами «Описание северо-восточного и северо-западного берега острова Сахалина» было сделано Невельским сразу же после экспедиции. Вот что в нем написано: «Приведа таким образом в известность

³² ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 33, л. 15 об.— 16.

³³ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336, л. 38.

³⁴ В книге Г. И. Невельского имеется много неточностей, вызванных тем, что она написана им в последние годы жизни и не была им прочитана при издании. В частности, неверно указаны и даты плавания самого Невельского: 10 июля (выход в плавание) — 22 июля (открытие пролива) — 3 сентября (прибытие в Аян). Впервые на первую дату обратил внимание Б. П. Полевой в статье «Новое о Г. И. Невельском». Мы пользовались описанием Г. И. Невельского, журналом транспорта «Байкал» и письмами и записками П. В. Казакевича. Мы уже говорили, что Казакевич возвратился из своего похода по Амуру лишь 13 июля. Следовательно, никак Невельской не мог выйти в свое плавание на юг раньше этой даты, а в «Обзоре» и в книге Невельской указывает соответственно 9 и 10 июля.

северную часть лимана описями со шлюпок и с транспорта, я, сдав команду транспорта старшему по себе г. лейтенанту Казакевичу и сделав ему нужные наставления, утром 15-го числа с 3-мя офицерами на 3-х гребных судах отправился в р. Амур... 16-го числа от Северного входного мыса прошел промером вверх по реке до полуострова, лежащего противу селения Налево,—полуостровом великого князя Константина мною названного, а как место это, по моему мнению, соединяет в себе все условия пункта, могущаго запираеть вход в реку из лимана (теперь здесь расположен Николаевск-на-Амуре.— А. А.), то и продолжал путь по реке далее. От этого предела до 19-го числа, спускаясь под южным берегом, определили ширину и глубину пролива, отделяющего полуостров В. к. Константина, астрономическое положение дер. Куегда и широту дер. Чниррах, описали и осмотрели берега реки на этом пространстве, определили фарватер под южным берегом и от селения до мыса Вазе (Вассэ.— А. А.) по протоку между банками вышли из реки в лиман у мыса Пронге. Отсюда до 26-го числа, не спуская глубин, пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана чрез Южный пролив в широту $51^{\circ}45'$, т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона (Браутона.— А. А.), и возвратились к мысу Погоби. Определил выход из лимана к югу, астрономическое положение мысов Пронге, Муравьева и Погоби и широты селений Мый и Чоме; описали и осмотрели берега лимана и его окрестностей с юга на этом пространстве и обследовали устья рек, впадающих в лиман при селениях Ус (Хусси.— А. А.), Мый (Мы.— А. А.) и Чоме. Затем, промерив Южный пролив, определив ширину его, до 1 августа следуя вдоль берега Сахалина к северу, не упуская глубин, описали и осмотрели восточный берег лимана, определили астрономическое положение мысов Погоби и Халезова и широты селения Наньо, обследовали устья рек Пыски и Пыйде и, определив соединение Южного фарватера с Северо-Западным, 1 августа возвратились на транспорт»³⁵.

В книге же Г. И. Невельского, как уже отмечалось выше, это событие выглядит иначе: «22-го июля 1849 года достигли того места, где этот матерой берег сближает-

³⁵ Архив Географического общества СССР (АГО), разряд 99, оп. 1, № 93, л. 10—12. Впервые опубликовано в кн.: *Алексеев А. И.* Дело всей жизни. Хабаровск, 1972, с. 89—91.

ся с противоположным ему сахалинским. Здесь-то между скалистыми мысами на материке, названными мною Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наименьшею глубиною 5 саж. Продолжая путь свой далее к югу и достигнув 24 июля широты $51^{\circ}41'$, т. е. той, до которой доходили Лаперуз и Браунтон, мы возвратились обратно и, проследовав открытым нами Южным проливом, не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива (не опечатка, ибо тогда так называли Татарский пролив.— А. А.) в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина»³⁶.

Возвращаясь из этого плавания на транспорт, Невельской испытывал огромное удовлетворение исполнением своей заветной мечты. Он был по-настоящему счастлив. Ведь только стоило задуматься над значением свершенного: исправление полуторавекового заблуждения в корне меняло географическое представление об этом регионе. Но это все потом, а сейчас скорее на транспорт. Вот какие мысли занимали его: «Определив возможность входа в реку Амур, на обратном пути моем из экспедиции к устью этой реки я думал, что если по прибытии на транспорт найду ожидаемое повеление, отменяющее предстоящее обязательное для меня исследование юго-восточного берега Охотского моря и Константиновского залива, то для более ощутительного доказательства возможности входа морских судов в Амур с севера и юга войду в реку с транспортом и оттуда чрез Татарский залив вокруг острова Сахалина пойду прямо в Охотск. Но, прибыв на транспорт, я не нашел ожидаемых повелений, а потому, к крайнему своему прискорбию, вынужденным нашелся оставить сказанное мое предположение»³⁷.

Он мечтал о том, что ему разрешат долгожданной царской инструкцией продолжать исследование лимана и устья Амурса на Сахалином. Но никакой инструкции во время его отсутствия на транспорт никто не доставил. Итак, «описав таким образом частью со шлюпок и частью с транспорта лиман и устье реки Амур,— писал Невельской Меншикову,— связав берега их обсервованными

³⁶ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 106.

³⁷ Невельской Г. И. Обзор результатов...— Мор. сб., 1864, № 7, с. 1.

пунктами, определив выходы из реки в Татарский залив и в Охотское море и ознакомившись со страной, жителями и свойством лимана в продолжение 34-дневного пребывания моего и полагая дело это в настоящее время конченным согласно с волею вашей светлости и изъявленную мне в инструкциях, 2-го августа вышел из лимана и лег вдоль берега Татарии к N-у»³⁸.

П. В. Казакевич, успешно командовавший на транспорте во время отсутствия командира, держал «Байкал» в полной готовности. Корабельная жизнь текла размеренно, проводили промеры Северного фарватера, гидрологические и метеорологические наблюдения. После возвращения Невельского на «Байкал» на составлявшуюся карту лимана Амура были нанесены главные недостававшие детали. С этого чернового рабочего экземпляра затем были вычерчены Л. А. Поповым чистовые экземпляры карты открытий Невельского в лимане Амура³⁹.

Как ни спешил Невельской в Охотск, чтобы отсюда доложить о сделанных открытиях и произведенных исследованиях, он предельно добросовестно отнесся к описи юго-западного побережья Охотского моря и особенно залива Константина. Поначалу были описаны прибрежные острова в западной части Сахалинского залива. За ним оказался длинный залив, прегражденный в нескольких местах песчаными намывными барами. Лишь в одну часть этого залива, где глубины оказались больше, чем в остальных частях, можно было войти без особого риска сесть на мель. Эта часть залива расположена ближе всего к лиману Амура и могла бы, по мнению Невельского, стать отправным местом для будущих исследований Амура. Л. А. Попов составил план этого залива, который Невельской назвал зал. Счастья⁴⁰.

Отсюда Невельской продолжил опись берега. В наиболее интересных местах по-прежнему становились на якорь и осматривали, описывали все со шлюпок. Несколько дней, с 8 по 12 августа, Невельской потратил для плавания к северу в поисках островов. На старых картах берег в этом месте изображался уходящим далеко на север. Находясь на параллели мыса Александра, «Байкал» направился прямо к нему. От этого мыса плыли к островам Рейнеке и Меншикова и описали их. Оставал-

³⁸ АГО, разряд 99, оп. 1, № 93, л. 12.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 259.

⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 260.

ся виденный и описанный В. К. Поплонским зал. Константина.

У мыса Мухтель Невельской был опять введен в заблуждение неточностями прежней карты. Мыс оказался намного южнее, снова было потеряно много времени. Забравшись далеко к северу, чуть ли не до о. Кусова, Невельской вынужден был затем осторожно, медленно спускаться в зал. Академии. Встав здесь на якорь, Невельской приказал Гроте осмотреть и положить на карту берег к югу от м. Мухтель и зал. Академии. Как всегда, Гроте представил подробный отчет. В делах оказалась и карта съемки Гроте, которая в более общем виде воспроизводится на плане гавани св. Николая, исполненном Л. А. Поповым ⁴¹.

Одновременно вел исследования отряд Гейсмара, который осмотрел берег с запада на северо-восток относительно стоянки транспорта, Ульбанский залив. Его осмотр продолжался трое суток и завершился рапортом. Выводы Невельского относительно залива Константина были весьма категоричны: «После подробной описи и исследованию берегов этого залива оказалось, что он не представляет ни в каком отношении удобства для основания в нем порта» ⁴². Исследования, возложенные на Г. И. Невельского, были счастливо и успешно завершены.

Было 27 августа. Невельской уложился в отведенные ему сроки. И прежде чем отправляться по назначению, в Охотск, он собрал офицеров у себя в каюте, поблагодарил их за блестяще проведенные исследования и приказал сдать ему все записи, журналы, а также приобретенные у местных жителей вещи. Документы с личными подписями всех членов экипажа «Байкал» и поныне хранятся в делах архива. Теперь все было готово, чтобы сниматься с якоря и плыть в Охотск.

Но непредвиденное обстоятельство изменило намерение Невельского. 28 августа у мыса Мухтель совершенно неожиданно встретили плывущие байдары. В журнале транспорта появилась такая запись: «В $1\frac{1}{2}$ 10 часа (9.30.— А. А.) увидели две 3-лючных байдарки, идущие от мыса Мухтеля к транспорту. В 10 часов (10.00.— А. А.) байдарки пристали к транспорту с 6 человеками,

---

⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 258.

⁴² Невельской Г. И. Подвиги..., с. 107.

которые и взяты на транспорт для своза в Аян»⁴³. В байдарках оказался служащий Российско-Американской компании бывший штурманский офицер Дмитрий Иванович Орлов⁴⁴ с пятью гребцами.

От него узнали новости. Оказалось, что он послан управляющим Охотской конторой Российско-Американской компании Василием Степановичем Завойко на поиски «Байкала». Орлов сообщил также, что «Байкал» разыскивает Михаил Семенович Корсаков⁴⁵ на боте «Кадьяк» под командованием Петра Федоровича Гаврилова и его помощника Никиты Ильича Шарыпова и что у него находятся долгожданные инструкции из Петербурга, а также, что в Аяне со дня на день ожидают Н. Н. Муравьева, совершающего путешествие по Дальнему Востоку и направляющегося в Петропавловск.

Эти известия заставили Невельского идти в Аян. Орлов со спутниками и байдарками был взят на «Байкал». В письме к сестре Александре П. В. Казакевич сообщил по этому поводу: «...мы хотели высадить находящихся у нас алеут и, не заходя в Аянский залив, идти в Охотск, но вышло иначе. Чем быстрее стали подлаживать к заливу, тем яснее увидели транспорт „Иртыш“ под флагом Военного генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева. Нам этого-то и нужно было»⁴⁶.

В Аяне, куда незадолго перед этим пришел М. С. Корсаков на «Кадьяке» с вестями, что, возможно, «Байкал» погиб в лимане Амура, находился транспорт «Иртыш» с Н. Н. Муравьевым и всей его свитой, уже возвратив-

---

⁴³ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 336, л. 65 об.

⁴⁴ Д. И. Орлов (1806—1859) — один из старослужащих Охотской флотилии, кругосветный мореплаватель, поручик. За проступок лишен был чинов и всех прав состояния. Находясь в ссылке, поступил на службу в Российско-Американскую компанию. С 1842 г. исследовал залив Аян, в 1845 г. вместе с В. С. Завойко основал Аянский порт. В 1850 г. побывал в лимане Амура, составил карту лимана и устья. Активный сподвижник Г. И. Невельского и участник Амурской экспедиции.

⁴⁵ М. С. Корсаков (1826—1871) — офицер для особых поручений при Н. М. Муравьеве, двоюродным братом которого он являлся по матери. Привез в Иркутск, а затем и в Охотск инструкции для Г. И. Невельского. Плавал на «Кадьяке» в поисках «Байкала». В 1860 г. — председатель Управления Восточной Сибири, а с 1862 г. — генерал-губернатор Восточной Сибири, сменивший на этом посту Н. Н. Муравьева-Амурского. В честь М. С. Корсакова на Сахалине назван порт Корсаков.

⁴⁶ ЦГАВМФ, ф. 1191, оп. 1, д. 20, л. 70.

шийся с Камчатки. Теперь, после известий Корсакова и своих неудачных розысков Невельского у берегов Сахалина, Муравьев, сильно опечаленный, собирался отправиться в Иркутск. И вдруг на входе в залив Аян показался транспорт «Байкал». Когда все сомнения исчезли, Муравьев не утерпел, приказал изготовить вельбот и на нем понесся навстречу. И вскоре услышал от Невельского желанные слова: «Сахалин — остров, вход в лиман и р. Амур возможен для морских судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно развеяно, истина обнаружилась!»⁴⁷.

А затем, в продолжительной беседе уже за столом, Невельской во всех подробностях рассказал о своем плавании. Муравьев же в свою очередь рассказал Невельскому о том, как решались дела в Петербурге. А Корсаков вспомнил, что когда инструкция с его помощью прибыла в Иркутск, то Муравьев, не дав передохнуть своему брату и порученцу, срочно отправил его в Петропавловск с задачей вручить Невельскому инструкцию и самому оставаться на «Байкале» в качестве представителя генерал-губернатора. Перед отправлением его в дальнее путешествие Муравьев, по словам Корсакова, «тихонько вышел за здоровье „Байкала“ и его командира и за успех предприятия на него возложенного»⁴⁸.

Потом Муравьев долго рассказывал о путешествии на Камчатку, о пребывании «Иртыша» у северных берегов Сахалина, о произволе, который творят иностранные китобои в Охотском море, чему сам Муравьев стал свидетелем, встретив там китобойца. Неожиданной новостью для Невельского было решение Муравьева перенести порт из Охотска в Петропавловск. Авачинская губа поразила своим великолепием генерал-губернатора: «Я много видел портов в России и в Европе, но ничего, подобного Авачинской губе, не встречал...»⁴⁹. Это решение Муравьева вызвало сильное недовольство Невельского, который уверял генерал-губернатора, что Камчатка хороша с Амуром, а без него «мыльный пузырь».

Невельским были уже подготовлены доклады о проведенных исследованиях. Все они были переданы Н. Н. Му-

⁴⁷ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1848—1854. СПб., 1889, с. 79.

⁴⁸ РОБЛ, ф. Корсакова, П-41, ед. хр. 2, л. 31 об.

⁴⁹ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891, кн. 1, с. 220—221.

равьеву, который спешил в Иркутск и далее — в Петербург. Николай Николаевич отбыл из Аяна на следующий день, приказав Невельскому следовать в Охотск и сдать там транспорт портовому начальству. 3 сентября «Байкал» покинул Аян и 6 сентября вошел на Охотский рейд, 10 сентября втянулся в устье Охоты и Кухтуя. Затем — необходимые формальности по сдаче транспорта и прощание с командой. Невельской сказал, что он надеется еще послужить с ними, рассчитывая вернуться на Дальний Восток. Сохранилось свидетельство, что Невельской сдал транспорт в отличном состоянии. Командир Охотского порта капитан 1-го ранга Иван Васильевич Вонлярлярский 24 сентября 1849 г. докладывал Меншикову: «...транспорт и команда содержатся в лучшем виде, нижние чины — бодрыми духом, совершенно здоровыми»⁵⁰.

Прибыв в Якутск, Невельской застал там еще Н. Н. Муравьева, которому подал официальную записку о необходимости «обратить все наше внимание на приамурский край» и «для основания надлежащего порта в Восточном океане — надобно искать места на матером берегу Татарского залива»⁵¹. Невельской писал также Муравьеву, что было бы желательно отправить Д. И. Орлова, знакомого с краем и с местными жителями, из Удского края к устью р. Амур с целью определить гидрологический режим его устья, пути сообщения оттуда до зал. Счастья и для промера глубины на фарватере, ведущем из Сахалинского залива в устье реки, открытом П. В. Казакевичем.

Все представления Невельского Муравьев одобрил, за исключением его мнения о Петропавловском порте, и сообщил, что дал Завойко предписание относительно командировки Орлова в лиман Амура и о посылке с открытием навигации 1850 г. в зал. Счастья судна. О самом Невельском Муравьев писал Меншикову: «Мне много случалось ходить на судах военного нашего флота и видеть многих смелых и дельных офицеров, но Невельской превосходит в этом отношении все мои сравнения». А через два дня ему же: «Сделанные Невельским открытия неопценимы для России; множество предшествовавших экспедиций в эти страны могли достигнуть европейской славы, но ни

---

⁵⁰ Алексеев А. И. Дело всей жизни. Хабаровск, 1972, с. 108.

⁵¹ Невельской Г. И. Обзор результатов... — Мор. сб., 1864, № 7. Критика и библиография, с. 3, 4.

одна не достигла отечественной пользы, по крайней мере в той степени, как исполнил это Невельской»⁵².

Эти представления Муравьев отправил из Якутска с М. С. Корсаковым, а сам со свитой, а за ним и Невельской со своими офицерами выехали в Иркутск через несколько дней. В Иркутске Невельской и его помощники занялись составлением отчета и карт, закончив которые и представив их копии Муравьеву выехали с оригиналами и рапортом Муравьева в Петербург сразу после Нового года, 3 января 1850 г. Н. Н. Муравьев в рапорте писал: «Невельской разрешил все эти вопросы и сверх того открыл близ самого устья Амура на северном берегу гавань, названную им гаванью Счастья, куда суда наши, плавающие по Охотскому морю, могут входить, спокойно стоять и из этой гавани иметь внутреннее сообщение с тем пунктом реки Амура, где, по мнению моему, мы должны утвердиться, т. е. у полуострова Константина. Но важнейшее из всех его открытий есть Южный пролив из лимана и безпрепятственный по оному вход из Татарского залива (пролив.—А. А.) судам самого большого размера прямо в реку»⁵³. Далее Муравьев предлагал устроить в устье Счастья селение из 60—70 человек, выбрав место в устье Амура, торговать с местными жителями, вернуть Орлову офицерский чин, а Невельского прикомандировать к генерал-губернатору Восточной Сибири.

Создание Амурской экспедиции

28 января 1850 г. Г. И. Невельской прибыл в Петербург и лично доставил А. С. Меншикову доклад Н. Н. Муравьева. Он уже знал, что Корсаков успел доложить представления Муравьева по Камчатке, о переносе порта из Охотска и по плаванью «Байкала». По этим представлениям 2 декабря 1849 г., в частности, решено было перенести порт в Петропавловск, а 6 декабря Невельской был произведен в капитаны 2-го ранга, офицеры же транспорта «Байкал» за благополучный переход и опись лимана Амура и о. Сахалин были произведены в очередные офицерские чины и награждены орденами. Однако Невельской за то, что пошел в лиман без утвержденной царем ин-

⁵² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 297, л. 3 об. и 1 об.

⁵³ АВПр, ф. Главный архив 1—9, д. 11, ч. II, л. 150.

струкции, а лишь с ее копией, не был награжден орденом и не получил полагающейся ему пенсии (царские чиновники не прощали ни малейшего намека наслушание).

А. С. Меншиков был вполне удовлетворен отчетными документами и пообещал, что будет продвигать предложения Н. Н. Муравьева. Но вместе с тем он сказал, что канцлер К. В. Нессельроде и большинство членов кабинета не верят Невельскому, так как его открытия «противоречат докладу графа Нессельроде и донесению барона Врангеля в исходе 1846 г. о том же предмете»¹. Невельской побывал и у министра внутренних дел Л. А. Перовского, который также предупредил Невельского, что большинство членов Особого комитета, в котором будет рассматриваться вопрос об отношениях с гиляками, настроены резко отрицательно к открытиям Невельского.

И все же Невельской понял, что в конечном счете дела амурские получат такое развитие, о каком он и Муравьев хлопотали. Понял он это после того, как услышал от Меншикова в ответ на свое извинение, что еще не купил эполеты капитана 2-го ранга и по сему поводу извиняется за неформенный вид, что он правильно сделал, что не потратился на покупку, так как в ближайшее время ожидается его производство в капитаны 1-го ранга. Ну а так как в следующий чин производили только в том случае, если офицер назначался на Камчатку, то Невельской почувствовал, что Меншиков невольно (или нарочно) давал ему понять, что во всяком случае не все представления Муравьева будут отклонены.

Действительно, Нессельроде был недоволен независимыми действиями Муравьева. Поэтому на заседании Особого комитета 2 февраля 1850 г., на которое был вызван и Г. И. Невельской, оппозицию А. С. Меншикову и Л. А. Перовскому составили, как и ожидалось, К. В. Нессельроде и А. И. Чернышев. Невельской кратко изложил историю вопроса и ход своих исследований². Выступившие затем Меншиков и Перовский рассказали, что они тщательно проверяли все материалы, и предложили принять представление Муравьева по всем пунктам. В результате длительных дебатов было выработано постановление, утвержденное царем 3 февраля 1850 г.

---

¹ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 120.

² Невельской Г. И. Подвиги..., с. 121.

А. С. Меншиков сообщил его Н. Н. Муравьеву:

«1. Ограничиться на первый случай устройством зимовья в гавани Счастья или в другой близкой к сей гавани местности морского побережья для распространения торговых сношений с гиляками. Занятие же какого-либо пункта на самом Амуре оставить впредь до усмотрения по уважениям, о которых предполагается объясниться с Вами лично, по прибытии Вашем в СПбетербург.

2. Зимовье в гавани Счастья учредить от Американской (Российско-Американской. — А. А.) компании, с пособием от правительства средствами, от Вас зависящими, и представить в полное Ваше распоряжение Охотскую флотилию»³.

Далее он писал, что капитан 1-го ранга Г. И. Невельской назначен состоять при Н. Н. Муравьеве офицером особых поручений, а также и то, что ходатайство относительно Д. И. Орлова удовлетворено и тот переведен в корпус флотских штурманов прапорщиком. В соответствии с решением комитета 8 февраля 1850 г. Невельской «переведен в Охотскую флотилию с производством на основании положения о Камчатке в капитаны 1-го ранга и назначен состоять при генерал-губернаторе Восточной Сибири для исполнения особого возложенного высочайшего повеления и с представлением прав относительно пенсии, какими пользуются начальники Камчатки»⁴.

Корсаков и Невельской почти одновременно выехали из Петербурга, но Геннадий Иванович не мог проехать мимо Кинешмы, где вместе с овдовевшей его сестрой Марией и внуками проживала теперь их сильно одряхлевшая мать.

Невельской появился в Иркутске 27 марта и после доклада Муравьеву готов был ехать дальше. Из Иркутска за подписью Муравьева полетели распоряжения начальнику Аянского порта Российско-Американской компании Александру Филипповичу Кашеварову готовить продовольствие и снаряжение. 3 апреля Невельской и Корсаков выехали вместе — до Якутска. Тут их пути разошлись: Невельской направился в Аян, а Корсаков — в Охотск, приводить в исполнение решение правительства о переносе порта в Петропавловск.

³ АВПр, Главный архив 1—9, д. 11, ч. I, л. 142—143.

⁴ ГАГО, ф. 121, оп. 2, д. 237, л. 3.

Аянский тракт был еще недостаточно освоен, плохо оборудован станциями, да и сама дорога была настолько плоха, что вызвала гневные письма Невельского, которыми он в изобилии «снабжал» Корсакова. Где на оленях, где верхом на лошади, где пешком, а где и на лыжах, он лишь к вечеру 24 мая добрался до Аяна, где еще застал снег и где было по-настоящему холодно. От Кашеярова Геннадий Иванович узнал, что транспорт «Байкал» ожидается в Аяне только в июне — раньше никак нельзя, стоит лед. Важной и неожиданной новостью для него было сообщение о том, что, исполняя решение Особого комитета, военный губернатор Камчатки В. С. Завойко отправил из Аяна 23 февраля к устью Амура Д. И. Орлова на сорока оленях с тремя проводниками и с запасами продовольствия на шесть месяцев. И теперь Невельской волновался за исход такой смелой рекогносцировки. Он очень спешил попасть в залив Счастья, где по договоренности его должен был ожидать Д. И. Орлов.

И как только «Байкал», его родной «Байкал», которым командовал штурманский офицер Алексей Кузьмин, появился в Аяне, Невельской был готов отправиться немедленно, но требовалось дать отдых команде после перехода с Камчатки и нагрузить транспорт. Когда все было сделано, «Байкал» поплыл в залив Счастья, куда и прибыл 21 июня. Тут Г. И. Невельского встретил бодрый, энергичный и радостный Д. И. Орлов. Он искренне был рад тому, что так повернулась его судьба, беспросветное прозябание после разжалования сменилось возвращением в офицерский корпус и вселяло надежды. Правда, надо было начинать все снова, но это уже не имело существенного значения.

Он рассказал Невельскому о своем нелегком путешествии к устью Амура, сообщил о благожелательном отношении местных жителей к русским. Нам удалось найти карту под таким названием: «Очерк берега Охотского моря от Аянского порта Российско-Американской компании до устья реки Амура, между $53^{\circ}30'$ и 57° N шир., 135° и $140^{\circ}30'$ O долг. от Гринвича»⁵. Она в точности соответствует описанию, которое мы разыскали в письме Н. Н. Муравьева царю от 7 августа. В нем говорилось, что «самый удобный, по мнению Орлова, пункт для первоначального заселения есть мыс Куегда, против него

---

⁵ ЦГВИА, Коллекция 419, д. 185.

ширина реки Амура около одной мили, материк реки идет под правым берегом, уменьшая глубину к мысу Куегда до 6 фуг. В двух милях от него вверх по левому берегу Амура впадает р. Личь, единственная, по которой есть береговое сообщение с гаванью Счастья посредством р. М. Искай, отделяющейся от Личь хребтом, лежащим во всю длину полуострова; по словам гиляков, это береговое сообщение между Амуром и гаванью Счастья посредством речек М. Искай и Личь не далее 60 или 70 верст»⁶.

Карта вычерчена на ватмане с водяными знаками «Ватман 1846». На ней красной тушью нанесена береговая черта со слов местных жителей, черной — до сел. Коль. Нанесены речки Искай, Личь, селения Искай, Куекта (Куегда.— А. А.), Чныррах, Петах, Пуир, Уд, Лангр, Маго и другие, помечена дорога от селения Коль до Амура, и многие другие сведения, не оставляющие сомнения в том, что она вычерчена опытным штурманом. Это, несомненно, карта Орлова, видимо прилагавшаяся к отчету и попавшая затем какими-то путями в Военно-Исторический архив.

Невельской не только со слов Д. И. Орлова, но и сам убедился, что гиляки относятся к русским дружелюбно, помогают собирать строительный материал для будущего зимовья. Невельской выбрал для него место напротив о. Лутковского, поближе к рейду, 29 июня 1850 г. он и Д. И. Орлов в присутствии собравшихся местных жителей «заложили первое русское селение в преддверии Амура; во имя угодника этого дни и в память Великого Петра,— писал Невельской Корсакову,— я назвал его Петровское»⁷. На следующий день «Байкал» ушел в Аян. Здесь Невельской с нескрываемой радостью рассказывал В. С. Завойко и архиепископу Камчатскому и Алеутскому Иннокентию о происшедших событиях и с удовольствием представил им двух гиляков, прибывших с устья Амура на транспорте «Байкал».

Д. И. Орлову были оставлены 12 человек с «Байкала» и две шлюпки для повседневных дел. В Аяне выяснилось, что «Байкал» предназначался для перевозки грузов из Охотска в Петропавловск в связи с переносом туда порта, а вместо него военный губернатор Камчатки В. С. За-

⁶ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 11, ч. II, л. 252—252 об.

⁷ РОБЛ, ф. Корсаковых, П-113, ед. кр. 11.

войко выделил для нужд Г. И. Невельского бриг Российско-Американской компании «Охотск», которым командовал Петр Федорович Гаврилов, а его помощником был Алексей Порфирьевич Семенов. В ожидании прихода брига Невельской написал, как мы уже отмечали, письменный доклад Муравьеву, в котором предлагал Муравьеву оставить судно на зимовку в заливе Счастья и основать пост на мысе Куегда. Хорошо понимая, что его доклад быстро не дойдет до Иркутска и что ответа оттуда тем более не дождешься, Невельской в письме Корсакову обронил такие примечательные слова: «Если же генеральское разрешение не дойдет до меня, то во имя аллаха сами распорядимся — смелость, быстрота и движение»⁸.

Написал Невельской и своему морскому начальству, изложил в письме результаты своих действий и доложил об исследованиях Д. И. Орлова. Он писал, в частности: «Гиляки в исследованиях г-ну Орлову и мне усердно помогали, показывали фарватеры, хранили товары и не только не оказывали какое-либо неудовольствие, чтобы у них строились, а, напротив, радовались и толпами приходили с просьбою защищать их от своеволия команд китобойных судов, берега Охотского моря часто посещающих»⁹.

На бриге прибыли казаки Якутского полка и мастеровые 46-го флотского экипажа, предназначавшиеся к отправке в Петровское зимовье. Они вместе с 12 матросами с «Байкала», соратниками Невельского по плаванию, стали первыми амурскими поселенцами. У Д. И. Орлова все было в полном порядке, он деловито распоряжался, устраивая вновь прибывших в палатках, организуя заготовку леса для строительства жилья, бани, пакгауза, часовни. А Невельской на вельботе и байдаре с шестью матросами, гиляками Позвейном и Афанасием, в сопровождении топографа Петра Попова отправился в плавание по Амуру, во время которого доходил до мыса Тыр и даже поднялся вверх по р. Амгунь, впадающей в Амур напротив этого мыса.

На обратном пути Невельской основал на мысе Куегда пост, названный им Николаевским. В присутствии собравшихся гиляков при салюте из фальконета и ружей

---

⁸ Там же. Письмо от 7 июля 1850 г.

⁹ *Петров А. И.* Амурский щит. Хабаровск, 1974, с. 353. Письмо от 6 июля 1850 года.

1 августа 1850 г. был поднят русский флаг. Этим был открыт Николаевский пост (ныне г. Николаевск-на-Амуре)¹⁰. На первых порах тут были оставлены десять человек во главе с Петром Поповым. Пост в таком составе должен был существовать до ледостава. Зимой же Невельской велел оставлять там лишь трех человек — караул. Следует отметить, что Л. И. Шренк, со слов Г. И. Невельского, приводит другую дату основания Николаевского поста — 6 августа. «Последнее число означено в моем дневнике, — пишет он, — на основании сообщения самого Невельского»¹¹. Этой даты придерживаются и другие авторы (Д. И. Романов, П. А. Тихменев).

Невельской возвратился в Петровское через горы, берегом и по рекам Личь и Искай. Петровское и Николаевский пост оставались под начальством Орлова, в распоряжении которого была команда из 20 человек, и ему оставлено было «1400 боевых патронов и 5 пудов пороху, сверх того огородные овощи, соленое мясо и рыба, чай, ром и сахар, теплая обувь и одежда, 8 штук живого скота и для развозов 28 оленей»¹². Ему было сказано, что бриг «Охотск» возвратится и останется на зимовку. Сделав рейс в Аян, бриг вернулся в зал. Счастья, доставив сюда дополнительно кое-что из запасов. На бриге прибыла и семья Д. И. Орлова — жена с детьми.

8 сентября 1850 г. бриг встал на якорь на рейде Петровского, а 13 сентября благополучно вошел в залив, подтянулся к берегу и устроился на зимовку. Испортившаяся погода несколько затянула строительство жилья, и только в октябре судовая команда сумела перебраться в зимнее жилье на берегу, а офицеры пока поместились в бане: «Г-да офицеры, — докладывал впоследствии Орлов Невельскому, — вольно или невольно должны прожить в бане, поправить нечем, время упущено, и я от своей команды более усиленных работ требовать не в состоянии: они так много трудились, что я не знаю приличную награду, какую могу просить, кроме той, если господь нам вспомоществует окончить благополучно начатое, не отказав в выпуске их в отставку... С гилыками живем мирно — они перекочевали в зимники и часто навещают нас, привозя на продажу собачьего корма...»¹³.

¹⁰ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 125.

¹¹ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1853, с. 88.

¹² АВПР, ф. Главный штаб 1—9, д. 11, ч. 1, л. 296 об.— 297.

¹³ Петров А. И. Указ. соч., с. 354. Письмо от 1 ноября 1850 г.

К сожалению, именно в это время произошли события, которые положили начало многолетним распрям Невельского с Завойко. Последний считал, что цель Невельского — отобрать славу исследователей Амура у Орлова и у него, Завойко, как начальника края. Невельскому же казалось, что Завойко, имевший непосредственное отношение к Российско-Американской компании, используя свое высокое служебное положение, через начальника Аянского порта А. Ф. Кашеварова делает все для того, чтобы помешать ему, Невельскому, исполнить возложенную на него задачу.

Невельской уже неоднократно высказывал сожаление по поводу опрометчивого, по его мнению, решения Н. Н. Муравьева обратить главное внимание на Камчатку, а все амурские начинания фактически поставить под контроль Российско-Американской компании. И в письме Корсакову от 22 сентября 1850 г. Невельской излил свои чувства: «О Камчатке г. Завойко имеет совершенно превратное понятие. Не на одну растительность смотреть должно. Надо смотреть на экономическое состояние страны. Камчатка представляет одну только Авачинскую губу — как гавань совершенно без всяких средств. Не на Камчатку глухую, а на Амур надобно бы было обратить все внимание...»¹⁴.

Узнав о том, что Завойко за праздничным столом по случаю назначения его, после скромной должности начальника Аянского порта, военным губернатором Камчатки неопозволительно отозвался о Невельском, Геннадий Иванович со всем пылом продолжал изливать душу Корсакову: «Если по прибытии моем в Аян, в деле, в котором бы, кажется, должно участвовать общими силами, решительно мне сказал: *два медведя в одной берлоге не живут* (подчеркнуто Невельским.— А. А.), разумеется (имеется в виду.— А. А.), что он будто бы все это начал, ему бы одному и кончать должно, то плоха, друг мой, надежда на подобных людей. И человек решился торжествовать за столом говорить, когда у него перед отъездом в Камчатку собралась вся челядь! Что будто бы я отнимаю славу у Орлова и его и что будто бы чужими руками жар загребая!!! Дурак, он не знает меня и не понимает, что такое слава. Кто смеет и кто может отнять у меня то, что приобретено моими трудами и в чем господь

---

¹⁴ РОБЛ, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 11.

помогал мне. В то время, когда Лаперуз, Бротон (Браунтон.— А. А.) и Крузенштерн закрыли Амур, в то время, когда в полном смысле *подлая* (подчеркнуто Невельским.— А. А.) Рос. Амер. компания, имея высочайшее соизволение исследовать устье Амура (имеется в виду разрешение, данное Российско-Американской компании и столь неудачно ею использованное.— А. А.), употребила бы для (этого.— А. А.) настойчивые средства, а (она.— А. А.), по исследованиям Гаврилова, заперла Амур... она представила государю в таком дурном виде все амурское дело... Кто же первый сказал: Амур открыт с севера и юга для кораблей большого ранга? Кто осмелится отнять у меня эту славу? Кто осмелится отнять у меня и ту решительность за настоящие действия?»¹⁵.

С такими настроениями, отправив в начале сентября все отчеты по своим действиям на Амуре летом 1850 г., выехал Невельской 10 сентября из Аяна в Иркутск. Конечно, ему было нелегко. Инициативный, энергичный, преданный своему делу, обрадованный принятыми в Петербурге решениями и гордый тем доверием, которое ему было оказано, счастливый той ролью, которая была ему отведена, Невельской был уверен, что на месте, на Дальнем Востоке, все проникнуто идеей Амура так, как он сам, и что все и во всем будут оказывать ему сильное содействие. На самом же деле ему пришлось столкнуться с бюрократизмом царской государственной машины, с завистью и корыстью, с местническим отношением к большим и важным государственным делам. Это вызвало раздражение, перевозность, ответную реакцию неопытного в дипломатии Невельского. Он уверен был в заступничестве Муравьева и Меншикова.

Не застав в Иркутске Муравьева, Невельской согласно оставленному ему приказанию генерал-губернатора должен был поспешить в Петербург. Геннадий Иванович мог и не успеть туда вовремя, если бы Екатерина Ивановна Ельчанинова согласилась стать его женой. Молоденькая же красавица, шлемянница иркутского гражданского губернатора В. Н. Зарипа, отказала неказистому и немолодому уже по сравнению с ней офицеру. Бросив ей на прощанье, что он не прощается, что он непременно спросит ее об этом еще раз, Геннадий Иванович помчался в

---

¹⁵ Там же.

столицу. Ехал так быстро, что в любезной Кинешме задержался лишь на двое суток.

Получив сведения с Камчатки от Корсакова и из Аяна от Невельского, Муравьев выехал сам в столицу раньше, не ожидая их прибытия в Иркутск. 30 ноября он подал царю записку, в которой настаивал, чтобы на Амуре ничего не менять, оставив все, как сделал Невельской, и что надо всему этому делу всемерно помочь.

Эта записка была прочтена всеми членами Особого комитета и встречена оппозицией в штыки. Суть предложений оппозиции сводилась к тому, чтобы Николаевский пост снять, а зимовье Петровское оставить в качестве склада Российско-Американской компании. Что же касается Невельского, вторично нарушившего волю государя (основание Николаевского поста.— А. А.), то за самовольные действия военный министр А. И. Чернышев предлагал разжаловать его в матросы; говорили, уже был затронов проект такого приказа.

Невельской появился в Петербурге в самом начале декабря 1850 г. и в самый разгар «сражений» по поводу путей освоения Дальнего Востока. Современники передавали, что впоследствии он очень любил рассказывать о своем «почти разжаловании» и о том, как все это обошлось¹⁶. После того как К. В. Нессельроде доложил царю мнение Особого комитета и записку Н. Н. Муравьева, а также особые мнения А. С. Меншикова и Л. А. Перовского, комитету было предписано собраться вновь¹⁷.

Это была победа, хотя официально Особый комитет еще не вынес окончательного решения. Заседание состоялось 19 января 1851 г. На заседании слушались и обсуждались записка Н. Н. Муравьева, возражения против этой записки К. В. Нессельроде, особые мнения А. С. Меншикова и Л. А. Перовского. Оппозиция (К. В. Нессельроде, А. И. Чернышев, Ф. Ф. Берг, Л. Г. Сенявин) представила свой проект, суть которого состояла в отмене всех распоряжений Невельского.

После бурных дебатов 7 февраля 1851 г. состоялось решение: Николаевский пост не снимать, брандвахту не ставить, одобрить установленные контакты с гиляками. На основании этого решения 12 февраля 1851 г. кабинет министров вынес постановление:

---

¹⁶ *Vend Véra. L'Amiral Nevelskoy. Paris, 1894, p. 85–87.*

¹⁷ *Невельской Г. И. Подвиги..., с. 129.*

«1. Николаевский пост оставить в виде лавки Российско-Американской компании. 2. Никаких дальнейших распоряжений в этой стране не предпринимать и отнюдь никаких мест не занимать. 3. Иностранцам судам, которые обнаружили бы намерение занять какой-либо пункт около устья реки Амур, объявлять, что произвольные распоряжения в этих местах не могут быть допускаемы и что каждый из таких самовольных поступков влечет за собою большую ответственность. 4. Российско-Американской компании снабжать экспедицию запасами, товарами, гребными судами и строительными материалами. Для сооружения же помещения в Петровском и Николаевском, охранения оных и для других надобностей назначить из Сибирской флотилии 60 чел. матросов и казаков, при 2-х офицерах и докторе, которым кроме казенного довольствия, по сибирскому положению, производить особое вознаграждение от компании, по соглашению генерал-губернатора Восточной Сибири с главным ея правлением. 5. Если при упомянутом сейчас расходе и от торговли в продолжение 3-х лет Р. А. К. (Российско-Американская компания.— А. А.) будет терпеть убыток, то по представленному ею расчету правительство обязывается ее вознаграждать, однако никак не свыше 50 000 рублей. 6. Продовольствие от казны из Петропавловска, а равно запасы и товары компании из Аяна должны доставляться в Петровское на казенных судах. 7. Экспедицию эту назвать Амурскою и начальником ее во всех отношениях назначить капитана 1-го ранга Невельского. 8. Экспедиции этой, а равно все действия и направления ея, в пределах настоящего высочайшего повеления, находиться под главным начальством и распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири. 9. Начальнику экспедиции, равно и всем служащим в оной офицерам, даровать все права и преимуществы, какие определены законом начальнику Охотского порта и служащим в нем офицерам»¹⁸.

В развитие этого правительственного постановления директор Главного правления Российско-Американской компании генерал-майор Владимир Гаврилович Политковский (внук Г. И. Шелихова) уже 13 февраля 1851 г. известил Н. Н. Муравьева, что компания со своей стороны для обеспечения действий правительства выделяет: «1. Прикащиков и служителей для торговых надобностей

¹⁸ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 130.

в числе, какое нужным окажется. 2. Гребные суда и один пароход для прибрежного плавания, устройств оных в 1852 году, так как компания находил необходимым отправлять торговые партии для распространения сношений с туземцами и возможного с ними сближения, в торговых видах. 3. Материалы, которых нельзя будет получить на месте, для построек к помещению людей и товаров, в том внимании, что все сии постройки будут принадлежать компании. 4. Сверх жалованья, продовольствия, обмундирования и вооружения, положенного командам от казны, производить нижним чинам от компании заработную плату для вознаграждения за производимая для компании работы, на улучшение пищи и заведение необходимой при работах по времени года одежды, в количестве от 30 до 40 р. серебром в год на человека, а офицерам, которые будут употреблены для наблюдения за работами, в виде столовых денег, от 150 до 200 р. серебром в год каждому. С 1852 года компания готова принять продовольствие береговых и судовых команд на свое попечение, с отпусками от казны платы по казенным ценам. 5. Начальство над командою и учреждениями вверить состоящему на службе компании корпуса флотских штурманов подпоручику Орлову, и для руководства его ныне, как и в дальнейшем распространении этого дела, и для ближайшего соединения видов местного начальства с действиями компании главное наблюдение возложить на капитана 1-го ранга Невельского»¹⁹.

Мы уже упоминали о положении вещей, сложившемся в Амурской экспедиции благодаря тому, что материальное обеспечение ее было всецело отдано в руки Российско-Американской компании. Экспедиция целиком зависела от щедрот правления компании, от ее представителей на местах, и в частности от начальника Аянского порта А. В. Кашеварова — человека, обязанного своим воспитанием, образованием и офицерским чином компании. Немало зависело и от военного губернатора Камчатки В. С. Завойко, тесно связанного с Главным правлением Российско-Американской компании, об истинном отношении которого к Амурской экспедиции и лично к Г. И. Невельскому достаточно ярко говорит приведенное выше письмо Г. И. Невельского М. С. Корсакову. В дальней-

¹⁹ АВЛР, ф. Российско-Американская компания, оп. 888, д. 384, л. 6—6 об.

шем именно эта зависимость от компании создала для Амурской экспедиции множество трудностей.

Но Муравьев и Невельской были рады и такому обороту дела. В Аян и Охотск полетели распоряжения, просьбы. Сразу же после решения дела Г. И. Невельской написал М. С. Корсакову: «Дела приняли оборот изрядный. Просить надо бога, чтобы он наставил и сохранил для пользы и славы нашей матушки Руси»²⁰. 21 февраля Невельской, облеченный большими полномочиями и окрыленный открывающейся перспективой, выехал из Петербурга. Корсаков, выехавший раньше, был в этот день уже в Ярославле; он некоторое время провел дома, под Москвой, в Тарусове, по Дмитровской дороге. Заехал в свою Кинешму и Невельской. Он понимал, что, может быть, в следующий раз он обнимет матушку, сестру и племянников только через несколько лет. Но и там его не покидали мысли об Амуре и еще об Иркутске, об оставшейся там Катеньке...

По прибытии в Иркутск Невельской, как и мечтал, повторил свое предложение Катеньке — Е. И. Ельчаниновой, которое теперь было принято. Естественно, планы выезда теперь изменились. Екатерина Ивановна непременно решила ехать вместе с мужем. Свадьба состоялась 16 апреля, а через четыре недели, 12 мая 1851 г., молодожены выехали из Иркутска. До этого Г. И. Невельской отправил в Охотск и Аян поступившего в экспедицию штурманского офицера Алексея Ивановича Воронина со своими распоряжениями. Н. Н. Муравьев, остававшийся все это время в Петербурге, 2 марта 1851 г. прислал Невельскому письмо, в котором нашлись такие обнадеживающие строки: «...продолжайте начатое и все будет хорошо»²¹. В пути, в Якутске, Невельской получил от Муравьева известие, что в экспедицию едет служить его земляк-костромич — молодой офицер, лейтенант Николай Константинович Бошняк, отца которого Невельской превосходно знал. Это был уже третий офицер, поступивший в экспедицию (считая Д. И. Орлова, назначенного от Российско-Американской компании). В экспедиции были уже топограф — прапорщик Петр Попов, приказчики Российско-Американской компании Алексей Павлович Бере-

---

²⁰ РОБЛ, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 13.

²¹ *Петров А. И.* Указ. соч., с. 355. Письмо Невельскому от 2 марта 1851 г.

зин и Андрей Степанович Боуров (Буоров), горный мастер Иван Блинников, врачом экспедиции стал Евгений Григорьевич Орлов.

Невельской появился в Охотске в середине июня и был доволен тем, что тут все было готово: Кюрасаков потрудился на славу. Больше всего забот доставили, естественно, семьи переселенцев, среди которых оказались даже дети. С прибытием в начале июля Н. К. Бошняка Г. И. Невельской приобрел себе надежного помощника. В начале июля все было погружено на транспорт «Байкал» — добрый старый знакомый снова был под командой Невельского, — и 9 июля он вышел в Аян, где экспедицию ожидал А. И. Воронин. В Аяне не оказалось брига «Охотск», хотя было условлено, что «Охотск» должен был прийти туда из зал. Счастья.

Вместо брига «Охотск» пришлось использовать оказавшийся в Аяне барк Российско-Американской компании «Шелихов», которым командовал старый сослуживец Невельского Владимир Ильич Мацкевич. На этом барке шел основной состав экспедиции: Г. И. Невельской с супругой Екатериной Ивановной и прислугой Авдотьей, Н. К. Бошняк со своим слугой Василием Денисовым, врач Евгений Григорьевич Орлов, топограф Петр Попов, горный мастер Иван Блинников; матросы: Александр Хашьянов, Егор Некрасов, Игнатий Горбовский, Евграф Карасев, Афанасий Пономарев, Аверьян Чухомлин, Петр и Ефим Дойниковы, Михаил Чупин, Александр Шишкин; артиллеристы: Аксентий Усов, Григорий и Алексей Поповы, Мирон Вяткин, Егор Кузнецов, Перфил Дианов; мастера: Степан Решетников с женой Натальей и тремя детьми, Осип Гайдук с женой Еленой, Григорий Москвитин с женой Марией и двумя детьми, Евдоким Вознюк с женой Анной, с дочерью и внучкой; казачий урядник Николай Пестряков, казаки: Константин Русанов, Андрей Тюшев с двумя сестрами, Логин Нижегородов с женой Екатериной, Мартын Красовский с женой Авдотьей, матерью и сестрой, Роман Кошкарев с женой Натальей, матерью и сестрой, а также жена фельдшера Шишерины Пелагея с сыном и жена баталера Аксаментова Ирина с сыном²². Матросами на барке «Шелихов» были индейцы и креолы из российских владений в Америке. На транспорте «Байкал» шел А. И. Воронин, сопро-

²² АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 384, л. 44.

вождавший груз экспедиции. С ним — приказчик А. П. Березин и несколько членов команды экспедиций для присмотра за грузом.

Из Аяна вышли 16 июля, к зал. Счастья подошли 22 июля. Именно здесь, когда до Петровского оставались считанные часы хода, в сплошном тумане «Шелихов» получил пробоину в днище, которую вначале никто и не заметил. И лишь когда вода стала заполнять жилые помещения и барк начал тонуть, сумели направить его на мелкое место, на котором он моментально погрузился до верхней палубы, где все столпились. На счастье, стояла штилевая погода, а когда рассеялся туман, то с палубы увидели две шлюпки, идущие, как затем выяснилось, навстречу барку от берега, с Д. И. Орловым и П. Ф. Гавриловым. Самообладание и хладнокровие Г. И. Невельского, выдержка и распорядительность В. И. Мацкевича, а также быстрая помощь транспорта «Байкал» и умелые действия команды помогли снять всех пассажиров и выгрузить имущество.

Довершил дело подошедший корвет «Оливуца», которым командовал опытный моряк капитан-лейтенант Иван Николаевич Суцев. Командиру корвета «Оливуца», направлявшегося в дальневосточные воды из Кронштадта, Н. Н. Муравьев еще 16 мая 1851 г. предписывал по прибытии «...итти на вид означенного заселения (Петровское.— А. А.), сколько позволит глубина и обстоятельства погоды, войти там в сношение с капитаном 1 ранга Невельским, от которого принять бумаги и депеши, и все, что он признает нужным, отправить в Аян или Петропавловский порт...»²³. И Суцев далеко от Петровского не уходил с 30 июля по 15 августа. С прибытием корвета «Оливуца» офицерский состав Амурской экспедиции пополнился мичманом Николаем Матвеевичем Чихачевым, выразившим желание остаться служить у Невельского.

В Петровском все обстояло благополучно. Редкие большие благодаря ежедневным работам на воздухе и разнообразному питанию быстро поправлялись, строительство шло полным ходом: Орлов знал о том, что придут не только холостые, но и семейные люди. Что же касается «Охотска», то зимовать на пем не стали из-за того, что старый корпус не сохранял тепла, сколько не утеплай его,

---

²³ Там же, л. 43.

Один из жилых домов усадьбы Купреяновых—Невельских
в г. Кинешма, сохранившийся до наших дней

Фото прислано Б. П. Матвеевым

**Памятник
Г. И. Невельскому,
установленный в 1975 г.
на месте
Петровского зимовья.
Фото В. И. Юзефова**

На нем барельеф Г. И. Невельского и надпись: «Здесь 29 июня 1850 года капитан Геннадий Иванович Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нем жили участники экспедиции, жена Невельского Екатерина Ивановна и дочь Катя».

Г. И. Невельской с сыном Николаем. 1872—1873 гг. Италия.

Коллекция автора

**Е. И. Невельская.
1860 г.**

**Г. И. Невельской.
1875 г.
Последняя
известная фотография**
Хранится
в Гос. Публичной
библиотеке
им. М. Е. Салтыкова-
Щедрина,
Ленинград

**Первый памятник Г. И. Невельскому, установленный в 1891 г.
во Владивостоке. Фото Г. Ильина**

и команда перебралась в построенный для нее дом, а офицеры — в офицерский домик.

С наступлением навигации П. Ф. Гаврилов стал готовить бриг «Охотск» к плаванию в Аян, а в устье Амура для наблюдения за его вскрытием был послан А. П. Семенов. Как ни хотелось Гаврилову поскорее выйти в море, от этого пришлось отказаться. «Охотск» укрепили и сумели вывести на рейд, когда еще не закончился ледоход. И тут произошло непоправимое. Внезапным штормовым шквалом бриг сорвало с места и выбросило на берег. Льды пробили в нескольких местах корпус, а затем, прижав бриг к берегу, нанесли ему еще большие повреждения. Оставалось ждать прибытия Невельского.

Молодая супруга Невельского увидела в Петровском вытянутую, с трех сторон окруженную морем песчаногалечную косу, которая не была пустыня: на ней выстроились в ряд домики, из окон которых открывался вид на красивую бухту. С четвертой же стороны виднелись жилища гиляков, которые ежедневно бывали в Петровском.

Первыми действиями Невельского стали возвращение транспорта «Байкал» в Петропавловск, в распоряжение военного губернатора В. С. Завойко, и отправление поступивших в экспедицию Н. М. Чихачева и П. Попова в южную часть лимана, где они должны были по возможности описать побережье, произвести промеры глубин, поискать фарватеры. А сам Г. И. Невельской с Н. К. Бошняком и А. П. Березиным отправился в Николаевский пост. С Невельским прибыло 25 человек команды поста. Н. К. Бошняк стал его начальником, а А. П. Березин от имени Российско-Американской компании осуществлял торговлю с местными жителями. Он же занялся строительством земляных юрт, в которых можно было бы пока временно разместиться и приступить к заготовке леса. Он долго жил в Якутии и хорошо знал, как такие юрты делают.

Невельской на вельботе возвратился в Петровское. Тут он написал отчеты и донесения во все инстанции, требования на материалы, акты о причинах гибели барка «Шелихов» и отправил все это вместе с частными письмами на корвете «Оливуца». Г. И. Невельской оставался теперь начальником многих людей, вверивших ему свои жизни, руководителем Амурской экспедиции, которой предстояло действовать на огромной совершенно неизу-

ченной территории. В письмах А. Ф. Кашеварову Невельской указывал, что прислано для экспедиции явно недостаточно продовольствия и снаряжения, и просил улучшить снабжение. На корвете «Оливуца» были отправлены команда барка «Шелихов», часть команды брига «Охотск» и почта. Начались рабочие будни Амурской экспедиции.

Вскоре стали приходить первые вести из Николаевского поста. Н. К. Бошняк старался не только пунктуально исполнять все инструкции Г. И. Невельского, но и по возможности предугадывать дальнейший ход событий и последующие распоряжения. Вскоре возвратился из первой командировки не менее энергичный Н. М. Чихачев. Топограф П. Попов производил съемку, а Н. М. Чихачев знакомился с условиями плавания, делал в отдельных местах промеры, нащупывая фарватеры. Этим же летом, после посещения в Николаевском посту своего однокашника по Морскому корпусу Н. К. Бошняка, Н. М. Чихачев с Д. И. Орловым плавали по притоку Амура р. Амгунь и поднялись по ней до сел. Кеврет.

В начале октября 1851 г. они вернулись в Петровское и привезли Невельскому известия от Бошняка. Он сообщал, что в Николаевском посту успешно заготавливается лес и строятся первые здания на берегу, а на косе уже готовы две земляные юрты, покрытые поверх досок дерном, а рядом — хоть и небольшая, но все же настоящая баня. Невельской распорядился, чтобы во время отъездов Н. К. Бошняка из Николаевского поста там оставался его заместителем Н. М. Чихачев.

Так, в начале ноября, когда Н. К. Бошняк уезжал по приглашению Невельских к ним в гости в Петровское, за него оставался Н. М. Чихачев, которому было приказано использовать это время для подготовки к следующей командировке. Он должен был ехать вверх по Амуру на собаках и искать связь с Татарским проливом, так как, по сведениям местных жителей, где-то около зал. Де-Кастри Амур близко подходит к побережью. Находясь в Николаевском посту, Чихачев получил с Березиным письмо и инструкции от Невельского. Долго обдумывал он, как лучше исполнить столь ответственное поручение, и 16 ноября послал начальнику экспедиции письмо, в котором изложил свои соображения. Приняв во внимание распоряжение Невельского, «что главное есть осмотр залива Де-Кастри», он сообщил ему «что для непременного ис-

полнения сего я еду прямо туда, взяв в соображение рыхлость снега и трудность дороги по лесам в настоящее время»²⁴.

Изложив план поездки, обстоятельный Чихачев докладывает Невельскому, что он решил воспользоваться его разрешением и взять еще одну нарту из Николаевского поста с казаком Парфентьевым, хорошо знакомым с этим делом. А на двух нартах отправятся с ним Березин и тунгус Афанасий. Чихачев рассчитывал к 1 декабря достичь зал. Де-Кастри с тем, чтобы на обратном пути, выйдя к Амуру, а по нему — к устью Амгуни, оттуда отправить Парфентьева с надежным гиляком в Петровское, а самому с Березиным и Афанасием на двух нартах подняться по Амгуни как можно выше, чтобы потом самому вернуться в Николаевский пост, а Березину — в Петровское. Все это он рассчитывал осуществить к 15 января 1852 г.²⁵

Чихачев со своими спутниками отправился в трудное путешествие 18 ноября и 30 ноября был уже в зал. Де-Кастри, который по местному назывался Нангмар, а в настоящее время носит имя того, кто его описал, — зал. Чихачева. Он нанес на карту залив и его окрестности и нашел, что карта, составленная Лаперузом, была весьма точной. В небольшой гиляцкой деревеньке, состоявшей из трех домов, в которых Чихачев насчитал пятнадцать жителей, ему удалось купить зеркало европейской работы, которое было получено от участников экспедиции Лаперуза. Несколько дней, проведенных на берегу залива, ясно показали, что бухта Нангмар удобная, что отсюда имеется прекрасное сообщение по озерам и небольшим рекам с Амуром. Этим путем путешественники и воспользовались, выйдя из залива 4 декабря и возвратясь в Петровское 20 декабря, намного раньше намеченного срока. На всем пути следования Чихачев установил, что местные жители никакого отношения к Китаю не имели и не имеют: «О Китае и китайцах не имеют никакого понятия, — докладывал Чихачев Невельскому, — и утвердительно можно сказать, что влияния над ними Китайского правительства не существует»²⁶. Березин вел успешную торговлю с местными жителями, приглашал их

---

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 45—46.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 145 об.

в Петровское и в Николаевский пост. Н. М. Чихачев занимался сбором географических и этнографических материалов, которые давали возможность Г. И. Невельскому более убедительно аргументировать свои представления Н. Н. Муравьеву о дальнейших действиях.

Сразу же вслед за Чихачевым возвратился из своего путешествия Д. И. Орлов, который побывал в Приамгулье, на озерах Чля и Нейдаль, в верховьях р. Уда. Оттуда он перешел на небольшое озеро Ахту, в которое с запада впадает речка того же названия. В верховьях этой реки местные жители переваливают через хребет в бассейн р. Бурей. Затем он вышел на р. Биджи, а по ней — через оз. Удыль на Амур и возвратился в Петровское. Весь путь он проделал на двух нартах в сопровождении одного гиляка. Главной целью его командировки было выяснить направление горных хребтов и познакомиться с местными жителями. На его вопрос о том, видели ли они где-либо каменные столбы, поставленные маньчжурами, те отвечали, что «никаких подобных столбов здесь нет и никогда не бывало; маньчжур же и китайцев они никогда и не видели в этих местах, и не слышали даже, чтобы они когда-либо сюда приезжали»²⁷.

Приближался Новый год, который участники экспедиции собрались встретить все вместе. Жизнь входила в нормальную колею. Постепенно преобразалось Петровское. Зима не застала врасплох. Для семейства Невельских был построен флигель, и теперь они могли покинуть гостеприимный домик Орлова, в котором смогли разместиться другие офицеры и чиновники. Постоянные их разъезды делали домик Невельского таким желанным, таким дорогим. Все они находили в нем уют, ласку, теплое гостеприимство. Строился и Николаевский пост. С местными жителями наладились прекрасные отношения. Гиляки ежедневно снабжали зимовщиков рыбой²⁸. Бошняк и Чихачев на Новый год приезжали в Петровское. За праздничным столом все разговоры были о будущем, о командировках в наступившем 1852 году.

Сообщая об итогах прошедшего года Н. Н. Муравьеву, Г. И. Невельской просил его увеличить внимание к экспедиции, обеспечивать ее полнее всеми припасами, прислать еще по крайней мере двух офицеров и 50 матросов.

²⁷ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 145.

²⁸ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 135.

Ввиду особых трудностей засчитывать им службу здесь как морскую и при выслуге считать год за два, а офицерам при расчете пенсии 5 лет считать за 10 охотских и камчатских ²⁹.

Невельский продолжал преследовать эту цель и в 1852 г., и в последующие годы. Все то, что зависело непосредственно от него, он сам и разрешал, а по вопросам, решение которых зависело от Н. Н. Муравьева и Петербурга, Геннадий Иванович не уставал писать представления, просить в частных письмах, продолжал жаловаться на плохое снабжение экспедиции со стороны Российско-Американской компании. При этом больше всех доставалось от него, конечно, ее представителям на местах, в частности А. Ф. Кашеварову, перепадало и В. С. Завойко, который хотя теперь и отошел от компании, но по-прежнему был с ней тесно связан через свою жену, племянницу Ф. П. Врангеля.

Н. Н. Муравьеву, конечно, было также нелегко, хотя он, как правило, поддерживал представления Невельского. Пока и ему мало что удавалось. Отказано было в переподчинении, как преждевременном, экспедиции непосредственно правительству, отказано было и в штатах — ввели в нее дополнительно лишь одного священника. И по-прежнему приходилось Невельскому писать, просить у Кашеварова и Завойко улучшить снабжение экспедиции. Не разрешалось пока Невельскому выставлять посты в зал. Де-Кастри и у оз. Кизи. Муравьев и Казакевич в один голос заявляли, что на будущий год они ожидают приезда на Дальний Восток вел. кн. Константина, который якобы собирался плыть по Амуру от Шилкинского завода до Николаевского поста. Не случайно же Казакевич был назначен состоять при Муравьеве, на его плечи легла подготовка сплавных судов и постройка первого русского парохода на Амуре. 2 февраля Казакевич писал Невельскому из Иркутска: «Записка взгляда на будущее положение дел в земле гиляков (очередная записка Невельского.— А. А.) весьма основательна и интересна, из нее составлена выписка и представлена князю Меншикову с проектами штатов для Петровского зимовья... У нас тоже дела продвигаются вперед. На Петровском заводе заложен пароход в 60 сил, который для пробы прой-

---

²⁹ Невельской Г. И. Подвиги..., с. 150.

дется по Ангаре и Байкалу, а потом перенесется на Шилку, и дай бог, чтобы он пошел далее до Ваших пределов...»³⁰.

Невельскому прихотилось действовать, не дожидаясь начала плавания по Амуру. Поэтому ни один из офицеров долго в Петровском не задерживался. 7 января Д. И. Орлов снова отправился в Приамгунье. Встречные местные жители говорили ему, что никогда не слышали о маньчжурах, а тем более о китайцах. Передавали только, что слышали о беглых русских, которые проживали на Амуре и судьба которых им была неизвестна... Выйдя к истокам р. Кербь, Орлов перешел к оз. Чля, а оттуда — на Амур и далее в Николаевский пост и Петровское, куда возвратился 29 января 1852 г.

Затем наступила очередь Н. М. Чихачева, П. Попова и А. П. Березина, которым было поручено детально описать район Амура у оз. Кизи и побережье от зал. Де-Кастри до Южного пролива в лиман Амура. 12 февраля выехали Чихачев и сопровождавший его Афанасий, 17 февраля — Попов и Березин. Последние обязаны были описать правый берег Амура, собрать сведения у местных жителей, завести с ними торговлю, а по прибытии в эти места Чихачева поступить в его распоряжение.

21 февраля отправился в первое свое путешествие Н. К. Бошняк, которого Невельской направил на Сахалин. Поводом для такого путешествия стало известие, что, по сообщению одного гиляка, имевшего пуговицу из каменного угля, на Сахалине, южнее мыса Погоби, можно встретить черный камень, который хорошо горит. Ходили также слухи, что недавно еще на р. Тымь жили русские, спасшиеся после кораблекрушения. Невельскому было решительно необходимо знать об острове все — ведь он сам развеял миф о полуостровном положении Сахалина.

Разослав своих сподвижников в маршруты, Невельской 20 февраля 1852 г. послал интересное письмо вел. кн. Константину, предварительно представив его на просмотр Н. Н. Муравьеву, который уже 21 апреля со своей сопроводительной переправил его адресату: «Влияние и торговля наша в Земле Гиляков с божию помощью более и более распространяется; многие из гиляков изъявляют ныне желание вступить в нашу православную веру, просят нас разбирать их обоюдные ссоры, научить и помогать им строить по-нашему жилища и разводить огородничество.

---

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25. Письмо от 2 февраля 1852 г.

Возрастающее распространение здесь нашей торговли ясно обнаруживается сбытом товаров в последние полгода, он был в 5¹/₂ раз более, чем во весь предыдущий год... Пользуясь этим мнением и расположением к нам народа как для ознакомления со страной, так и для большего сближения с жителями, я постоянно имею в Землю Гиляков торговые экспедиции.

Из прилагаемой при сем карты... усмотреть изволите: положение страны, сообщения и места, которые заслуживают внимания (особенно озеро Кизи) в видах торговли и устройства со всеми условиями елинга для строения судов всех рангов. Затем по собранным до сего времени сведениям и частью обследованиям оказывается, что перевал с оз. Кизи в залив Де-Кастри сухопутно только 15 верст...

На южной оконечности о. Сахалин около зал. Алива находится в шхерах закрытая и глубокая бухта, называемая гиляками Идунка, посещается также судами с моря ... Наконец, во всем сведениям оказывается, что здесь не существовало и не существует китайского правительственного влияния; гиляки и их соплеменники самаиры, мангуны, натки и куге никому не подвластны и никому дань не платят ... даже слов, выражающих понятие о власти и правительстве, на здешнем туземном языке не существует.

В заключение имею счастье донести..., что для прмеров в лимане и для снабжения Николаевского поста продовольствием при Петровском строю я 6-ти тон. ботик...»³¹.

К этому письму-рапорту приложена «Сборная карта р. Амур, лимана и зал. Счастия и Де-Кастри», составленная «из описаний капитана 1 ранга Невельского, мичмана Чихачева, подпоручика Орлова и из сведений прикащика Березина и туземцев». Топограф П. Попов («топограф 2 класса Попов 2-й») различными цветами обозначил на карте размером 25×25 см, наклеенной на полотно, итоги проведенных исследований и планы дальнейших действий. На ней устье Амура, Северный Сахалин, долина Амура до оз. Кизи и долина р. Амгунь выкрашены в цвет, обозначающий уже исследованное пространство. Районы, подлежащие исследованию в самое ближайшее время, окрашены были в другой цвет. Это — южная часть лимана

³¹ ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 26—28 об.

на, побережье Сахалина от открытого пролива Невельского до зал. Дуэ, весь Амур и пути, ведущие с верховьев Амгуни на Амур. Были отмечены также другим цветом и районы, которые намечалось исследовать в более отдаленной перспективе,— побережье Татарского пролива, как материковое, так и сахалинское, и связи р. Уссури с морем. На карте были нанесены месторождения каменного угля, железной руды, серы и известняка. Невельской показал на ней и наиболее примечательные, по его мнению, места: протока Пальво на Амуре, оз. Кизи, зал. Идунка.

Примечательны эти документы по своей откровенности, больше всего — по огромной вере в так успешно начатое дело, по решимости довести его до победного конца. Вместе с тем письмо и карта неоспоримо показывали истинное положение на Амуре. И не случайно Н. Н. Муравьев, препровождая эти материалы написал: «Сомнение о принадлежности Земли Гиляков теперь совершенно разсеяно на месте и на деле»³². Карта примечательна в том отношении, что отчетливо раскрывает планы исследования Невельского в 1852 и 1853 гг. Интересно также и то, что уже тогда Невельской считал, что нужно исследовать р. Уссури и ее связь с морем.

Проследим теперь за тем, как проходили маршруты разъехавшихся участников экспедиции. Попов и Березин с тремя казаками вели топографическую съемку правого берега Амурского залива, торговали с местными жителями, собирали всевозможные сведения, а по прибытии к оз. Кизи узнавали о путях, ведущих отсюда в зал. Хангар, и ждали прихода Чихачева, чтобы получить от него дальнейшие распоряжения. Чихачев же только 19 февраля попал на устье р. Амгунь, стал подниматься по ней, отмечая в журнале географические особенности ее берегов. Если до селения Холоко правый берег был возвышенным, то от селения Чальбоко возвышенным стал левый берег. Места тут были богаты строевым лесом, преобладали ель, кедр, сосна, лиственница, береза, тополь, осина. Дальнейший путь Чихачева лежал к оз. Самагиров и по его берегу к р. Горюн. На берегу этой реки он прожил три дня в надежде уговорить кого-нибудь из местных жителей пойти с ним дальше, но никто не соглашался сопровождать путешественника. «Напрасно прожив 3 суток у

³² ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 23.

самогерцев, я должен был ехать один 150 верст ... выпавший большой снег накануне сделал переезд этот еще затруднительнее... На пятые сутки выехал на Амур, тогда у меня оставалось на два дня корма... На девятые сутки, давая собакам по одной кости, не могу сказать, чтобы доехал, но дошел до Кастри, где и нашел Попова... Он уже совершенно был готов отправиться в Петровское, но я остановил его и вместе с ним ту же ночь отправились в Кизи, где еще оставался Березин со всею провизиею, и на другой день все вместе перевезли сухари обратно в Кастри, что уже было сделать не совсем легко»³³.

С этим рапортом 1 апреля 1852 г. Чихачев отправил в Петровское Березина. Он сообщал ему также, что будет в зал. Де-Кастри ждать продовольствия и дальнейших распоряжений. Чихачев и Попов описывали залив, собирали сведения о другом заливе, лежащем южнее по побережью Татарского пролива, который местные жители называли Хаджи. Они так хорошо рассказали Чихачеву о путях, ведущих туда, что тот набросал карту побережья по распросным данным. Время шло, кончались продукты, а Березин не возвращался. Тогда Чихачев, оставив в заливе Попова и Афанасия, отправился в Кизи в надежде там раздобыть продовольствие. Но на пути встретил Березина с продовольствием и предписанием от Невельского, прочитав которое Чихачев снова направил Березина в Петровское с докладом, а сам возвратился в сел. Де-Кастри.

Оборудовав гилияцкую лодку, Чихачев с Поповым, Афанасием и одним казаком, прибывшим с Березиным, отправился 25 мая вдоль берега на север, к проливу между материком и Сахалином — Южному проливу. По пути осмотрели просеку, которой пользуются гилияки, чтобы с моря спуститься по р. Таба в оз. Кизи. Предоставим слово Чихачеву, как он впоследствии докладывал Невельскому: «26 числа у мыса Суцова в ничтожном заливе ночью сверх всякого ожидания (ибо в заливе Де-Кастри с 8 апреля уже льдов совершенно не было, так же как и в мае) был закрыт льдами; пять суток оставался в этом положении, так как у меня оставалось сухарей на пять дней, выдавая при всей аккуратности и всем равно, зная всю необходимость во что бы то ни стало пройти

---

³³ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 3—3 об. Доклад Н. М. Чихачева Г. И. Невельскому от 1 апреля 1852 г.

Татарским берегом до Южного пролива, ибо (это было.— А. А.) все, что только и оставалось доселе неописанным. Я решил бросить лодку и идти пешком, так, чтобы можно было производить геодезические работы, и 31 мая, взяв с собой нарты и что по силам было унести, отправились лесом и горами вдоль берега; перевалив два ужаснейших по своей величине хребта, вышли в бухту, где к общей радости нашли лед совершенно искрошенным ОСО штормом; вследствие этого топограф Попов с 2 людьми был мною послан привести брошенную лодку, что им и было исполнено со свойственной ему ревностью; несмотря на опасность от сильной зыби, он смело пробился сквозь льды и буруны. 2 июня продолжали путь далее и, чем ближе подходили из лимана в Петровское, тем более встречали препятствий от льдов и непогод, и лишь расположение к нам туземцев спасло нас от ужасных бедствий, ибо, от них получая тюленье мясо и юколу, мы смогли тем существовать и продолжать съемку берегов, более десяти дней находясь на пище туземцев»³⁴.

Чихачев со своими спутниками вторично, после Невельского, прошел проливом, отделяющим Сахалин от материка. Успешные результаты командировки Н. М. Чихачева по огромной территории, а также сведения из зал. Де-Кастри подтвердили собранные Г. И. Невельским сведения о независимости местных жителей и его мнение о необходимости безотлагательно продолжать исследование края. Геннадий Иванович стал готовить экспедицию в зал. Де-Кастри с тем, чтобы подробно обследовать как сам залив, так и зал. Хаджи.

В «столице» Амурской экспедиции — Петровском Чихачев и Попов увидели нового «участника» экспедиции: 1 июня у Невельских родилась дочь, названная Екатериной, — «амурская барыня», как с радостью представлял ее Геннадий Иванович.

В отсутствие Чихачева совершил большое путешествие на Сахалин Н. К. Бошняк, отправившийся из Петровского в сопровождении гиляка Позвейна. До этого он все время жил в Николаевском посту, дважды лишь вырываясь оттуда в Петровское, и то по приглашению Невельского. Об ужасных условиях жизни в первую зимовку Н. К. Бошняк писал впоследствии, вспоминая

---

³⁴ Алексеев А. И. Дело всей жизни, с. 157—158. См.: ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 205—205 об.

недобрым словом А. П. Березина, недоумившего его строить на первый случай землянки: «Впрочем, и новые юрты не представляли большого комфорта. Крытые и обложенные дерном, они скоро сделались убежищем огромного количества крыс, что не было никакой возможности спрятать или заготовить что-нибудь для своего небольшого хозяйства. Крысы водились целыми стадами, и дерзость их доходила до того, что у многих матрос были укушены ими ноги или носы»³⁵.

Так как Чихачев находился также в командировке, то Бошняк оставил за себя в Николаевске Алексея Ивановича Воронина, который, несмотря на трудности зимовки и отсутствие надлежащего продовольствия, продолжал заготовку леса, строил жилые здания для семейных матросов и мастеровых, склады и сараи для скота (глубокой осенью в пост доставили быка, корову и двух лошадей).

Невельской поручил Бошняку «исследовать оказавшееся на Сахалине, по сведениям гиляков, довольно значительное протяжение каменноугольного пространства, и пересекши остров, выйти на берег Охотского моря, где, как говорили, находится прекрасная гавань». Для этого, как записал Бошняк, ему было дано: «...нарта собак, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас, а главное — крест капитана Невельского и ободрение, что если есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды напиться, то с божиею помощью дело делать еще возможно. Вот все, что действительно мог дать только мне капитан Невельской»³⁶.

Доехав до о. Лангр, Бошняк узнал от гиляков, что на Сахалине трудно с кормом для собак, поэтому он нанял еще нарту, на которой поручил привезти корм в сел. Погоби, а сам после нетрудного путешествия по лиману 28 февраля появился в этом селении и стал тут ожидать нарту с кормом. Затем Николай Константинович направился вдоль берега. Море было чисто ото льда, лишь у самого берега сохранялся береговой припай, а берег был ровный, низменный. За мысом Тык он стал более высоким, обрывистым. Затем стали попадаться разбросанные куски угля и, чем южнее, тем чаще. Наибольшую россыпь Бошняк нашел между устьем р. Виахту и

---

³⁵ *Бошняк Н. К.* Экспедиция в При-Амурском крае.— Мор. сб. 1858, № 12, с. 182.

³⁶ *Бошняк Н. К.* Указ. соч.— Мор. сб., 1858, № 12, с. 182.

зал. Уанды. Здесь, в северной части зал. Уанды, Бошняк впервые заметил в горе, а не в россыпи небольшой проблеск каменного угля и предположил: «...от этого места, я полагаю, начинаются настоящие родники»³⁷. Залежи угля встречались вплоть до летников Мгачи. «Отсюда берег идет каменными утесами, перемежаясь глинистыми слоями, в которых каменный уголь находится в огромном количестве, и нередко я встречал целые утесы на вершинах или на середине гор, которые здесь возвышаются до 600 фут над поверхностью моря»³⁸. После местечка Ниамай каменный уголь в горах снова пропал, на сей раз до сел. Аркни, в окрестностях которого и особенно у сел. Дуэ каменный уголь стал попадаться в большом количестве.

Бошняк сделал правильный вывод, что каменный уголь находится на всем осмотренном им берегу Сахалина от сел. Тык до сел. Дуэ, и там, где не встречается на берегу, месторождения каменного угля все равно имеются в горах. Свой вывод Бошняк сопоставил с природными условиями побережья и выяснил, что на расстоянии около 165 км, обследованных им, он не встретил сколько-нибудь удобных мест для подхода судов. Лишь один зал. Виахту показался ему более или менее подходящим. И он рекомендовал его Невельскому.

Бошняк придавал большое значение осмотру месторождений каменного угля. Он в деталях описал побережье и составил его подробную карту, которая вместе с его обстоятельным рапортом Невельскому до настоящего времени хранится в архиве Военно-Морского Флота. Не забыл молодой лейтенант упомянуть и о камне, который местные жители считали островом. Бошняк выяснил, что речь шла о каменной скале, возвышающейся на 40 футов над водой и располагающейся вблизи зал. Уанды. Теперь эта скала носит название Камень Бошняка. В исследованиях Бошняка уже тогда проявилось исключительно добросовестное отношение к порученному делу. Описания посещенных им мест пунктуальны и широки: здесь наблюдения климата, месторождений полезных ископаемых, колебаний уровня моря в бухтах, растительного и животного мира и т. д.

---

³⁷ Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974, с. 182.

³⁸ Алексеев А. И. Указ. соч., с. 182.

Отсюда Бошняк, следуя предписанию Невельского, начал путешествие через Сахалин. Никто из местных жителей не соглашался проводить путешественника к истокам р. Тымь, через перевал. Тогда Бошняк, оставив большую часть собак и часть груза в сел. Танги, вдвоем с Позвейном налегке отправился в путь, к перевалу от летников Мгачи. Сначала он шел вдоль р. Мгач, по берегу, поросшему густым еловым лесом. Обойдя высокую гору Чамгулен, возвышающуюся, по определению Бошняка, на 10 тыс. футов над уровнем моря, путешественники перевалили через хребет и вышли к сел. Удумково, находящемуся в 4 милях от впадения рч. Пуджима в р. Тымь. От устья этой речки, как сообщал Бошняк Невельскому, «...— я начал производить опись доселе еще никем не обследованной и в недавнее время открытой реки Тымы... Река Тымы обследована была мною до самого устья, применяясь к дороге, по которой я ехал и которая частью идет по реке, а частью берегом»³⁹. Несмотря на тяжелые условия пути, Бошняк подробно описал ее.

Между тем собаки окончательно выбились из сил и не могли тащить дальше и так не тяжелые нарты. Тогда Бошняк из сел. Иткырво отправил Позвейна назад, в Танги, с нартами, а сам с нанятым за невероятно большую плату проводником пошел вперед и добрался до устья р. Тымь. Тут лейтенант отметил, что, несмотря на обилие осетровых рыб в устье, местные жители промыслом их не занимаются, главным образом из-за «суеверного предрассудка, что рыба эта приносит с собой смерть целому семейству»⁴⁰.

Ныйский залив, в который впадает р. Тымь, также впервые был описан Бошняком. В него, кроме Тымы, впадают еще три небольшие речки, и со стороны Охотского моря его закрывает намывной остров — кошка, резко отличающийся от островного берега. Обратный путь через Сахалин, а затем и к Петровскому, был еще труднее. Перевалив с невероятным трудом через хребет, почти не в состоянии ходить от образовавшихся на ноге нарывов, весь ободранный, голодный, Бошняк встретил в сел. Танги остававшегося там Позвейна, у которого чудом сохранилось несколько сухарей, немного чая и сахара. С помощью Позвейна и еще одного гиляка Бош-

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 222.

⁴⁰ Там же.

никак удалось прибыть в Николаевский пост: «...земляные юрты которого (поста.— А. А.) показались мне тогда дворцами. Баня, свежий хлеб и русский обед освежили меня, а белье, которое я не сменил 40 дней, ибо не взял с собою перемен из опасения лишней тяжести, я не скинул, а оно развалилось»⁴¹.

Бошняк впервые провел перепись населения тех мест Сахалина, где ему довелось побывать. Он называет эти места «землей гиляков на Сахалине». В ней он насчитал 1090 мужчин, 1308 женщин и 872 детей, проживавших в 218 домах. Он сообщил, что они живут так же, как и их амурские сородичи: «Сколько я ни старался узнать, нет ли здесь хоть какого-нибудь влияния китайского или японского правительств, все мои розыски оказались совершенно безуспешными; здесь не только что нет никакого правительства, но даже маньчжурские торгаши не ездят сюда для торга, несмотря на огромное количество пушных товаров, от которых бы они могли получить значительные выгоды. Жители помнят только одного маньчжура, который лет 20 тому назад приезжал для торга, но более не бывал, и вся торговля в настоящее время находится в руках амурских гиляков. Относительно же японцев, то амурские гиляки знают их только по торговым сношениям, и, как видно из их рассказов, это торгаши, подобные нашим якутским торгашам; об правительственном же влиянии им вовсе неизвестно и даже куге (айны.— А. А.) вовсе им не подчинены и только добровольно нанимаются к ним за весьма хорошую плату, состоящую в пушных зверях, крупе, тканях, одежде и т. п. для рубки леса и чистки рыбы»⁴².

Местные жители поведали Бошняку, что «западные берега посещаются китоловами и страх жителей к судам так велик, что, где я ни проезжал, везде меня спрашивали с заметным беспокойством, не придет ли на будущий год судно». Боязнь эта «происходила от бесчинств, производимых на этих берегах экипажами китоловных судов»⁴³, — добавлял он.

Узнал он и о пребывании на Сахалине русских. Ему удалось выяснить, что лет за 20 до его похода у восточного берега Сахалина, близ сел. Нгаби, потерпело круше-

⁴¹ *Бошняк Н. К.* Указ. соч.— Мор. сб., 1858, № 12, с. 193.

⁴² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 415, л. 228.

⁴³ Там же.

ние какое-то судно. Спасшийся экипаж долго жил в сел. Нгаби; здесь моряки построили себе дом, а позднее и судно, на котором отправились в плавание вокруг южной части Сахалина, прошли проливом Лаперуза и близ сел. Мгачи снова потерпели крушение. На сей раз погибли все, за исключением одного — по имени или по прозвищу Кемед. В скором времени после этого происшествия сюда прибыли с Амура двое русских — Василий и Никита, которые присоединились к Кемцу и в сел. Мгачи построили себе дом, вели жизнь, как обыкновенные гилеяки. «Двое прибывших русских с Амура, — сообщает Бошняк, — чрезвычайно боялись русского царя, что служит явным доказательством, что они принадлежали к числу беглых. Все трое эти поселенцы и кончили жизнь свою на острове Сахалине»⁴⁴.

Остановившись на обратном пути в сел. Виахту, Бошняк встретил там старую женщину, прибывшую сюда с р. Амгунь. Она много рассказывала Бошняку о русских, ходивших с незапамятных времен по Амуру. При этом женщина показала листки из Акафиста Иисусу, один из которых ему удалось купить и убедиться, что ходившие по Амуру и его низовьям люди были действительно русскими. У этой же женщины Бошняк видел листок славянского месяцеслова, подаренный ей теми же русскими. Выполнил Бошняк и наказ Российско-Американской компании о торговле с местными жителями, привезя с собой из поездки на Сахалин 12 соболей, 171 белку, 4 лосиных кожи и некоторые другие товары⁴⁵.

Едва отдохнув и сдав отчет по путешествию, Бошняк 18 апреля 1852 г. отправился в сел. Ухтр на Амуре, где оставался до 21 мая, наблюдая за вскрытием реки. Затем он описал и произвел промер глубин протоки Уй и оз. Удыль. Исполнив все предписанное Невельским, Бошняк встретил на обратном пути Березина, которому было предписано осмотреть Амур до Кизи включительно. Но Березин заболел и не мог продолжать исследования. Тогда Бошняк, верный правилу, «что продолжать легче, нежели начинать», успешно завершил и программу Березина. 18 июня он прибыл в Николаевский пост, а 21 июня был уже в Петровском.

---

⁴⁴ Там же, л. 229.

⁴⁵ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 384, л. 164 об.

Описывая Невельскому результаты обследования левого берега верхнего Амура, Бошняк обратил внимание на сел. Ухтр и на расположенное на противоположном берегу место, только что избранное для сел. Богородского, и отметил удачность такого выбора, так как отсюда существует прямой зимний тракт в лиман Амура и оттуда на Сахалин.

Так как никто из местных жителей не пошел вместе с Бошняком, то пришлось им с Парфентьевым грести попеременно. В связи с этим, а еще и потому, что опись правого берега уже производилась Чихачевым и Поповым, Бошняк делал только общие записи. Он особо внимательно отнесся к о. Сучу, который расположен при входе в оз. Кизи. Этот остров, высказал предположение Бошняк, был в свое время частью берега зал. Кизи, некогда прорванного водой. Теперь у этого приглубого берега расположено сел. Мариинское, а тогда было гилацкое стойбище Кетово. Вход в озеро усеян мелкими островками, покрытыми тальником, из «коих один возвышенный, покрытый сиренью в летнее время сиренью и названный г. Чихачевым о-м Бошняка»⁴⁶.

Сведения, привезенные Бошняком и Чихачевым, были чрезвычайно важны. Невельской немедленно донес обо всем этом Муравьеву.

В Петровском Бошняк встретился со своим товарищем Чихачевым, Невельской показал им письмо Н. Н. Муравьева, в котором тот сообщал из Иркутска 4 мая, что, судя по сообщению Меншикова, ожидать увеличения средств и возможностей Амурской экспедиции не следует. «Вследствие сего,— писал он,— я хотя и не отменяю распоряжения моего, сделанного в Охотск, о том, чтобы к Вам перевезти по возможности матросов и казаков, но должен Вас просить обождать всеми дальнейшими Вашими предположениями..., а иметь всех Ваших людей по-прежнему в двух местах — Петровском и Николаевском, посылать между тем безостановочно партии для исследований в разные стороны, и преимущественно в гавань Де-Кастри и на Сахалин»⁴⁷. А далее он сообщал, что американцы снарядили большую пароходную экспедицию в Японию и, весьма вероятно, посетят Сахалин и Татарский залив. Из этого сообщения Н. Н. Муравьев делал вывод-распоря-

⁴⁶ Бошняк Н. К. Указ. соч.— Мор. сб., 1859, № 1, с. 127.

⁴⁷ Петров А. И. Указ. соч., с. 358.

жение: «Надобно, чтобы американцы непременно увидели русских и в гавани Де-Кастри, и на Сахалине и чтобы им непременно было объявлено, что мы тут и что никому другому тут не бывать. Поэтому я полагаю, что Вам на это лето нет возможности углублять Ваших исследований вверх по Амуру, а надобно стеречь американцев и показать им как можно более людей на Сахалине и в Татарском заливе...»⁴⁸.

В других письмах из Иркутска сообщалось, что в Сибири готовится плавание по Амуру, делались намеки, что в скором времени Амурская экспедиция все же выйдет из подчинения Российско-Американской компании и станет правительственной экспедицией, подчиненной непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. Получил Невельской также извещение о направлении к нему двух штурманских офицеров, пожелавших служить на Камчатке и переаттестованных по этому случаю, согласно существовавшему положению, в мичманы. Большим уроном для экспедиции стал отъезд по семейным обстоятельствам Н. М. Чихачева, которого Невельской послал курьером в Иркутск и который сообщил, что обратно он не вернется.

А в Амурской экспедиции ощущался явный недостаток в людях, в продовольствии, в обмундировании, в медикаментах. Люди часто голодали. Особенно жаль было женщин и детей. В середине июля пришла новость из Николаевского поста от Бошняка, у которого убежали на единственной шлюпке шестеро матросов. Они захватили с собой ящик с порохом, семь ружей и полуторамесячный запас продовольствия. Все они раньше не были замечены в каких-либо нарушениях дисциплины, службу несли исправно, и Бошняк часто ставил их в пример другим. Впоследствии выяснилось, что они давно задумали бежать и с этой целью стремились попасть в экспедицию, с этой же целью служили примерно, чтобы не вызвать никаких подозрений и расположить к себе начальство.

Ко всему этому Невельскому приходилось постоянно вести настоящую войну с В. С. Завойко и А. Ф. Кашеваровым, которые не хотели понимать возникших в экспедиции трудностей. В. С. Завойко, отличавшийся крайне трудным характером, пользовался тем, что в связи с назначением военным губернатором Камчатки был произ-

---

⁴⁸ Там же, с. 359.

веден в генерал-майоры (затем был переименован в контр-адмиралы), и требовал от Невельского неукоснительного исполнения отчетности, отказывая в самых необходимых вещах. А у Невельского не было штатной канцелярии. Посылаемые им не форменные отчеты и представления возвращались с колкими замечаниями. Невельской несколько раз представлял к повышению чином Бошняка, например, но все его представления возвращались из-за отсутствия в Петровском послужных формулярных списков офицеров, в том числе и Бошняка.

18 июля 1852 г. на рейд прибыл корвет «Оливуца» под командованием лейтенанта Ивана Федоровича Лихачева, заменившего утонувшего в р. Камчатке командира И. Н. Суцева. С ним поступило продовольствие и кое-какое снаряжение, а также прибыли и два офицера — мичманы Александр Иванович Петров и Григорий Данилович Разградский. Но только это и порадовало начальника экспедиции. Все остальное можно было скорее назвать печальным. Ему сразу же пришлось отправлять корвет в Аян, так как продовольствие обернулось только несколькими мешками муки. Предоставим слово Невельскому и перейдем к его письму, которое он направил с отъезжавшим на корвете «Оливуца» Н. М. Чихачевым Н. Н. Муравьеву: «Невозможно выразить на бумаге, что с нами совершают. Писать — значит раздражать Ваше превосходительство. Бог с ними, и господь с нами! ... Я не знаю, право, с чем мы будем и как проведем зиму — собственно просуществоем; до экспедиции ли, до торговли нам — об одном надобно молить господа, чтобы мы, как брошенные собаки, не переколели. Кто же, Николай Николаевич, после этого будет служить здесь! ... и что выйдет доброго из того, если все противодействуют!..»⁴⁹.

И дальше: «Вместо 33 казаков и 10 лучших матросов 18 июля привезено сюда 27 казаков старых и малых и 7 батальонных солдат ... всего 34 человека, а жен и детей при них 38 душ; из них матросов двое, из коих один больной, а остальных половина дряхлых и мальчиков. Работников же собственно — 14 человек, так что, за отсылкою 15 из них и из старой команды больных, у меня остается 74 человека, т. е. 5-ю человеками более противу прошлогоднего, но для помещения прибавилось 30 душ и 12 семейств, которых надобно прикрыть и приютить. Мат-

⁴⁹ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25, л. 4—5.

рос же, собственно, из всей этой команды, которых только можно бы было послать в Татарский залив на гребном хотя судне, 5 человек, остальные казаки и солдаты...

Г. Камчатский губернатор (В. С. Завойко.— А. А.) за всем этим требует строжайше, чтобы все велось по всем правилам отчетности морского министерства — готовить почту и все и все, и для всего у нас один писарь, он же и кузнец, он же и содержатель по всем частям (Невельской пересылает с этим письмом копию предписания к нему Завойко и просит предписать, что же ему делать.— А. А.)... Василий Степанович (Завойко.— А. А.), во-первых, должен назначить сюда содержателя, писаря при нем и назначить командира кадры,— и пусть себе с ними переписывается... Умоляю Вас, поверьте моей задушевной искренности, что не интриги, не мелочные какие-либо привычки руководят меня (очевидно, мной.— А. А.). И могут ли они быть в расчете, когда я не жалею ни себя, ни семейства моего, иду, переносу все для детища моего... Г. Чихачев, один из самых ревностных моих сотрудников, если позволите, Ваше превосходительство, все Вам расскажет и скажет, в каком положении я находился и нахожусь, и хочу ли я с кем-либо сориться, и обижаюсь ли я мелочам, и вхожу ли в дразги. Знаю, что никак нельзя постигнуть в отдалении предметы, сами по себе пустые могут быть здесь гораздо важнее, чем те, которые с первого раза и особенно вдали могут представляться...»⁵⁰.

Мы привели только одно письмо, а их в нашем распоряжении несколько и все об одном — просьба помочь Амурской экспедиции. Муравьев по-своему распорядился этими посланиями — частными и официальными. Он знал, что пока не изменится обстановка, он также не всемогущ, но пользовался малейшей возможностью напомнить кому следует об Амурской экспедиции. Так, получив письмо от Геннадия Ивановича от 30 июня, в котором тот сообщил ему, между прочим, и о рождении дочери, Муравьев передал это в Петербург так: «У Невельского родилась дочь, но он по-прежнему более занят делами службы, чем своей семьей...»⁵¹.

Но время шло. Почта туда и обратно занимала около трех месяцев. И пришлось Невельскому снова рассчиты-

⁵⁰ Там же, л. 6—7.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 431, л. 33—33 об.

вать на свои силы, наводить строжайшую экономию. На корвете «Оливуца» приезжал для исполнения различных духовных треб священник Гавриил Иннокентьевич Вениаминов, сын митрополита Иннокентия. Он сообщил, что со следующим приходом корвета прибудет сюда совсем. Прибывшие офицеры получили задания: Разградский отправился в Николаевский пост, чтобы сменить временно Бошняка, уходящего в командировку в бассейн р. Амгунь; Петров же перевозил из Петровского в Николаевский пост груз, прибывший с корветом «Оливуца».

Присутствие в экспедиции Е. И. Невельской благотворно сказывалось не только на участниках экспедиции, но и на местных жителях. «К ней шли безбоязненно и всегда с уверенностью, что внимательный и ласковый глаз хозяйки заметит каждого,— вспоминает Н. К. Бошняк.— Помню также и маленький столик в зале, за которым гиляки пили чай, отвечая на расспросы Г. И. Невельского и угощаемые самою хозяйкою. А мы — добровольные изгнанники из образованного мира? Где находили мы, как не в семействе Г. И. Невельского, приют, внимание, ласку и образованную беседу? Где, как не в этом обществе, отдыхали мы душою после физической и нравственной усталости — вследствие командировок по дальним пустырям?»⁵².

Однажды гиляк с о. Лангр Накован привел в дом Невельских свою жену Сакони, которую у него хотели украсть. Он просил защиты. И вот по инициативе Екатерины Ивановны ее вымыли и одели. «Надобно было видеть, с каким усердием матросы и их жены ставили этих гилячек (по примеру Сакони.— А. А.) у залива и отмывали дресвою наросшую грязь на их лицах. Зато с каким удовольствием эти нимфы смотрели потом на себя в подаренные им зеркала»⁵³.

С прибытием Петрова и Разградского Невельской в какой-то мере мог продолжаться исследование⁵⁴.

Все-таки во второй половине сентября Кашеваров прислал в Петровское корабль компании (Р. А. К.— А. А.) с продовольствием, хотя это было далеко не все то, в чем пуждалась экспедиция. До прихода этого корабля, в августе, в зал. Счастья появился бот «Кадьяк», которым ко-

⁵² Бошняк Н. К. Указ. соч.— Мор. сб., 1859, № 2, с. 342.

⁵³ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 170.

⁵⁴ Петров А. И. Указ. соч., с. 360.

мандовал Никита Ильич Шарыпов. Из-за позднего времени он не стал возвращаться в Новоархангельск или Петропавловск, а остался на зимовку здесь. Народу в Петровском прибавилось, забот у Невельского также. Как явствует из рапорта Д. И. Орлова от 9 октября 1852 г., в Петровском числилось 48 матросов и солдат, в Николаевском посту всего было 57 человек, из которых 20 человек составляли семьи казаков и матросов и поселенцы.

С отъездом Чихачева в Николаевском посту вместе с Бошняком оставались Петров и Разградский. Благодаря участию Петрова в Амурской экспедиции до наших дней сохранился богатейший архив, в котором сосредоточены материалы, документы о повседневной жизни и деятельности экспедиции. Обширная переписка внутри ее, проходившая через Николаевский пост, отложилась в виде черновых писем, докладов, рапортов, записок и подлинных (чистовых) документов у Петрова, который после окончания Амурской экспедиции сохранил ее. Кроме того, в конце 70-х годов XIX в. Петров написал свои записки об участии в Амурской экспедиции (до ее ликвидации), а также и о жизни молодого города Николаевск-на-Амуре в 60-х годах, когда Петров окончательно покинул Дальний Восток. В настоящее время эти записки и небольшая часть архива изданы Хабаровским книжным издательством, а основная часть архива передана семьей Петрова в Центральный государственный архив Военно-Морского Флота. Хочется отметить семью Петрова, которая сумела сохранить этот уникальный архив.

Росло Петровское зимовье, несмотря на тяжелые условия, в которые была поставлена Амурская экспедиция. В нем уже стояли два флигеля и казарма, приготовлены были срубы еще для флигеля и казармы, заготовлено много строительного леса, дров на зиму. В селении имелись ледник, колодец, баня, восьмитонный ботик с палубой, двухвесельный ял, вельбот, наборная лодка, два береговых шпилья, сарай на столбах, в котором хранилось 2600 штук готовых кирпичей и около тысячи заготовок. Строения возводились не на авось, а по чертежам, разработанным Орловым и утвержденным Невельским. В Николаевском посту также к осени построили казарму и команда перебралась туда.

Перебрались в свой дом и офицеры — Бошняк, Петров и Разградский. Вскоре после этого Бошняк отправился в командировку по Амгуни, а за него в посту оставался

Петров. Бошняк пробыл в путешествии с 12 ноября по 22 декабря. С ним вместе разделяли все невзгоды казак Семен Парфентьев и амгицкий крестьянин Иван Мосеев. Они описали путь к озерам Чукчагирскому и Самагиров, побывали на самих озерах, осмотрели попадавшиеся селения. Бошняк насчитал за время похода 33 юрты, в которых проживали 132 мужчины, 110 женщин, 44 мальчика и 45 девочек. На встречу Нового года Бошняк уехал в Петровское и привез с собой хорошее географическое описание и карту своего маршрута, сведения о пушных и рыбных промыслах. «Остается сказать,— писал он позднее,— что, несмотря на быстроту течения, р. Амгунь, по именованию порогов и по удобству берега для бичевника, может назваться рекою судоходною, что доставляет новую, еще не разработанную жилу для сплава неизвестных еще богатств этого северного угла обширной Амурской страны»⁵⁵.

Побывал в первом самостоятельном путешествии и Григорий Данилович Разградский, которого Невельской вместе с Березиным (отметим, как разумно Невельской давал поручения: вместе с опытным Березиным шел новичок) отправил вверх по Амуру до Кизи и далее — одного его — до устья р. Гур, в то время как Березин оставался в Кизи торговать. Целью путешествия Разградского было разведывание путей, ведущих с Амура к заливу, о котором привез сведения из Нангмара Чихачев.

Это вполне удалось Разградскому, умевшему быстро сходить с местными жителями. Гольды, проживавшие в тех местах, объяснили ему, что тот залив действительно называется Хаджи — значит, большой — и что к нему от устья р. Гур проехать можно сравнительно легко: нужно подниматься по этой реке до перевала на р. Мули; эта река — приток р. Тумнин, впадающей в Татарский пролив как раз недалеко от зал. Хаджи. Весь путь, по их словам, занимает не больше восьми дней. За время путешествия Разградского от оз. Кизи до р. Гур остававшийся в Кизи Березин успел организовать склад товаров и не без успеха развернул торговлю. За два дня до прихода Бошняка в Петровское туда прибыли Разградский с Березиным.

К концу 1852 г. Амурская экспедиция прочно встала на ноги. Несмотря на трудности, многое удалось сделать,

---

⁵⁵ *Бошняк Н. К.* Указ. соч. — Мор. сб., 1859, № 2, с. 333.

а еще больше — предстояло. Чихачев прислал Невельскому письмо из Иркутска. Он писал: «Мнение генерала в пользу Вашей экспедиции не думаю, чтобы охладело, о всех Ваших распоряжениях он в восторге и во всеуслышание восхваляет Ваше самоотвержение и энергию»⁵⁶.

Приятным было для Невельского и письмо от адмирала Ивана Антоновича Купреянова, прославленного земляка и дальнего родственника, хорошо знавшего Дальний Восток и Тихий океан, в недавнем прошлом Главного правителя Русской Америки. Он сообщал домашние новости, и среди них — ту, что мать Невельского и сестра Мария Ивановна гостили в Петербурге у адмирала два месяца, с декабря 1851 г. по февраль 1852 г. В родной же Кинешме хозяйничал управляющий. И Невельской сразу вспомнил красивую усадьбу, расположившуюся очень удачно на взгорье за р. Кинешемка. Иван Антонович сообщал также, что в это же время у него побывал брат Екатерины Ивановны — Николай Иванович Ельчанинов, которого он из студента срочно «переделывал» в юнкеры, с тем чтобы при назначении в плавание на Дальний Восток он был переаттестован в мичманы.

Все собрались в Петровском к встрече Нового года. Один Петров хозяйничал в Николаевском посту. Он регулярно докладывал Невельскому, что в казарме полный порядок, что он настилает там полы из лиственничного леса, а не из елового, что он собирается сам лить пуговицы для шинелей нижним чинам, что он перевел подальше от крыс магазин в другую комнату во избежание того, чтобы крысы не вздумали «начать тюки сукна и фланели». В письмах-наставлениях к нему Геннадий Иванович, входя во все детали, предписывает Петрову, как и какой нужно готовить лес, сколько и какого леса для кухни, для пакагуза, для лазарета («Для кухни 100 лесин, а для часовни до 100 штук. Всего надобно подвезти к половине февраля до 400 штук, т. е. к пакагузу, кухне и часовне. Расчет при этом следующий: ...» — далее следует бухгалтерский расчет)⁵⁷. А с прибытием Бошняка Петров стал и сам проситься в самостоятельную командировку: «Слава богу, приехал Николай Константинович,

⁵⁶ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25. Письмо Н. М. Чихачева Г. И. Невельскому. Октябрь, 1852 г.

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25. Письмо Г. И. Невельского А. И. Петрову. 17 декабря 1852 г.

теперь я, кажется, свободен для моей зимней экспедиции, в чем, вероятно, Вы мне не откажете... Мне весьма не хочется слышать, когда будут говорить: „он просидел в посте“»⁵⁸. И действительно, в самый канун Нового года Петров получил предписание от Невельского (29 декабря, № 444), в котором ему предлагалось отправиться по Амуру, Амгуни, на оз. Удыль, отсюда на правый берег Амура и с него, наняв проводника, пройти через горы к лиману Амура в сел. Чоме.

Постоянное внимание уделял Невельской воспитанию у офицеров чувства ответственности за порученное дело, откровенно советовался с ними и стремился к тому, чтобы они проявляли «усердие, старание и истинно полезное рвение к пользе и благу государства и отечества... ибо грустно видеть офицера,— писал он Петрову,— который хорош тогда, когда под глазами, и который что-либо делает, так сказать, по одному буквально прописанному ему приказанию — действует без души, без сердца, нисколько не помышляя об общей цели...»⁵⁹. Со своей стороны Невельской не упускал случая поощрить участников как своей властью, так и представлениями Н. Н. Муравьеву. А когда, как на сей раз, в канун Нового года, большинство офицеров оказывалось в Петровском, он проводил собеседования — принимал экзамены — у штурманских офицеров по тем официальным дисциплинам, которые входили в программу Морского кадетского корпуса.

Рождество и Новый год встретили дружно, команде был дан отдых на несколько дней. Семейные занимались устройством своих уголков, все вместе сидели в праздники за общим столом, молодые плясали под балалайки, офицеры играли в карты, строили планы на будущее, обговаривали ближайшие экспедиции, и все катались на санках с гор, а также на нартах, запряженных собаками, пытались приспособиться к катанию на оленях без седел.

Несмотря на принимавшиеся меры, в Петровском появилась цинга. В феврале Невельской сообщал, что уже умер лучший плотник и пятеро человек больны цингой. Эти жертвы не были последними: 23 марта умер матрос Яков Забелин, 17 апреля — мастеровой 1-го класса Григо-

---

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 21, л. 7—8 об. Письмо А. И. Петрова Г. И. Невельскому. 23 декабря 1852 г.

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25. Письмо Г. И. Невельского А. И. Петрову. 19 декабря 1852 г.

рий Москвитин, 21 апреля — мастеровой 2-го класса Осип Коробов, в мае умерли матросы 1-й статьи Пантелей Севотрусов, Семен Григорьев, Андрей Попов.

Но появились на свет и уроженцы Петровского и Николаевского. Крестины были не редким явлением: в январе 1853 г. в семье фельдшера Андрея Шишерина родилась дочь Анна, в феврале у матроса 1-й статьи Павла Кошкарова — сын Василий, в мае еще у двоих — по дочери.

Но заботы о каждом не заслоняли экспедиционных задач. И сразу после Нового года участники экспедиции разъехались по новым командировкам. Разградский с Березиным на трех нартах с тремя казаками поехали вверх по Амуру, чтобы подготовить запасы для командировки Бошняка. Эту задачу они успешно решили, и уже 2 февраля Разградский докладывал в Петровском, что припасы оставлены в сел. Пуль с Березиным, который остался там ожидать Бошняка. Вслед за ним приехал Петров, совершивший с 17 января по 6 февраля поездку в Приамурский край. Закончив там работу, Петров перешел на правый берег Амура и пытался найти проводника, чтобы с ним выйти к лиману Амура, к сел. Чоме. Но никто не соглашался из-за плохой погоды идти, и Петрову пришлось возвратиться в Петровское обычным путем, по Амуру.

Невельской в это время не мог, естественно, знать, что Муравьев в самом начале 1853 г. выехал в Петербург, где подал царю записку о положении дел в Восточной Сибири, в которой прямо доказывал необходимость основания постов на Сахалине, на берегу оз. Кизи и в зал. Де-Кастри, указывал на необходимость передачи Амурской экспедиции под непосредственный контроль правительства и начала скорейшего плавания по всему Амуру, который является самым удобным и самым кратчайшим путем России к Тихому океану.

Энергичные действия Муравьева во многом увенчались успехом. 11 апреля 1853 г. было принято решение об основании постов в зал. Де-Кастри и на оз. Кизи, а 22 апреля 1853 г. царь подписал решение о выставлении поста на Южном Сахалине. Было решено создать особую Сахалинскую экспедицию, организация которой была поручена Российско-Американской компании. Но приведение в исполнение этого решения возлагалось на Амурскую экспедицию, т. е. на Г. И. Невельского. С известиями по

всем этим вопросам на Дальний Восток был специально командирован назначенный офицером для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири майор Николай Вильгельмович (Васильевич) Буссе.

Невельской не мог знать обо всем этом, когда отправлял в очередную командировку Бошняка, и хорошо понимал, что его решение обследовать неизвестный район «в высшей степени дерзко и отчаянно и что оно может повлечь за собой величайшую ответственность»⁶⁰. И тем не менее он решил действовать, отбросив все личные опасения и расчеты, которые считал «не только неуместными, но даже преступными»⁶¹.

Геннадий Иванович сам приехал в Николаевский пост, чтобы проводить Бошняка и его спутников — казаков Семена Парфентьева, Кира Белохвостова и якута Ивана Мосеева. Выехали они 15 февраля, а 2 марта приехали в Котово, где ожидали их заготовленные Г. Д. Разградским припасы продовольствия. Немедленно Бошняк и его спутники занялись переброской продовольствия на берег залива Де-Кастри, к бухте Сомон, где из корья устроили временное жилье и начали строить дом, купили у местных жителей лодку и стали ждать наступления навигации. Г. И. Невельской вскоре прислал подмогу — 9 марта прибыл Разградский с казаками и гиляком Афанасием Романовым, которые доставили все грузы.

Разградский сразу же уехал обратно, а Бошняк со спутниками, к которым присоединился прибывший унтерштейгер Иван Блинные, сумел к 5 апреля переселиться в маленький домик, отремонтировать и приготовить к морскому переходу гиляцкую лодку. 28 апреля, как только залив освободился ото льда, Бошняк отправился в путь. Но скоро понял, что лодка перегружена и ее заливают, несмотря на поставленные фальшборта. Пришлось выбирать на перешеек, все выгружать, укрепить лодку, часть запасов оставить, а с ними и одного из участников — И. Блинные, которому поручалось доставить в домик на берегу бухты Сомон все, что не довелось взять в плавание, и через местных жителей сообщить Невельскому о столь неудачном начале плавания.

На все это ушло несколько дней, и лишь 2 мая группа Бошняка успешно покинула зал. Де-Кастри и пошла

---

⁶⁰ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 203.

⁶¹ Там же.

вдоль берега на юг. В пути Бошняк ориентировался по описанию берега, полученному им от местного жителя с берега оз. Кизи, а также по карте, составленной по этому описанию: «Очерк берега, брошенный помянутым туземцем — писал Н. К. Бошняк, — был так хорош, что его можно было положить на румбы. Часто идя без проводников, я постоянно руководствовался этою картою, даже при самой неблагоприятной погоде»⁶².

В тот же день путешественники остановились в первом увиденном на берегу селении — Дугу. Оно было расположено в устье речки того же названия; вход в нее преграждают два холмистых острова, на которых гнездятся чайки и дикие утки. В 35 верстах южнее расположено было сел. Хой, а в 5,5 верстах от него — сел. Сюркум. Берег здесь повсюду обрывистый, каменистый, без удобных мест для стоянки кораблей. Сам мыс Сюркум, выдающийся в море на большое расстояние, хорошо заметен издали и служит главным приметным мысом в этом районе. В сел. Сюркум Бошняк застал шестеро жителей — орочей, которые прибыли сюда на промысел рыбы из сел. Датта, с устья р. Тумнин. От них узнали, что до зал. Хаджи осталось пройти еще половину пути: Сюркум расположен примерно на полпути от Де-Кастри до Хаджи.

В 18 верстах от Сюркума находятся селение и мыс Аукан. Берег тут также утесистый, неприветливый, подходить к нему трудно, а из селений можно назвать одно — при устье рч. Быки. Рядом с ним и мыс Быки — красивый, заметный, желтоватого цвета. Ну а дальше на пути было самое большое селение на побережье — Датта (слово «датта» на языке орочей, которые здесь живут, означает «устье реки»), которое расположилось в устье самой большой реки этого участка побережья — р. Тумнин, за мысом Лессепса, на красивом лугу. Рыбы тут было много, поэтому и жили тут орочи постоянно. Селение по сравнению с другими местами побережья было многолюдно. Это объяснялось еще и тем, что через сел. Датта кочевали все жители побережья и те, которые спускались с гор, или поднимались в горы, или переваливали через приток р. Тумнин — р. Мули: сел. Датта было перевалочным пунктом.

---

⁶² Бошняк Н. К. Указ. соч. — Мор. сб., 1859, № 3, с. 202.

Миновав еще два селения — Дюанка и Уй, Бошняк со своими спутниками 23 мая 1853 г. оказался у небольшого перешейка, за которым виднелась спокойная гладь воды. Перетащили лодку через песчаный перешеек и вошли в совершенно закрытую бухту, по берегам которой рос густой лес. Пройдя ее и повернув налево, увидели, что впереди есть еще бухты, а слева открывается выход в Татарский пролив. По описаниям и рассказам Бошняк убедился, что это и есть бухта Хаджи, которая и была конечной целью путешествия. Не мог знать Бошняк, что только что пройденная им бухта Уй, которой он не уделил большого внимания, станет в середине XX в. одним из крупнейших портов страны на Дальнем Востоке — портом Ванино.

Увидев прямо перед собой небольшой островок, который теперь называется о. Устрица, а первоначально был назван о. Невельского, путешественники прошли мимо него и остановились на берегу небольшой бухточки, лежащей за о. Устрица. Теперь она называется бухтой Маячной. Другая такая же бухточка располагалась по другой сторону островка, ближе к выходу из гавани, — теперь она называется бухтой Лососина. Здесь сделали из корья шалаш и в нем заночевали.

Утром начался обзор всего залива и его опись, которую Бошняк производил с помощью ручного компаса и небольшого секстана. Он назвал залив Императорской гаванью. Залив удобен для стоянки кораблей всех классов, в нем много бухт. Глубины в гавани большие, берега приглубые, она совершенно укрыта от ветров всех направлений, а замечательный строевой лес, росший в неограниченном количестве по берегам, обещал большие возможности для ремонта кораблей.

Примерно неделя потребовалась Бошняку, чтобы с помощью своих спутников описать все бухточки, заливы этой замечательной гавани. Он узнал, что в пяти местах гавани имелся десяток юрт, в которых проживало до полусотни орочей. Один раз в году они снаряжали лодку в Кизи или в Нангмар для того, чтобы купить там просо, табак и кое-что из одежды. Иногда такая лодка направлялась не на север, а на юг, к устью р. Самарга, или, как записал Бошняк, Самальга. Перед тем как уйти из открытой им Императорской гавани, Бошняк собрал на берегу бухточки Маячной местных жителей — орочей и в их присутствии установил тут крест с надписью: «Гавань Императора Николая, открыта и глазомерно описана лей-

тенантом Бошняком 23 мая 1853 года на туземной лодке, со спутниками казаками Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым, амгинским крестьянином Иваном Мосеевым»⁶³.

Обратный путь был более удачен, хотя запасы продуктов кончились и путешественники питались только рыбой. Попутный ветер и знакомый путь помогли им уже 8 июня, т. е. через 8 дней, прийти в зал. Де-Кастри. Отправив Парфентьева с донесением к Невельскому, Бошняк в ожидании смены занимался описью залива и рч. Сомон. 18 июня прибыл Разградский, утром 19 июня Бошняк уехал и прибыл в Николаевский пост 25 июня.

Командировкой Бошняка завершился период открытий Амурской экспедиции в Приамурье и на Сахалине. Путешествия Д. И. Орлова, Н. М. Чихачева, Г. Д. Разградского, А. И. Петрова, А. И. Воронина, А. П. Березина и Н. К. Бошняка дали первые достоверные представления об этом крае, его природе и населении. Была составлена карта района, исправлены карты Ж.-Ф. Лаперуза и И. Ф. Крузенштерна, открыта Императорская гавань, открыты на Сахалине месторождения каменного угля, описан Северный Сахалин и пересечен вдоль р. Тымь. Участники экспедиции завели торговлю с местными жителями, узнали от них и в значительной мере исследовали пути, ведущие с Амура и Уссури к морю. Помимо Петровского зимовья и Николаевского поста, возникли посты на берегу оз. Кизи и зал. Де-Кастри.

Невельской распоряжался энергично, не боясь ответственности. Он постепенно расширял район исследований, в его планы входило описание Южного Сахалина и организация экспедиции в район к югу от Императорской гавани. Его призывы к Н. Н. Муравьеву совершенно неожиданно были поддержаны, и причиной тому стала Крымская, или, как ее называли на Дальнем Востоке, Восточная война.

Трудные будни экспедиции

Очень ждали в Петровском наступления навигации, которая должна была помочь в избавлении от трудностей этой зимы и в исполнении планов, связанных с передачей

---

⁶³ Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг., с. 94.

Амурской экспедиции в ведение правительства. Невельской очень рассчитывал на приезд на Дальний Восток вел. кн. Константина. В середине мая Невельской получел от него предписание от 12 февраля 1853 г. о готовящихся двух экспедициях Северо-Американских Штатов.

8 июля 1853 г. коммодор Мэтью Перри (Matthew C. Perry) на фрегате «Сусквеханна» в сопровождении линкора, двух пароходо-фрегатов, корвета, трех шлюпов¹ и парохода прибыл в японский порт Урага в Токийском заливе. Он имел неограниченные полномочия от конгресса США во что бы то ни стало заключить нужный для США договор с Японией. Помимо японского рынка, США нуждались в японских портах как промежуточных базах на пути в Китай.

Переговоры в Иокогаме завершились 31 марта 1864 г. подписанием договора, по которому американцы получили право заходить в порты Хакодате и Симода. К этому же времени относится и американская научная экспедиция в Китайское и Японское моря на пяти военных кораблях, которую возглавил капитан К. Рингольд (Cadwalader Ringgold).

Несколько раньше, в ноябре 1852 г. русское правительство приняло решение об экспедиции на Дальний Восток под руководством вице-адмирала Е. В. Путятина².

Для экспедиции был выделен фрегат «Паллада» с 22 офицерами и 439 старшинами и матросами. Командиром был назначен Иван Семенович Унковский. В августе 1852 г. Е. В. Путятин ездил в Англию, где купил за 33 547 руб. 60 коп. винтовую шхуну, названную «Восток», мощностью 30 л. с. На нее было поставлено 4 бомбовых 68-фунтовых орудия и куплено для команды 60 штуцеров³. К этим двум кораблям Путятину разрешалось присоединить суда из состава Охотской флотилии или Российско-Американской компании. Так возникла и командировка Н. М. Чихачева на Сандвичевы острова с корветом «Оливуца» и барком «Князь Меншиков»; там они и должны были соединиться с фрегатом «Паллада» и шхуной «Восток».

В задачи экспедиции Путятина, «смотря по времени и обстоятельствам», входило «собрать на местах сзede-

¹ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 16, л. 40 об.

² АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 17, ч. 1, л. 2—14.

³ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 17, ч. I, л. 338 об.

ния обо всем, что происходит вдоль берега нашего азиатского материка и у берегов северо-западных наших владений в Америке, где постоянно и особливо в последние годы увеличивающееся число чужеземных китоловов не может не быть без вредных последствий для края и для дел тамошнего нашего управления»⁴.

28 сентября 1852 г. фрегат «Паллада» отправился в плавание, 30 сентября в Портсмуте к нему присоединилась шхуна «Восток», на которую перешли 6 офицеров и 37 матросов. Командиром шхуны был назначен Воин Андреевич Римский-Корсаков. В январе на Дальний Восток из Портсмута отправился также простоявший там около двух месяцев транспорт «Двина» под командованием Петра Николаевича Бессарабского.

В начале 1853 г. правительству через Н. Н. Муравьева стали известны первые результаты деятельности Амурской экспедиции, и в частности исследование Сахалина и открытие Императорской гавани. В инструкции Путятину предлагалось продолжить исследования Сахалина⁵.

Со времен Василия Василья Пояркова русские люди неоднократно бывали там. Главное правление Российско-Американской компании в 1808 г. обратилось к царю с просьбой основать на Сахалине свои поселения. Составители документа исходили из того, что остров этот всегда был русским. На документе есть резолюция от 9 августа 1808 г.: «Государь Император Российский высочайше дозволил Правлению Американской компании учредить свои заселения по примеру прочих на острове Сахалине, лежащем на Охотском море»⁶. В Охотском порту была подготовлена экспедиция под начальством лейтенанта Якова Аникеевича Подушкина, которая не была осуществлена.

Основное содержание всех происшедших событий и действий правительства было доведено до сведения Г. И. Невельского⁷.

С его предписанием Г. Д. Разградский с тремя матросами отправился в залив Де-Кастри⁸.

В числе полученных в Петровском в январе 1853 г. новостей была и та, что офицеры Амурской экспедиции

---

⁴ Там же, л. 209 и 210.

⁵ АВПР, ф. Главный архив 1—9, д. 17, ч. I, л. 211—216 об.

⁶ АВПР, ф. РАК, оп. 888, д. 195, л. 1—7 и 8.

⁷ *Невельской Г. И. Подвиги...*, с. 212.

⁸ *Петров А. И. Указ. соч.*, с. 372.

за проведенные исследования награждены орденами. Сам Г. И. Невельской был награжден орденом св. Анны 2-й степени с императорской короной 21 января 1853 г. В письме Корсакову 27 февраля 1853 г. Невельской сообщал: «Бошняк наблюдает в Кастри над иностранцами и ждет эскадру, Разградский в Кизи, теперь помогает ему и доставляет мне обо всех поступках по зимнему пути сведения. Петров в Николаевском. Я в Петровском»⁹. Он заботится о наградах своим офицерам и сообщает некоторые подробности: «Не правда ли, славный человек Чихачев, и как хорошо, что он поехал. У меня остались теперь только Бошняк и Петров. Попроси Николая Николаевича о всех, и в особенности об мичмане Петрове, который очень полезен»¹⁰. Просит прислать формулярные списки на офицеров, без которых нельзя оформить представление к наградам. Делится Геннадий Иванович и семейными делами: «Я прошу генерала о переводе моего родного брата Алексея из армии к статским делам на службу в губернию пашу..., — при матушке и с матушкой — поможет, имение брошено и старушка одна. Христа ради, попроси Николая Николаевича». Тут же он пишет: «Знаешь ли, что сестра Александра Ивановна — madame Мазарович? Я очень рад этому, Иван Семенович прекрасный человек!»¹¹.

Инициатива освоения Сахалина, как и в других случаях, исходила от Г. И. Невельского, поддержанного Н. Н. Муравьевым. Но в освоение Сахалина, разумеется также не без ведома Муравьева, активно вмешалась Российско-Американская компания, которая представила записку о дозволении основать на Сахалине. Записка была передана в министерство иностранных дел¹².

11 апреля 1853 г. было утверждено представление об основании русских селений на Сахалине. В соответствии с этим в середине апреля Н. Н. Муравьев предписал Г. И. Невельскому основать на острове Сахалине в нынешнем году два или три пункта на восточном или западном берегу¹³.

⁹ РОБЛ, ф. Корсаковых, П-113, ед. хр. 15.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² АВПр, ф. РАК, оп. 888, д. 390, л. 4 об.—5.

¹³ АВПр, ф. РАК, оп. 888, д. 389, л. 18—18 об.

А в частном письме Николай Николаевич писал Геннадию Ивановичу: «...а в будущем году будут другие распоряжения, которые удовлетворят все Ваши желания, и я надеюсь быть у Вас около половины июля (1854 года)»¹⁴.

Теперь Невельскому прежде всего надлежало исполнить распоряжение об основании поселений на Сахалине и в Императорской гавани¹⁵.

При проведении этой экспедиции основная роль отводилась Невельскому. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев направил только что поступившего к нему на службу личного друга М. С. Корсакова и его сослуживца по Семеновскому полку Николая Вильгельмовича Буссе в Петропавловский порт с приказанием сформировать там команду для основания поста на Сахалине.

Буссе с десятком казаков выехал из Иркутска, взял столько же в Якутске и прибыл в Аян в полной уверенности, что тут его уже ждут корабли для перехода на Камчатку. Но он сумел отправиться туда на транспорте «Байкал» лишь 2 августа. Это было связано с тем, что Невельской решил предварительно сам совершить рекогносцировочное плавание и осмотреть не только Сахалин, но и вновь открытую Бошняком Императорскую гавань. Расчет был прост: Буссе было приказано совершить плавание на Камчатку и обратно на судах Российско-Американской компании. Пока он, начиная с 25 июня, ждал в Аяне такой корабль, Невельской на дорогом ему транспорте «Байкал», который был выделен в его распоряжение, решил предпринять предварительное плавание.

11 июля на рейд Петровского пришел из Аяна «Байкал», на котором в распоряжение Невельского прибыли казаки: Якутского полка пятидесятник Михаил Чокуров, казаки Савватей Березкин, Федор Дьячков, Иван Попков, Савва Татаринов, Иван Павлов, Николай Попов, Афанасий Гилев, Николай Безносков; Иркутского полка урядник Дмитрий Хороших, казаки Перфил Толмачев, Яков Литвинцов, Никифор Челпанов, Василий Мироманов, Николай Молдаванов, Осип Лазарев, Николай Дроздов, Григорий Толмачев. На транспорте также была семья мастерового Назимова (жена с двумя сыно-

---

¹⁴ Петров А. И. Указ. соч., с. 370.

¹⁵ Там же, с. 372.

вьями), были доставлены к особой радости Геннадия Ивановича десятивесельный катер и байдара¹⁶.

План Невельского был таков: побывать в зал. Анива, осмотреть удобные для основания постов места, по возможности оставить где-либо на западном берегу Д. И. Орлова с небольшой группой, затем перейти в Императорскую гавань, основать там пост, побывать в зал. Де-Кастри, где распорядиться об укреплении Александровского поста. «Байкал», которым командовал Алексей Порфирьевич Семенов, вышел из Петровского 17 июля и только 29 июля пришел к мысу Анива. Стояла плохая погода, дули встречные ветры, сильно затруднявшие движение. Эта погода не позволила Невельскому хорошо осмотреть берег зал. Анива, и, пройдя проливом Лаперуза, Невельской приказал держать курс на Императорскую гавань.

3 августа сумели разглядеть очень трудный вход в эту гавань, войти в нее и встать на якорь в одной из многочисленных ее бухт. На следующий день Невельской выставил в самой укрытой бухте Константиновского залива пост и назвал его Константиновским. Бухточка же эта с тех пор получила название Постовой. Во главе небольшой партии казаков Невельской поставил унтер-офицера Дмитрия Хороших. А начальником первого поста в самой южной из открытых гаваней Геннадий Иванович давно решил поставить ее первооткрывателя — лейтенанта Бошняка. Воспользовавшись кратковременной стоянкой, А. П. Семенов произвел довольно точную опись гавани. 5 августа транспорт снялся с якоря и перешел в зал. Де-Кастри, где в только что основанном Александровском посту 7 августа Невельской сошел с транспорта. В посту были оставлены необходимый груз и четверо матросов.

Отсюда Невельской по рекам и тропам продолжал свое путешествие и вскоре прибыл в сел. Котово, где А. И. Петров уже основал Мариинский пост и приступил к постройке зимнего жилья. Таким образом, в Александровском посту остался Разградский, в Мариинском — Петров. Отсюда Невельской на байдаре 17 августа возвратился в Петровское. Транспорт же «Байкал» отправился к западному берегу Сахалина, и там, исполняя приказание Невельского, Семенов высадил Д. И. Орлова с командой из шести человек. 17 августа там был основан Ильинский пост. Орлову было приказано прибыть к середине сентяб-

¹⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 20, л. 48—48 об.

ря к мысу Крильон, куда Невельской намеревался прийти с Сахалинской экспедицией. «Байкал» возвратился на рейд Петровского вечером 6 сентября.

В Петровском Невельского ожидали приятные новости. Пришло известие о том, что был утвержден штат Амурской экспедиции и повелено было к 1 января 1854 г. произвести все расчеты с Российско-Американской компанией. Иными словами, наконец-то Амурская экспедиция становилась правительственной экспедицией. По новому штату к Невельскому назначался помощник капитан-лейтенант Александр Васильевич Бачманов.

Рота состояла из двух лейтенантов, двух мичманов, двух штурманских офицеров, одного артиллерийского офицера и 240 старшин и матросов. Кроме того, в состав экспедиции включались сотня казаков с двумя офицерами, взвод горной артиллерии с двумя офицерами, доктор, священник, правитель канцелярии с помощниками, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера. Нижним чинам время службы в экспедиции засчитывалось один год за два, а офицерам, прослужившим в экспедиции пять лет, полагалась такая же пенсия, как за службу на Камчатке. Невельской в правах был приравнен к губернатору области.

В июле, в отсутствие Невельского, на Петровский рейд пришел транспорт Российско-Американской компании «Николай», который доставил так ожидаемый паровой катер «Надежда». С транспортом прибыл А. В. Бачманов с супругой Елизаветой Осиповной, а также священник Гавриил Вениаминов (сын известного деятеля Русской Америки и Дальнего Востока Иннокентия Вениаминова) с супругой Екатериной Ивановной. После разгрузки транспорт «Николай» с Буссе пошел в Петропавловск за сахалинской командой. А Невельской и Бачманов пытались сначала своим ходом перегнать паровой катер «Надежда» в Николаевский пост, но вскоре убедились, что из этой затеи ничего не выйдет: на волне катер заливало. Решено было доставить его туда на буксире десятивесельного катера.

Между тем 26 августа на рейде Петровского бросил якорь возвратившийся с Камчатки транспорт «Николай», на котором была доставлена сахалинская команда, полностью сформированная к моменту прибытия на Камчатку Буссе вызвавшимся служить на Сахалине лейтенантом Николаем Васильевичем Рудановским. С прибытием транс-

порта «Николай» забот у Невельского заметно прибавилось. Исполнив возложенное на него поручение, Буссе решил, что он может возвращаться в Иркутск, тем более, как объяснял он Невельскому, у него была договоренность с Бачмановым, что тот возглавит экспедицию на Сахалин.

Но такая частная договоренность Буссе с Бачмановым, к тому же без ведома Невельского, не входила в расчеты начальника Амурской экспедиции, который не хотел и не должен был отпустить из Петровского долгожданного помощника. Встал вопрос о том, кому возглавить пост на Южном Сахалине. Невельской предложил его Буссе. С явной неохотой последнему пришлось согласиться с Невельским. Именно к этому времени относятся записи Буссе о Невельском, опубликованные после его смерти родственниками. «Невельской имеет не совсем красивую наружность, — записал он в дневнике после первого с ним знакомства. — Маленький рост, худощавое, морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина с исключенными вокруг с проседью волосами и небольшие серые глаза, которые он беспрестанно прищуривает, дают ему пожилой и дряхлый вид. Но широкий лоб и живость глаз выказывают в нем энергию и горячность характера»¹⁷.

Рассматривая ведомость прибывших с сахалинской командой запасов продовольствия и товаров, Невельской нашел, что, хотя с Камчатки и было отпущено все, что положено из казенного довольствия, этого было недостаточно для благополучной зимовки на Сахалине. Не было строительных материалов и инструментов, товаров для торговли с местными жителями, отсутствовали медикаменты, недостаточно было чаю, сахару, табаку, водки. Пришлось в спешном порядке Невельскому и Буссе снова идти на транспорте «Николай» в Аян и «выбивать» там у Кашеварова все недостающее ...

Когда 6 сентября «Николай» снова пришел на рейд Петровского, там его ожидали транспорты «Байкал» и «Иртыш». Невельской отправил «Байкал» с частью груза, принятого с «Иртыша», в Петропавловск с заходом в Аян; «Иртыш» же с той частью груза, которая предназначалась для Амурской экспедиции, — на Сахалин, в Императорскую гавань и в зал. Де-Кастри для снабжения постов с тем, чтобы оттуда отправиться, если не будет поздно, зимовать

---

¹⁷ Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. СПб., 1872, с. 5.

в Петропавловск, а если будет поздно — оставаться на зимовку в Императорской гавани.

Сам же Невельской в сопровождении Буссе, Рудановского и Бошняка на транспорте «Николай», которым командовал теперь вольный шкипер Мартин Клинковстрем, с сахалинской командой 7 сентября вышел на Сахалин. «Иртыш» должен был выйти позже. 17 сентября обогнули мыс Анива и направились к мысу Крильон за отрядом Д. И. Орлова, который согласно договоренности с Невельским должен был прийти в это время туда. Всю ночь с 17-го на 18-е и днем 18 сентября лавировали в виду мыса Крильон, стреляли из пушки, подавали другие сигналы, но отряда Орлова не было. Тогда пошли в глубь залива и 19 сентября встали на якорь в 3 милях от берега. Днем подошли ближе к сел. Тамари-Анива, Невельской, Буссе и Бошняк на двух шлюпках отправились на берег, производя промер глубин.

На берегу человек сто местных жителей, называвших себя айну, встретили русских моряков дружелюбно, указывая им удобные места для высадки и выгрузки имущества. Но решили сначала пройти вдоль берега на одной шлюпке, а Бошняка оставили на берегу в месте первоначальной высадки, поручив ему описать селение и местность вокруг него. На все это ушел весь день 19 сентября. 20 сентября шла окончательная подготовка к высадке и переход к намеченному месту, рядом с селением.

21 сентября 30 человек на трех шлюпках сошли на берег, где выставили пост, который был назван Муравьевским в честь Н. Н. Муравьева (ныне это г. Корсаков). Были построены первые необходимые помещения и флагшток, на котором развевался русский флаг. Товары и имущество были с самого начала размещены под крышей, а не в палатках. 600 купленных бревен для построек, сруб офицерского флигеля, доставленный сюда из Аява, а также продовольствие и боеприпасы в достаточном количестве позволяли спокойно зимовать. В посту оставалось 59 матросов во главе с Н. В. Рудановским, восемь вольнонаемных работников Российско-Американской компании во главе с приказчиком Дмитрием Ильичом Самариным. Начальником поста и о. Сахалин назначался майор Н. В. Буссе. Пять казаков и один матрос, находившиеся с Д. И. Орловым, должны были также остаться на Сахалине. «Ни один пост в Приамурском крае, — свидетельствовал Г. И. Невельской, — не был поставлен в такое безопасное

и вполне обеспеченное положение, в каком я оставил пост Муравьевский под начальством Н. В. Буссе»¹⁸. Все работы были завершены 25 сентября.

Иначе сложилась зимовка в Императорской гавани. Туда транспорт «Николай» вошел 28 сентября. Невельской и Бошняк убедились в хорошем состоянии оставленных тут казаков, были выгружены все запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасы. Казакам было сказано, что их начальник лейтенант Бошняк и верные его спутники Семен Парфентьев и Кир Белохвостов возвратятся в пост чуть позже, после захода в Де-Кастри, где Бошняк должен был сдать груз Александровского поста Разградскому. Для десяти человек, которые оставались зимовать в гавани, было оставлено достаточно всего необходимого. На Бошняка возлагалась задача исследовать зимой пути, ведущие из гавани к Амуру, а весной попытаться морем, вдоль берега добраться до Самарга.

Не подходя близко к берегу, «Николай» 2 октября встал на якорь в виду поста. По его сигналу явился начальник Александровского поста Разградский, доложил о состоянии поста и передал почту от командира шхуны «Восток» В. А. Римского-Корсакова. Шхуна, как следовало из письма, прибыла в составе эскадры Е. В. Путятина на Дальний Восток и была им послана в Татарский пролив. Воин Андреевич сообщал далее, что он 1 сентября прибыл в Татарский пролив и начал опись западного берега Сахалина, окончив которую «9-го вошел Южным каналом в Амурский лиман, а 13-го после многих блужданий и преткновений пробрался наконец до мыса Пронге, в самое устье Амура»¹⁹. Все обрадовались такому известию, а больше всех Геннадий Иванович: его открытие подтвердилось практически — винтовое судно вошло с юга в устье Амура по лиману, который некоторые скептики считали непроходимым из-за мелей.

Далее Воин Андреевич сообщал, что с мыса Пронге он послал в Николаевский пост Н. М. Чихачева, который служил теперь у него старшим помощником, а сам на шлюпке ходил в Петровское. Там от Екатерины Ивановны Невельской узнал он об экспедиции на Сахалин. Далее он писал, что сравнительно легко вышел из лимана тем же

¹⁸ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 253.

¹⁹ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 247

путем и зашел в зал. Де-Кастри, где ему Разградский вручил письма и документы, оставленные Невельским. Не зная, когда Невельской появится здесь, Римский-Корсаков писал, что он уйдет сейчас на Сахалин за каменным углем, а затем, смотря по обстоятельствам, возвратится в зал. Де-Кастри или же пойдет в Императорскую гавань, просил Невельского о свидании в зал. Де-Кастри 5 октября, обещая все-таки сначала зайти в Александровский пост с каменным углем. Разградский рассказал еще, что шхуна «Восток» при входе в зал. Де-Кастри садилась на мель и что командир назвал эту мель по имени своего корабля. Она и до сих пор называется банкой Восток.

Как ни хотел Невельской встретиться с Римским-Корсаковым, которого давно хорошо знал, он не стал терять время: его ждали в Петровском. И он отправился туда через Кизи по Амуру. 7 октября он приехал в Николаевский пост, а на следующий день был в Петровском, где Екатерина Ивановна рассказала ему о семейных делах, а также о посещении Петровского В. А. Римским-Корсаковым.

Между тем Воин Андреевич на пути с Сахалина в Императорскую гавань заходил 5 октября снова в зал. Де-Кастри, но получил там только письмо от Невельского. Тогда он изложил Геннадию Ивановичу в большом письме то, о чем хотел говорить лишь при личной встрече: подробности описания берега Сахалина, открытие других месторождений каменного угля и разработки там каменноугольных ломов.

Бошняк, между тем, на несколько часов высаживался в зал. Де-Кастри, чтобы официально передать груз, предназначенный для Александровского поста. Затем «Николай» пошел в Императорскую гавань. 7 октября при входе в гавань Бошняк обратил внимание на то, что недалеко от берега резко меняются глубины: «Вероятно, тут существует какая-нибудь береговая недалеко простирающаяся отмель и мы были на краю ее. Это можно полагать из того, что при следующем бросании лота лотовый при расходе судна не достал дна и 20 саженями»²⁰, — писал он. На этом месте действительно имеется банка, которая теперь известна под названием банки Карр (такое название сохранилось с английской карты, на которую оно было нанесено двумя годами поз-

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 127.

же); об открытии этой банки транспортом «Николай» впервые упомянул Бошняк.

Предполагалось, что «Николай» не останется зимовать в Императорской гавани, а уйдет на Сандвичевы острова. Но по приходе Клинквострем объявил Бошняку, что намерен остаться здесь. Не зная радоваться или печалиться, Бошняк через несколько дней был ошарашен другой новостью: 13 октября в гавань вошел транспорт «Иртыш» и командир его лейтенант Петр Федорович Гаврилов объявил, что он вынужден оставаться зимовать именно здесь, так как Буссе не оставил его зимовать в зал. Анива, а в Петропавловский порт в такое позднее время он идти с больной командой и без запаса продовольствия не решается. С транспортом прибыл и Д. И. Орлов, который благополучно сумел завершить свой пеший переход из Ильинского поста в Муравьевский и которого Буссе также не оставил зимовать на Сахалине.

Таким образом, совершенно неожиданно для Бошняка в Императорской гавани, помимо персонала поста, собрались зимовать в неизвестной обстановке и в абсолютно пустынной гавани, удаленной от ближайших русских населенных мест на многие сотни верст, более 90 человек. Следует сказать, что Невельской предусматривал такую возможность и давал на счет этого даже специальную инструкцию М. Клинквострему. Но он предусматривал именно крайний случай и исходил из того, что оба корабля в достатке снабжены продовольствием и медикаментами. Но «Николай», хотя и был снабжен продовольствием, не имел достаточного количества медикаментов. К тому же продукты на транспорте принадлежали Российско-Американской компании и Мартин Клинквострем не имел права распоряжаться ими. «Иртыш» же пришел в Императорскую гавань в плачевном состоянии, нуждался в ремонте, с наполовину больной командой и без всяких запасов продовольствия и медикаментов, на нем не было, впрочем так же, как и на «Николае», врача. Все это не могло не сказаться на первой зимовке в Императорской гавани.

Оставим пока на время зимовщиков Константиновского поста наедине с их нелегкими раздумьями, а зимовщиков Муравьевского поста на Сахалине с их заботами поскорее построить задуманное Буссе по всем правилам поселение и начать исследования южной части острова и последуем за Г. И. Невельским, возвратившимся в Петровское. Перед уходом из Александровского поста

Невельской приказал Разградскому с наступлением зимы перебраться в Мариинский пост, с тем чтобы Петров из Мариинского поста мог переехать снова в Николаевский пост. Практически это означало, что Невельской забирал с собой Петрова, а Разградский, оставив трех матросов в Де-Кастри, уходил в Мариинский пост.

Прибыв 15 октября в Петровское, Невельской был встречен докладом своего помощника Бачманова и остался доволен его действиями. Екатерина Ивановна была обрадована вестью о том, что ее брат Николай, за которого в свое время хлопотал адмирал И. А. Купреянов, прибыл на транспорте «Двина» в Петропавловск и ждет оказии, чтобы перебраться в Петровское. Тут и в Николаевском посту все были заняты в основном заготовкой леса, так как Н. Н. Муравьев, информируя Г. И. Невельского о ходе войны с Турцией, за которую, возможно, вступятся Англия и Франция, писал, что поэтому «можно ожидать, что будет война и с ними ... и тогда нам должно быть в готовности на наших Восточных берегах»²¹. Далее он сообщал, что предполагает с открытием навигации быть сам в Николаевском посту, спустившись в устье Амура с первым сплавом, который на Шилке в Сретенске готовил П. В. Казакевич.

В другом, более позднем письме Муравьев, поздравляя Невельского с орденом Владимира 3-й степени, а офицеров экспедиции — с другими наградами, писал: «Дела наши в Англии в самом сомнительном положении по случаю войны с Турцией, а потому летом мы можем ожидать неприятных гостей и на берегах Татарского залива и в Камчатке, но прежде их прибытия я надеюсь подкрепить Вас всеми теми средствами, которые для защиты Ваших берегов считаю нужными. Теперь главный здесь вопрос в том, чтобы прямо спуститься к Вам из Шилкинского завода, и я полагаю, что с помощью нашего генерал-адмирала важная эта цель достигнется; я на Шилке, у меня все приготовления сделаны»²². Со следующей почтой Муравьев сообщил окончательно: «Решено, любезный Геннадий Иванович, что я иду к Вам

---

²¹ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 25. Письмо Н. Н. Муравьева Г. И. Невельскому. 26 октября 1853 г.

²² Там же. Письмо Н. Н. Муравьева Г. И. Невельскому. 24 декабря 1853 г.

из Шилкинского завода и надеюсь между 20 и 25 мая быть у Кизи, где прошу Вас меня встретить»²³.

Главной задачей Амурской экспедиции стала в это время подготовка к встрече большого числа людей. Заготовка леса и строительство домов и казарм — на это было нацелено все в Николаевском посту. Вся переписка между Невельским и Петровым говорит об этом. Предстояло вместо намечавшихся двух домов и казармы строить еще столько же — ведь ожидалось пополнение до 400 человек. И всех разместить было не просто. Поэтому все участники экспедиции работали с полным напряжением. Беспокоило Невельского отсутствие вестей из Императорской гавани и из Муравьевского поста на Сахалине; ничего не знал Геннадий Иванович и о судьбе отряда Д. И. Орлова, высаженного на западном берегу Сахалина.

И вот, после встречи Нового года, 10 января в Петровское прибыл Д. И. Орлов, а несколько раньше пришло письмо от Бошняка от 27 ноября. Все это дало ответы. Следует сказать, что всем этим новостям предшествовало одно событие. Предчувствуя недоброе, Геннадий Иванович 15 декабря отправил в Константиновский пост А. И. Петрова с некоторыми медикаментами и запасами, а главным образом для установления связи с Н. К. Бошняком. Это могло стать роковым для А. И. Петрова и Д. И. Орлова, не встретить Петров на полпути в Императорскую гавань бредущего оттуда еле живого Орлова. Оба они возвратились в Мариинский пост, и 10 января Невельской узнал от самого Орлова то, о чем двумя неделями раньше писал ему Бошняк.

Рассказы Дмитрия Ивановича о начавшейся цинге потрясли Невельского. Он тотчас же распорядился отправить Г. Д. Разградского с оленями, медикаментами и запасами уксуса и водки. Григорий Данилович сумел быстро исполнить приказание, организовал отправку оленей, доставив обоз до устья р. Гур, а далее передал его в надежные руки проводников-гиляков, которые исполнили просьбу Невельского. Вслед за этим в Императорскую гавань отправился снова Д. И. Орлов, который вез туда медикаменты. К сожалению, обоз в Императорскую гавань пришел лишь в марте, а вскоре туда прибыли и Орлов.

А там самая большая смертность пришлась на январь, февраль и первую половину марта. И хотя с 15 февраля

---

²³ Петров А. И. Указ. соч., с. 377.

смертность начала ослабевать, но все же до 15 марта она была нередкой, а после 18 апреля прекратилась совсем. Страшные события той зимы получили наглядное отражение в письмах Бошняка, Гаврилова и Клинковстрема от 13 февраля, когда представилась возможность отправить эти письма Невельскому с двумя оказавшимися там гилияками с оз. Кизи.

Из письма Н. К. Бошняка о команде поста: «8 человек уже померло, и на вакансии еще человек 6 ... очень легко может быть, что я останусь сам-пять, если только сам останусь жив. Болезнь непонятная... Никакие употребляемые средства, ничто не помогает. Народ валится, как мухи»²⁴.

Из письма Гаврилова о команде транспорта «Иртыш»: «5 человек уже умерло, а больных еще 16, которых состояние таково, что они почти недвижимы. Мы никак не можем постигнуть причину такой всеобщей повалки; помещение у нас довольно просторное, пища хотя и вяленая, но питательная, работ, и особенно утомительных, нет и не было, правда, что мы терпим большой недостаток в освежении; с отъездом Дмитрия Ивановича у нас наступили большие морозы, ни рыбы, ни птиц, исключая ворон, вокруг нас совсем нету»²⁵.

Из письма М. Клинковстрема: «Здесь из береговой команды из числа 24 человек умерли 12 человек, из команды транспорта „Иртыша“ из 36 человек умерло 14, из команды корабля „Николай“ умерло 3 человек,— остальные почти все, не исключая офицеров и штурманов, страдали и лежали в болезнях, из которых цинготная в разных видах была самая губельная; труднобольные еще есть, и чем эта печальная драма кончится, неизвестно, но надеемся, ежели лед пройдет, бог пошлет облегчение и поправление здоровья. Люди по большей части иссохли, исхудали, и другие, так сказать, двигаются и ходят, как тени и скелеты, с лицами желтыми, как воск, и стоит только другому, так сказать, глаза закрыть — и мертвец готов»²⁶.

Естественно, что при такой трагедии говорить о дальнейших исследованиях силами оставшихся в живых, но

---

²⁴ Личный архив А. И. Алексеева. Подлинник письма Н. К. Бошняка. 13 февраля 1854 г.

²⁵ Петров А. И. Указ. соч., с. 380.

²⁶ АВПр, ф. РАК, оп. 888, д. 389, л. 231.

измученных казаков и матросов поста не приходилось. Удалось лишь, и то с наступлением весны, описать Императорскую гавань и составить ее подробный план.

С Сахалина 22 февраля 1854 г. Буссе докладывал Невельскому: «Обращаясь к нашей внутренней жизни, мне не удастся ничего приятного сообщить Вам. Цинга и другие болезни, атаковавшие наших людей, возвысили число больных до 30 человек, так что, выключив из числа остальных 34, откомандированных с почтой и в разные должности (хлебопек, повар, собачники, слабые и т. д.), и часовых, едва набирается 15 человек для работы... С конца декабря мы имеем свежую пищу — пять раз в неделю щи из солонины и два раза щи из свежей рыбы, по воскресеньям пироги с кашей. Цинготным идет, кроме того, похлебка из тертой редьки с рубленой говядиной в квасе; в их щи прибавляется уксус. Команде отпускается с начатия цинги настойка разбавленного водой рома на полыни, по получарке перед обедом. Баня, выстроенная у нижней батареи на речке, топится в две недели раз; усиленные работы уже давно кончились; кажется, нет причины к увеличению числа больных. Что притворяющихся нет или, по крайней мере, редко случается, в этом я уверен, потому что я постоянно имею всех на глазах. Цинга, кажется, начинает ослабевать, по крайней мере все труднобольные поправляются»²⁷.

Не было на Сахалине и 35-градусных морозов. Были на Сахалине добрые соседи-айны, всегда приносившие свежую рыбу. Ничего похожего не имелось в Императорской гавани.

Уже через несколько дней после основания Муравьевского поста зимовавший вместе с Буссе лейтенант Рудановский начал серию командировок, длившихся всю зиму, по исследованию Южного Сахалина. Первая поездка длилась с 6 по 26 октября. Этой поездкой было положено начало систематическим исследованиям Южного Сахалина. В то же время в посту регулярно велись метеорологические наблюдения.

Несколько дней потребовалось Рудановскому, чтобы собраться в следующую поездку, продолжавшуюся с 29 октября по 14 ноября. На этот раз он путешествовал по восточному берегу зал. Анива. На шлюпке с гребцами и проводником-айном вышел Рудановский из Муравьев-

---

²⁷ Петров А. И. Указ. соч., с. 381—382.

ского поста. Ночевали, как правило, в населенных пунктах, жители которых радушно встречали исследователя и его спутников. Во время этих посещений он записывал все, что наблюдал: жилища, обряды, внешний вид айнов и их язык. В каждом селении проводился учет всех проживавших — своеобразная перепись населения. В эту поездку Рудановскому удалось добраться почти до самого мыса Анива, описать и нанести на карту все побережье, вдоль которого он прошел.

В третью поездку, совершенную для осмотра восточного берега, Рудановский описал окрестности Муравьевского поста и сделал промеры глубин близлежащих бухт.

Четвертая, основная поездка Рудановского проводилась по зимней дороге с 20 декабря 1853 г. по 18 января 1854 г. На этот раз с казаком Савватеем Березкиным и проводником-айном Серипонку он проехал на берег Охотского моря. Затем по берегу он поднялся до 48° с.ш. и здесь от сел. Мануя перевалил через хребет, выйдя на берег Татарского пролива, по которому проехал на юг, до мыса Крильон. На обратном пути путешественник снова перевалил через хребет и проехал по западному берегу зал. Анива до Муравьевского поста.

Как и раньше, в этой поездке Рудановский производил метеорологические наблюдения, составлял карту и подробно описывал пройденный путь. В выборе маршрутов помогали Рудановскому айны. Так, в сел. Найеро, недалеко от Ильинского поста, после беседы с айном Конокховани в дневнике Рудановского появилась запись: «Вечером, беседуя с ним, я написал список всех мысов и селений... После я увидел, что он очень верно мне продиктовал, так что я этим списком руководствовался и знал наперед, сколько придется проходить до Такмака худых мысов, т. е. утесистых мысов, которые нужно объезжать через хребет»²⁸.

С особой тщательностью описывал Рудановский зал. Идунка, бухты которого были хороши для стоянки морских судов и которые очень интересовали Невельского. Рудановский дал им общее название зал. Невельского и выделил из них две бухты — Такмака и Маока, составив их подробные планы и описания (теперь это порты Холмск и Невельск).

---

²⁸ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 389, л. 193.

Закончив длительное путешествие почти по всему Южному Сахалину, Рудановский больше месяца занимался разбором собранных обширных материалов. Когда предварительная обработка их была завершена, 23 февраля он отправился в пятую свою поездку. На этот раз предметом исследований послужил зал. Мордвинова, лежащий на восточном побережье Сахалина. Осмотрев и положив его на карту, Рудановский хотел ехать дальше вдоль побережья Охотского моря, но жестокие северо-восточные ветры, дувшие в течение нескольких дней, помешали ему. Пришлось возвратиться в Муравьевский пост.

Снабженный пель-компасом, секстаном, искусственным горизонтом и термометрами, Рудановский сумел провести обширную программу наблюдений. Из 250 дней, проведенных им на Сахалине, 140 он находился в поездках по острову. За время зимовки исследователь прошел на собаках, катерах, байдарках и пешком свыше 600 верст, обследовал большие пространства между 46 и 48° с.ш.

Рудановский открыл внутренние районы Южного Сахалина. Превосходно исполненное им географическое описание своих путешествий²⁹, к сожалению оставшееся неопубликованным, дополнено крайне интересным этнографическим обзором, озаглавленным «Замечания об южной части о-ва Сахалин и об туземцах». Рукопись состоит из нескольких частей. В первой из них рассказывается о составлении карты Южного Сахалина, о способах гидрографических работ, основных результатах и т. д.— иными словами, как составлялась карта. Во второй части, озаглавленной «Об естественном виде южной части острова Сахалина, произведениях и животных», рассказывает о рельефе, полезных ископаемых, растительности и животном мире. Третья часть рукописи посвящена описанию зал. Невельского. Это — первое навигационно-гидрографическое описание района, лоция части берега Южного Сахалина, расширенная специальными сведениями о торговле, этнографии, статистике. Наконец, в последней части «О жителях на южной части острова Сахалина» живо и интересно описана жизнь айнов.

Замечательны первые в истории Сахалина систематические метеорологические наблюдения. Они велись с 1 октября 1853 г. по 29 мая 1854 г. Измерялись темпера-

²⁹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 389, л. 206—230.

тура воздуха по Реомюру, сила и направление ветра, отмечалось состояние атмосферы. Наблюдения Рудановского вошли во многие последующие издания, например в состав «Очерка физической географии Северо-Японского моря» Л. И. Шренка (1869), в записки по гидрографии и метеорологии, в «Руководство для плавания Татарским или Сахалинским проливом и устьем реки Амура» А. А. Халезова, Н. И. Шарыпова и В. Шенурина (1865). Наконец, по составленным Н. В. Рудановским картам и планам были отпечатаны в 1867 г. карты средней и южной частей Сахалина в меркаторской проекции³⁰. Они основаны на 21 астрономическом определении, очень подробны, хорошо передают не только береговую черту, но также и строение рельефа внутренних частей острова. На картах десять врезок — частных планов бухт, заливов, устьев рек, мест, удобных для якорных стоянок.

Н. В. Рудановский служил на Дальнем Востоке до 1858 г. До конца работ Амурской экспедиции он был в ее составе, плавал на шхуне «Восток» с В. А. Римским-Корсаковым, занимался промерными работами в устье Амура. В 1856 г. он продолжил свои работы на Сахалине, на этот раз в средней части острова. В короткий срок он описал западный берег Сахалина от $47^{\circ}19'$ до $50^{\circ}30'$ с.ш., открыл в этом районе три новые каменноугольные россыпи, названные Путятинскими, Воздвиженскими и Отасу. Дальнейшая служба Рудановского проходила на Балтийском море. Умер он в 1882 г. Замечательный исследователь и путешественник по Сахалину и Приамурью, Николай Васильевич Рудановский заслуженно стоит в ряду пионеров освоения Дальнего Востока.

Биограф Г. И. Невельского адмирал А. К. Сиденснер, отмечая заслуги Н. В. Рудановского, писал: «Не вдаваясь в подробности его пути следования (а мы проследили его маршруты.— А. А.), достаточно сказать, что приведенный в записках Невельского журнал Рудановского занимает двадцать страниц, заключающих в себе одни только ценные географические сведения, изложенные так обстоятельно, как если бы это был обработанный отчет хорошо составленной экспедиции»³¹.

³⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23398. См.: Алексеев А. И. Карта Южного Сахалина.— Природа, 1966, № 2, с. 98—101. Публикация карт Рудановского.

³¹ Сиденснер А. К. Указ. соч., с. 100.

Если за время зимовки в Муравьевском посту умер всего один человек, то в Константиновском посту в Императорской гавани осталось навеки лежать 29 жертв первой зимовки. И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не приход корвета «Оливуца», командир которого капитан-лейтенант Н. Н. Назимов принял самые решительные меры, существенно повлиявшие на прекращение болезни и смертности: команду транспорта «Иртыш» перевели на судно (наступила вторая половина апреля и становилось теплее с каждым днем), а дом, занимаемый ею, превратили в лазарет, в котором и денно и нощно несли свою бессменную вахту врач и фельдшер с корвета. Две чарки вина в день, чай с ромом, консервы, появившаяся дичь (гуси и лебеди), а также свежий весенний воздух избавили зимовщиков от цинготного кошмара.

Командир транспорта «Николай I» М. Клиновстрем, несмотря на болезнь, без посторонней помощи сумел подготовить корабль для перехода в Русскую Америку. Так как командир транспорта «Иртыш» был тяжело болен, Н. Н. Назимов назначил своего старшего офицера Н. М. Чихачева (снова встретились друзья — Бошняк и Чихачев) командиром транспорта. Чихачев сумел сравнительно быстро привести его в порядок и выйти в море.

Зима 1853/54 г. была трудной и в Петровском и в Николаевском постах. Цинга была и там и тут, несмотря на то что продуктами экспедиция в эту зиму была обеспечена значительно лучше, чем в прошлую. Трудностей все же хватало, особенно семейным. Ощущался недостаток молока. Екатерина Ивановна Невельская каждый раз, когда кто-нибудь собирался в Николаевский порт, паказывала просить у А. И. Петрова хотя бы бутылку молока для своей больной Катеньки. Болела и сама Екатерина Ивановна, а она ждала весной ребенка.

1854 год начался у зимовщиков Петровского и Николаевского постов известием, всех обрадовавшим и больше всего доставившим удовольствие Геннадью Ивановичу Невельскому: от генерал-губернатора пришел указ царя об изъятии Амурской экспедиции из ведения Российско-Американской компании и о передаче ее «на полный отчет правительства». В этой связи Невельской издал приказ, в котором довел до сведения всех участников экспедиции о льготах офицеров, нижних чинов и вольнонаемных и приказал «при всех постах экспедиции поднять воен-

ные флаги, а флаги Р. А. Компании сдать в пакгаузы»³². В соответствии с приказом Муравьева все морские чины экспедиции были приписаны к 46-му флотскому экипажу, а казаки — к Амурской казачьей сотне Забайкальского войска.

17 января 1854 г. Муравьев писал Невельскому, что «война с англичанами, кажется, неизбежна», сообщал некоторые подробности принимаемых им мер, говорил, что на Дальний Восток первым кораблем прибудет фрегат «Паллада» и с ним шхуна «Восток», сообщал, что надеется «между 20 и 25 мая быть у Кизи», где просил Невельского его непременно встретить³³. В этом же письме, а также и в письме Корсакова говорилось о том, что в устье Амура спустится от 850 до 900 человек, впереди будет идти пароход. Невельскому и его офицерам предлагалось принять все меры к тому, чтобы встретить и устроить всех.

Невельской программу эту принял к неуклонному исполнению. Петров строил, но Невельской прекрасно понимал, что этого мало. Если Императорская гавань не была известна неприятелю, если он не знал подходов к лиману Амура и ничего не знал о проливе Невельского, то труднее обстояло дело с Сахалином, выставление постов на котором так блистательно было осуществлено Невельским и его сподвижниками. Свою точку зрения на вопрос о том, что делать с выставленными постами в случае войны, Невельской определил совершенно четко в письме Буссе от 1 марта 1854 г., в котором, в частности, говорилось: «... и в случае войны мы не должны оставлять острова, а только лишь уменьшить численность людей на оном и разместить остальных по постам, от 6 до 8 человек в каждом», таким образом, чтобы можно было, «пользуясь ныне известными нам путями», снабжать их во время войны продовольствием внутренними путями, по рекам³⁴.

Между тем после разгрома турецкого флота осенью 1853 г. в Синопской бухте Черноморским флотом под командованием адмирала П. С. Нахимова Англия и Франция ввели свои флоты в Черное море. 15 и 16 марта по-

---

³² ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 10, л. 1—1 об.

³³ Петров А. И. Указ. соч., с. 377. Письмо Муравьева Невельскому. 17 января 1854 г.

³⁴ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 301.

следовало официальное объявление войны России со стороны Великобритании и Франции. Когда эта весть дошла до дальневосточных рубежей нашей Родины, она не стала врасплох возглавляемую Г. И. Невельским Амурскую экспедицию.

Защита Дальнего Востока

Наступило время, когда Невельскому пришлось приостановить исследования и переключить все силы Амурской экспедиции и всю свою энергию на защиту Дальнего Востока, который готовился к обороне. Именно в это время важную роль сыграли действия Амурской экспедиции. За прошедшие с момента создания экспедиции годы многое было сделано: исследовано и нанесено на карту все Приамурье, побережье Татарского пролива от лимана Амура до Императорской гавани, весь о. Сахалин, на котором были открыты месторождения каменного угля; установились добрососедские отношения с местными жителями, были основаны русские посты — Петровское, Николаевский, Мариинский, Александровский, Константиновский, Ильинский и Муравьевский. Трудно представить, как сложились бы обстоятельства во время военных действий на Дальнем Востоке, если бы не решительность и настойчивость, проявленные Невельским при проведении своей программы исследовательских работ. Ведь до Амурской экспедиции Камчатку с Россией связывали главным образом только кругосветные плавания.

С открытием навигации по Амуру должен был спуститься Н. Н. Муравьев с целой флотилией, состоящей из выстроенного на Шилке, в Сретенске, парохода «Аргунь» и барж, сплавных средств, нагруженных продовольствием и снаряжением. Все это Невельской должен был «пропустить» через Амурскую экспедицию — принять, разместить, частично отправить на Камчатку.

Чтобы принять такое количество людей, нужно было много строить. Строительством Николаевского поста по-прежнему занимался хозяйственный А. И. Петров, неплохо распорядился в Мариинском и Г. Д. Разградский. Петровское не оправдало возлагавшихся на него надежд. Петровская кошка, на которой было построено Петровское, оказалась малопригодной для жилья: она часто затапливалась в летнее и осеннее время, а зимой заноси-

лась по крыши домов снегом. Николаевский же пост, выставленный на самом бойком месте, в устье Амура, имел значительные преимущества, которые делали его центром русской жизни на Амуре. Поэтому ему и Мариинскому посту Невельской и уделял сейчас главное внимание.

Если посмотреть переписку Невельского с Петровым за март-апрель 1854 г., то главное место в ней занимают вопросы строительства. Петров сообщает своему начальнику, что уже готово, высказывает свои предположения, как сделать лучше, а Невельской, вдаваясь во все тонкости стройки, дает ему наставления, что делать в первую очередь, а с чем можно подождать. 31 марта, например, он писал — наставлял Петрова: «1. У часовни потолок не подымать и фронтона не делать. 2. Лестницу сделать на увал. 3. Когда будет возможно — первое, начать казарму...» и т. д. И в каждом письме Невельской от имени большой Катеньки просит бутылочку молока.

2 апреля Екатерина Ивановна родила вторую дочь, которую назвали Ольгой, а маленькая Катенька в это время тяжело болела. 3 апреля, еще не зная о рождении второй дочери у Невельских, Петров, посылая очередную бутылку молока, писал: «Очень сожалею, что с этой нартой я не могу послать две бутылки молока; хотя и две коровы доятся, но очень мало, менее одной бутылки в день...; но со следующим разом, который, вероятно, будет, я Вам pošлю, сколько накопится»¹.

Петров в точности исполнял все распоряжения Невельского. 5 апреля Александр Васильевич Бачманов, посланный специально в Александровский пост, куда должны были прийти корабли Е. В. Путятина, проездом через Николаевский пост, писал Невельскому: «Здесь, в Николаевске, все обстоит благополучно. Петров распоряжается отлично и большой хозяин, я ему передал все распоряжения Ваши о постройках... Казарма начнется около 25 апреля, а флигель около 1 июня. Лестница будет делаться около 10 мая по сходе снега — конечно, это дело временное, ибо впоследствии необходимо ее перенести на другое место, но на первое время она неизбежна на этом месте, которое для этого самое удобное. В настоящее время правят и готовят бревна для казармы и флигеля. Офицерский флигель по возможности исправлен,

---

¹ Алексеев А. И. Хозяйка залива Счастья. Хабаровск, 1981, с. 133.

навешивают двери и столярничают по возможности. Люди живут хорошо, едят хорошо и смотрят весело...»².

Все заботы о строительстве Невельской передал Петрову и Бачманову с Разградским. В этот же день он написал Петрову, что получил известие об объявлении войны с Англией, и просил его обязательно приготовить байдару и четверку к 10 мая, когда он сам собирался прибыть в Николаевский пост, чтобы оттуда идти встречать сплав. С этой же почтой Невельской получил и правительственное предписание Е. В. Путятину, которое немедленно препроводил Бачманову в Александровский пост. В письме Путятину Невельской сообщал, что он будет сам в Кизи «как бы то ни было, хотя по горло в воде, непременно между 15-м и 16-м мая»³.

Для этого он, оставив больную жену с грудным ребенком и тяжело больной старшей дочкой, 4 мая по бездорожью выехал из Петровского. Только 9 мая он сумел попасть в Николаевский пост и все-таки 15 мая появился в Мариинском. Взяв с собой Разградского, Невельской отсюда направился вверх по Амуру на долгожданную встречу с Муравьевым. 24 мая они прибыли на устье р. Гур и тут трое суток ждали сплав, которого не было видно. Тогда Невельской решил подняться выше по реке и 4 июня остановился у сел. Омой. Впереди никого и ничего не было видно— Геннадий Иванович просто не знал, что думать и как поступить.

Его размышления были прерваны появлением нарочного с письмами. Новостей было много. Главная — известие о прибытии эскадры Е. В. Путятин в Императорскую гавань и транспортов «Иртыш» и «Двина» в зал. Де-Кастри. Эти новости по поручению Пугатина доставил В. А. Римский-Корсаков, пришедший на шхуне «Восток» в зал. Де-Кастри. Воспользовался оказией и Бошняк, который доложил Невельскому о событиях последних дней в Императорской гавани. Он сообщил о прибытии в гавань фрегата «Паллада» и шхуны «Восток»: «По случаю военных действий адмирал (Е. В. Путятин.— А. А.) решил зазимовать для скрывательства от английских и французских крейсеров здесь. С этой целью уже начали укреплять гавань и работы производятся деятельныя. Путятин остается в том предположении, что

---

² Петров А. И. Указ. соч., с. 382.

³ Там же, с. 384.

генерал-губернатору сообщение, конечно, известно о войне и он не замедлит доставить продовольствие на эскадру, которого потребуется: муки аржаной до 24 000 пудов, крупы до 3000 пудов, мяса до 2500, сахару до 500 пудов, чаю до 60 пачек, вина крепкого до 4000 ведер. Ожидает, что все будет спущено по Амуру и частью доставлено чрез Аян. Кажется, адмирал намерен послать в последний (т. е. в Аян—А. А.) „Николай“ или „Меншиков“. Об Аниве при настоящем положении он слова почти не говорит. Туда послал „Меншикова“, кажется, снять пост по случаю военных действий, вернуть „Иртыш“ и „Николай“, если они там, обратно в гавань, от которой, между прочим, адмирал в восторге, и, как говорят, он уже писал о необходимости занять гавань и принял на себя изменить распоряжение правительства, то есть нейти на зимовку в Кастри, а остаться в гавани. Он горит нетерпением связаться с генералом и с Вами, чтобы узнать относительно продовольствия и распоряжений правительства»⁴. Из письма далее видно, что Бошняк был готов к тому, чтобы зимовать по крайней мере еще раз, и он обращался к Невельскому с просьбой обеспечить присылку не менее сотни оленей, так как если эскадра останется на зимовку в гавани, то «все это надобно поскорее *для предупреждения цынги* (подчеркнуто Бошняком.— А. А.), потому что если она будет, то все пропало»⁵.

К счастью, зимовать Бошняку еще раз не пришлось, а все корабли были введены в лиман Амура и на рейд Николаевского поста, за исключением фрегата «Паллада». Получив такие известия, Невельской вынужден был оставить Разградского одного, поручив ему встречать Муравьева и сплав.

В освоении Приамурья наступал новый период, период хозяйственного использования исследованных экспедицией Г. И. Невельского земель. Этим сложным процессом стала руководить новая администрация во главе с Н. Н. Муравьевым.

Невельской тогда мог только смутно догадываться обо всем этом. А сейчас он спешил. 11 июня успел по бездорожью и грязи, проделав путь от Кизи до Де-Кастри пешком, как он выражался, «по горло в грязи», появиться в Александровском посту, где застал транспорты «Иртыш»

⁴ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 142—142 об.

⁵ Там же.

и «Двина», а также шхуну «Восток». Тут же оказался и транспорт «Байкал», прибывший сюда с провиантом для Амурской экспедиции. Римский-Корсаков передал Невельскому письма Путятина Муравьеву. Геннадию Ивановичу очень не по душе пришлось распоряжение Путятина о снятии Муравьевского поста на Сахалине.

Но предпринять что-либо он не имел права, да и не успел бы, так как через несколько часов после его прибытия в Де-Кастри туда пришло известие о том, что Муравьев на пароходе «Аргунь» приближается к Мариинскому посту. В письме от 11 июня Муравьев писал Невельскому, что опоздание было вызвано внезапным штормом, который раскидал баржи, часть груза подмокла, часть утонула. Он выражал удивление тем, что в Императорской гавани умерло так много людей, и далее распорядился: «Дайте знать в Де-Кастри, что я буду там 15-го числа с. м. и со мною 400 человек для Камчатки, а до тех пор ни одному судну ни откуда уходить не следует»⁶.

Конечно, получив такое известие, Невельской не мог более оставаться в Де-Кастри — там оставался за него Бачманов — и пешком отправился в Мариинский пост, где стал ожидать прибытия Муравьева, чтобы затем вместе отправиться в Императорскую гавань. Но ждать просто он не мог и пошел навстречу сплаву. В семи верстах от Мариинского поста 12 июня произошла эта встреча. Мы не знаем подробностей — ни в каких письмах и записках об этом нет ни слова, но можно предполагать, что прямолинейный Невельской высказал Муравьеву от души все, что думал.

После того как все вопросы в Мариинском были решены, Муравьев вслед за основным отрядом под командованием капитана 1-го ранга А. П. Арбузова отправился в Александровский пост. Невельской его сопровождал. Из Де-Кастри генерал-губернатор решил идти на шхуне в Императорскую гавань, а Невельскому было приказано отправляться в Николаевский пост, где и ожидать прибытия Муравьева.

Ну а Невельского ждала в Мариинском тяжелейшая весть — письмо доктора Евгения Григорьевича Орлова из Петровского от 7 июня о смерти 12 мая первенца — дочери Кати и о тяжелом состоянии Е. И. Невельской, ко-

---

⁶ Петров А. И. Указ. соч., с. 387. Письмо Муравьева Невельскому, 11 июня 1854 г.

торая перенесла цингу и находилась теперь в таком состоянии, которое врач в письме охарактеризовал как не очень утешительное. Трудно теперь сказать, почему так долго не ставили Невельского в известность о таком при- скорбном событии. Может быть, берегли, а возможно, не было okazji передать известие адресату: наступила распутица.

Невельской немедленно на байдаре отправился в Петровское. Теперь он боялся за жену: «Жену я застал едва оправившейся от этой потери и тяжелой болезни. Тяжело было нам, родителям, видеть могилу нашей малютки на пустынной Петровской кошке! Тяжко было испытание это нам и без того отрезанным пустыней от всего света, но, что делать,—эта жертва, тяжкая для нас, была данью исполнения долга, направленного к благу отечества»⁷.

Горе Невельских разделяли все сослуживцы и местные жители. Весьма кстати оказался прибывший брат Екатерины Ивановны, мичман Николай Иванович Ельчанинов. Но пребывание Геннадия Ивановича в Петровском и на сей раз было кратковременным. Он знал, что Муравьев намерен вскоре прибыть в Николаевский пост и что он, Невельской, должен быть там. Надо было решать и вопросы переноса «столицы» Амурской экспедиции из Петровского в Николаевский пост.

Не успел Геннадий Иванович прибыть в Николаевский пост, как ему стало известно, что Муравьев на шхуне «Восток», выйдя 22 июня из Императорской гавани, отправился в лиман, намереваясь впервые пройти его на всем его протяжении и выйти в зал. Счастья, в Петровское. Поэтому он поспешил обратно и успел к приходу шхуны «Восток», появившейся на рейде рано утром 2 июля. Бошняк и его спутники Белохвостов и Парфентьев отправились, несмотря на плохую погоду, на байдаре в Петровское с письмом титулярного советника Н. Д. Свербеева (из свиты генерал-губернатора), в котором Невельской извещался о прибытии Муравьева⁸. Байдара перевернулась, и Бошняк чудом выбрался на берег. Сопровождавшие его казаки утонули.

С прибытием на устье Амура Муравьева, а затем Путьятина, которое было вызвано в основном военными действиями на Дальнем Востоке, и со значительным увели-

⁷ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 317

⁸ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 22, л. 70.

чением личного состава на всех постах, выставленных Амурской экспедицией, существенно изменились и обязанности начальника экспедиции. Пока высокие гости были в Петровском или в Николаевском посту, Невельской почти безотлучно находился при них. В лимане Амурской и вблизи Николаевского поста выбирались места для строительства батарей и укреплений, ибо центром сосредоточения русских войск на Дальнем Востоке становился Николаевский пост.

После ухода Муравьева из Императорской гавани Путятин распорядился прекратить фортификационные работы в бух. Постовая. А 12 июля он сообщил Невельскому: «Извещая Вас о прибытии своем с фрегатом „Паллада“ в залив Де-Кастри, покорнейше прошу выслать, буде возможно, на встречу мне, по Амурскому фарватеру, баржи, или другия, какия имеются в Вашем распоряжении, суда, для складки на оныя части груза фрегата, который с разрешения г. Генерал-Губернатора Восточной Сибири положено ввести в реку Амур»⁹. В это же время в зал. Де-Кастри пришел фрегат «Диана», присланный на смену устаревшему фрегату «Паллада». Командиром на нем был Степан Степанович Лесовский.

26 июля в Николаевском посту состоялась вторая встреча Муравьева с Путятиным. Провожая Путятину на пароходе «Аргунь», Невельской пытался сам искать в лимане фарватер, глубина которого позволила бы провести фрегат «Паллада» в устье Амурской. К сожалению, такого фарватера не существует, поэтому пришлось разоружить фрегат у мыса Лазарева и уж затем, значительно облегченный, попытаться ввести. Руководил этими работами по вводу фрегата «Паллада» в устье Амурской лейтенант Яков Иванович Купреянов, сын адмирала Ивана Антоновича Купреянова, за братом которого была замужем Мария Ивановна Невельская — родная сестра Геннадия Ивановича.

Вообще, фрегат «Паллада» доставил немало хлопот всем участникам Амурской экспедиции, и особенно Г. И. Невельскому, которого даже и после потопления фрегата в Императорской гавани долгое время понапрасну обвиняли в гибели фрегата. Но это потом, а тогда Невельской, проводив Путятину, провожал теперь и Муравьева, который отправлялся на шхуне «Восток» из Петровского в Аян со всей свитой. На шхуне уходили и мно-

---

⁹ ЦГАВМФ, ф. 1374, оп. 1, д. 27, л. 249—249 об.

гие офицеры фрегата «Паллада», который в конце концов был снова отбуксирован в Императорскую гавань и поставлен там, в бухте Постовая, на зимовку под присмотром группы матросов во главе со штурманским офицером Дмитрием Семеновичем Кузнецовым.

В те дни, когда Муравьев со штабом находился в Петровском, там произошло событие, доставившее Невельскому несколько радостных минут. Его родной транспорт «Байкал» стал первым и, кажется, единственным парусным судном, прошедшим по всему лиману Амура — от пролива Невельского до зал. Счастья. Командовал тогда «Байкалом» Никита Ильич Шарыпов. Подходя к Петровскому, Шарыпов услышал салют из пушек, а дальше произошло вот что: «Его Превосходительство (Н. Н. Муравьев.— А. А.) только что завидел меня в прихожей, подбежал ко мне с г. Невельским. Во-первых, спросил, все ли благополучно, и три раза поцеловал, затем спросил, сколько раз становились на мель при проходе по лиману, я отвечал — ни разу; опять три раза поцеловал, и, наконец, на вопрос — в продолжение скольких дней был под парусами, я отвечал — с 5 по 13 августа, по несколько часов в сутки — еще три раза поцеловал; после этого г. Невельской также начал меня целовать. В зале, где это происходило, было до 15 человек, в том числе две дамы, и все были в величайшем восторге, и в особенности Генерал (Н. Н. Муравьев.— А. А.) и г. Невельской от того, что „Байкал“ прошел через лиман благополучно»¹⁰.

Судя по сохранившемуся письму Е. И. Невельской своему дяде Н. М. Ельчанинову, которое она отправила со шхуной, Муравьев обещал Невельским на следующий год отпуск на год, и она сообщала об этом с превеликой радостью своим родным: у Геннадия Ивановича действительно завершался пятилетний срок службы на Дальнем Востоке и он получал право на пенсию «и мы надеемся, — писала Екатерина Ивановна, — обеспечив себя таким образом, выехать летом если не навсегда, то по крайней мере в отпуск на целый год...»¹¹.

Покинув 15 августа на шхуне «Восток» Петровское, Муравьев обещал Невельскому сразу же возвратить шхуну для того, чтобы с ее помощью еще раз попытаться ввести фрегат «Паллада» в лиман и в устье реки. Он на-

¹⁰ РОГПБ, ф. 1958, 223, л. 68 об. Записки Н. И. Шарыпова.

¹¹ Алексеев А. И. Хозяйка залива Счастья, с. 140.

стаивал, чтобы Невельской как можно скорее покинул Петровское, которое оказалось по природным условиям малопригодным для поселения. Кроме того, его мог быстро обнаружить неприятель. Поэтому в нем оставлялись лишь склады и караул во главе с Д. И. Орловым. Муравьев наказывал как можно больше строить жилья и паггаузов, возводить батареи на мысах Куегда, Мео и Чныррах (район Николаевского поста.— А. А.), делать как можно больше лодок, байдар, барж, строить по возможности пристани.

Невельской сравнительно быстро исполнил основное поручение о перебазировании в Николаевский пост. Но сам он с семьей жил в Петровском до 26 октября: все надеялся на возвращение шхуны. Позже выяснилось, что Муравьеву пришлось срочно послать ее на Камчатку. Ну а тем временем кончался август, ждать было нельзя, и Невельские со всем скарбом на катере и вельботе отправились в плавание — из Петровского через устье Амура в Николаевский пост. По пути они попали в шторм — пришлось выбрасываться на берег. Двое суток жили у гыляков и только к вечеру 1 сентября добрались до нового домика в Николаевском посту, любовно приготовленного А. И. Петровым.

Старания А. И. Петрова по строительству Николаевского поста (теперь уже мало кто называл его постом) не были напрасными. 23 сентября в Николаевский пост прибыло около 380 человек — офицеры и команда с «Паллады». Офицеров сумели сразу же разместить в готовых уже домах, а команду — сначала в палатках. На счастье, стояла хорошая, типично дальневосточная осенняя погода, позволившая уже к середине октября выстроить огромную казарму, в которой и были размещены все матросы и старшины с фрегата.

21 октября В. А. Римский-Корсаков привез известие о Петропавловском сражении¹². На следующий день Невельской перед строем всей команды на площадке у флагштока зачитал донесение и поздравил всех со славной победой защитников Петропавловска. В ясном и тихом небе трижды прозвучало громкое «ура».

---

¹² Об обороне Петропавловска см.: *Степанов А. А.* Петропавловская оборона. Хабаровск, 1954; *Алексеев А. И.* Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974; *Он же:* Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 242—258.

Шхуна «Восток» осталась зимовать в зал. Счастья под присмотром старшего помощника Н. В. Рудановского и механика И. И. Зарубина, В. А. Римский-Корсаков приехал в Николаевский пост.

Несмотря на славную победу доблестных защитников Петропавловска, подтвердилась правота взглядов Невельского, который неоднократно говорил Муравьеву, что главное внимание следует обратить не на Камчатку, а на устье Амура. В письме от 3 декабря 1854 г. управляющий морским министерством изложил Муравьеву позицию правительства: «В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот наш и который мы в состоянии защищать, если соединим в нем все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтете ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а, напротив, оттуда вывести оныя, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морская учреждения упразднить, суда и экипажи вывести и все военные способы сосредоточить в Амуре»¹³.

Муравьеву оставалось только отдать соответствующее распоряжение Завойко, а Невельскому предписать готовиться к встрече гарнизона Петропавловского порта и укрепить Александровский пост в зал. Де-Кастри, входы в лиман Амура, так как было ясно, что, найдя Петропавловск оставленным, неприятель будет искать эскадру по всем гаваням побережья, в первую очередь в Аяне и в зал. Де-Кастри, хорошо им известным. Муравьев знал, что Невельской против укрепления Камчатки, он знал также, что вел. кн. Константин всегда прислушивался к мнению своего давнего сослуживца — Невельского, он был осведомлен, что советчиком вел. кн. Константина во всех делах оставался адмирал Ф. П. Литке, покровительствовавший своему ученику — Невельскому.

Зима проходила в обычных хлопотах — строительство было по-прежнему на первом месте. Но выдавались и свободные праздничные дни, когда все собирались, как правило, у Невельских. А. И. Петров оставил воспоминания, связанные с такими днями. «По праздникам по вечерам собирались у Невельского — играли в карты. Невельской часто играл с нами, но с ним играть было несносно. Он

---

¹³ ЦГАОР, ф. 722, оп. 1, д. 209, л. 2.

вечно заговаривался, то толкуя мне, чтобы перевозить и заготавливать сено, то начинал рассчитывать, сколько на какое здание пойдет тесу, так что начнет тасовать колоду, не дожидаясь конца... Случались у Невельского и большие праздники, когда собиралось все офицерство, и танцы. Кто-то из молодежи играл на плохоньком фортепьяно с фрегата „Паллада“. Дамы были две: Невельская и Бачманова, но кавалеры заменяли дам и плясали до упада. Даже и Геннадий Иванович пускался в кадрили, но только всегда все путал. В большие праздники все офицерство собиралось обедать у Невельского... На праздниках предавались разным увлечениям. Были устроены горы, качели. Устраивались как в казармах, так и в семействах у казаков вечера. На семейных вечерах бывало и офицерство. Но самое приятное для нас развлечение — это было устройство театра. Играли офицеры и две дамы: Невельская и Бачманова. Играли „Городничьево“, „Женитьбу“ и др. Этот театр такое мне оставил впечатление, что я до сих пор помню некоторых, кто играл»¹⁴. Новый год встречали, также по свидетельству А. И. Петрова, почти все у Г. И. Невельского¹⁵.

В январе 1855 г. почта принесла известие о том, что 25 августа 1854 г. Г. И. Невельской произведен в контр-адмиралы¹⁶.

Все от души поздравляли Геннадия Ивановича. Радовался и он сам, и Екатерина Ивановна. С удвоенной энергией начал Невельской готовить устье Амура к обороне и принятию войск Петропавловского гарнизона и второго сплава. Были назначены офицеры, ответственные за возведение батарей, и определены места постройки этих батарей. Продолжалось строительство Николаевского поста. Ведь на зиму в нем сосредоточилось 820 человек, в Мариинском — около 150 человек, в Петровском — шхуна «Восток» и 15 человек во главе с Д. И. Орловым. А всего на устье Амура зимовало более тысячи человек. Вот во что вылилось начинание Невельского — 25 зимовщиков Петровского зимовья!

5 мая в зал. Де-Кастри прибыли суда Камчатской флотилии с гарнизоном и семьями военнослужащих. Не-

---

¹⁴ Петров А. И. Указ. соч., с. 195.

¹⁵ Там же, с. 196.

¹⁶ ГАКО, ф. 121, оп. 2, д. 237.

вельской немедленно направился туда. Затем начались заботы по проводке судов в устье Амура. Как и следовало ожидать, не застав в Петропавловске русской эскадры и военного гарнизона, англо-французская эскадра прихотила к Аяну, к зал. Де-Кастри, бомбардировала его, но русскую эскадру, ушедшую по настоянию Невельского в лиман и в устье Амура, не нашла.

Тем временем в Иркутске был решен вопрос о ликвидации Амурской экспедиции. 25 февраля 1855 г. Муравьев писал Корсакову на Шилкинский завод: «Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе исполняющим должность начальника штаба; Завойку — начальником всех морских сил, а тебя — всех сухопутных, разумеется, по прибытии твоём в Кизи; для дела же будут при мне дежурный штаб-офицер по морской части Оболенский и по сухопутной не знаю еще кто. Таким образом, Невельской с громким названием не будет никому мешать и докончит свое там поприще *почетно* (выделено Муравьевым.— А. А.)»¹⁷.

После военных действий в зал. Де-Кастри Невельской 18 мая через Мариинский пост возвратился в Николаевский пост. Но как раз в этот же день суда Камчатской флотилии подошли к мысу Лазарева, и Невельской, не отдыхая, по лиману ушел туда. Таким образом, у мыса Лазарева оказались «Аврора», «Оливуца», «Двина», «Иртыш», «Байкал», «Камчадал». Вскоре туда же пришел и Путятин на шхуне «Хеда».

Г. И. Невельской в письме М. С. Корсакову пишет: «Итак, все хорошо, но болезнь жены меня сокрушает. После смерти Кати, когда жена испугалась, с нею делаются истеричные припадки... Ей нужно уехать хотя бы на год... Если он (Муравьев.— А. А.) найдет возможность — если это будет так, то откровенно Вам скажу — этим дали бы и мне отдохнуть немножко и увидеть мою старуху-матушку; будет уже 5 лет, как я не видел старуху»¹⁸. Он так и не увидел ее: в 1854 г. она умерла в Кинешме, в вотчине Невельских и Купреяновых.

Сплав 1855 г. состоял из трех отрядов. Первым был Муравьев с супругой Екатериной Николаевной, за ним — второй, из 52 барж с 11-м линейным батальо-

¹⁷ ЦГАМ, ф. 864, оп. 1, д. 2, л. 827—827 об.

¹⁸ ЦГАМ, ф. 864, оп. 1, д. 2, л. 865 об.

ном под командой Андрея Андреевича Назимова и третий — из 35 барж под командой М. С. Корсакова. Со сплавом прибыла научная экспедиция Сибирского отдела Русского географического общества под руководством Р. К. Маака и при участии астронома Д. П. Рашкова, топографа Зончевского и чиновника Кочетова. С этим сплавом прибыли иркутские и забайкальские крестьяне — поселенцы, которые основали весной—летом 1855 г. русские селения-станции на левом берегу Амура: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергиевское и Воскресенское. Поселенцы получили денежное и вещевое пособие и навсегда были освобождены от рекрутской, земской и подводной повинности.

27 мая 1855 г. от Муравьева, прибывшего в Мариинский пост с передовым отрядом, в Николаевск прибыл мичман Константин Федорович Литке — сын прославленного русского ученого и мореплавателя. Он привез Невельскому приказ о расформировании Амурской экспедиции. Вот как это предписание, которое мы не смогли разыскать в архивах, передано самим Невельским:

«1. Амурская экспедиция заменяется управлением Камчатского губернатора контр-адмирала Завойко, местопребыванием которого назначается Николаевское.

2. Вы назначаетесь начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами Приамурского края.

3. Все чины, состоящие в Амурской экспедиции, поступают под начальство контр-адмирала Завойко...»¹⁹.

Не дожидаясь прибытия Завойко, к которому Невельской не питал особых симпатий, он сдал обязанности начальника экспедиции своему заместителю А. В. Бачманову и перебрался в Мариинский пост, где занял две комнаты в доме, который ранее занимал А. А. Назимов. Сослуживцами его теперь стали М. С. Корсаков, А. В. Оболенский, А. Н. Сеславин, Н. М. Чихачев и некоторые другие офицеры и чиновники. И Геннадий Иванович начал новую службу с того, что представил Муравьеву отчет о деятельности Амурской экспедиции. Он подчеркнул, что экспедиция обошлась государственной казне за все пять лет в 64 тыс. рублей серебром. Особенно подчеркивался мирный характер экспедиции.

¹⁹ Невельской Г. И. Указ, соч., с. 343.

За все пять лет не было сделано ни одного выстрела. За это же время не было ни единого инцидента с местными жителями, которые были частыми гостями в русских постах, куда приезжали торговать и обмениваться новостями. В Мариинском у Невельских 8 августа 1855 г. родилась дочь Мария. Ее крестными родителями стали Н. Н. Муравьев и его жена, Екатерина Николаевна, которые вскоре после этого уехали с Амура.

Завойко с помощью офицеров бывшей Амурской экспедиции удалось ввести корабли в Амур и сосредоточить их в Николаевске. Кстати, сам Завойко жил теперь в доме Невельского. Лишь один фрегат «Паллада» остался в Императорской гавани, да шхуна «Восток» перешла к Мариинскому посту, где и встала на зимовку. Англо-французская эскадра, как и ожидалось, рыскала по дальневосточным морям в поисках как в воду канувших русских кораблей. Высаживались они 9 июля в Аяне, жители которого были эвакуированы на 16-ю версту. Затем они блокировали известные им северные подходы к устью Амура, где им удалось перехватить бриг Российско-Американской компании «Охотск». Но команда высадилась на шлюпки, а бриг взорвала. В этом же деле отличился участник Амурской экспедиции А. И. Воронин. В октябре 1855 г. неприятель побывал в зал. Де-Кастри, высадил там десант, но был сброшен в море усилиями отрядов, которыми командовали есаул П. П. Пузинó, капитан Кузьменко и брат Е. И. Невельской мичман Н. И. Ельчанинов. Все эти три дня, с 7 по 9 октября, в Александровском посту находился и Г. И. Невельской, возглавивший оборону зал. Де-Кастри.

Надо сказать, что первоначально предполагалось, что Невельской и Завойко с семьями выедут с Дальнего Востока в 1855 г.—договоренность с Муравьевым была полная. Но обе семьи рассчитывали подняться на шхуне «Восток» по Амуру до Шилки, а оттуда обычным путем добраться до Иркутска и далее — в Петербург. Но шхуна «Восток» по разным причинам не успела приготовиться к выходу, главным образом из-за позднего времени и из-за того, что, по сведениям, полученным от участников сплава, шхуна могла застрять в некоторых местах реки — не пройти. Зная об этом, т. е. о том, что Невельской не сумел выехать с Амура, Муравьев в письме из Аяна от 19 октября лишний раз предписывал Завойко, который,

таким образом, оставался еще на зиму в своей должности: «Повторяю сказанное мною Вам при отъезде, чтоб Невельского никаким делом не обременять, а иметь его в виду как частного человека, проживающего в Мариинском poste, которому мы обязаны оказать всякое содействие для спокойной жизни... он у нас только в гостях на эту зиму, и мы, как гостеприимные хозяева, должны гостя беречь, но никак не затруднять»²⁰.

В. С. Завойко предписал Разградскому ехать в Императорскую гавань и там потопить фрегат «Паллада», чтобы он не достался весной 1856 г. в качестве почетного трофея неприятелю, который все-таки узнал о существовании гавани. Конечно, Разградский, прибыв в Мариинский пост, зашел к Невельскому и все тому рассказал. Геннадий Иванович приостановил исполнение приказа Завойко и послал к нему Разградского со следующим посланием: «В уничтожении фрегата „Паллада“ не предстоит ныне ни малейшей крайности, потому что до вскрытия Императорской гавани, до мая месяца 1856 года, может последовать перемирие и даже мир, а потому нужно только доставить туда просимые Кузнецовым продовольственные запасы, что весьма легко сделать по пути, идущему в Императорскую гавань... и подтвердить Кузнецову, в случае, если мира не последует и неприятель войдет с целью завладеть фрегатом, действовать в точности согласно данным ему инструкциям, то есть взорвать фрегат, а самому с людьми отступить в лес... Подобное действие будет иметь гораздо большее влияние на неприятеля в нашу пользу, чем затопление без всякой еще крайности фрегата, который может быть выведен из гавани, в случае наступления мира, с весной 1856 года»²¹.

16 декабря 1855 г. Завойко ответил Невельскому, что имеет на такое приказание распоряжение свыше — от Муравьева и просит строго предписать Разградскому исполнить приказание. Разградский прорубил днище фрегата, околот корпус ото льда и затопил его на том месте, где он стоял. После чего с Д. С. Кузнецовым и командой его поста 1 марта 1856 г. ушел из Императорской гавани и возвратился в Николаевск 20 марта.

---

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 1565, д. 6, л. 57.

²¹ Невельской Г. И. Указ. соч., с. 358.

С наступлением весны Невельские и с ними Н. И. Ельчанинов стали подниматься на большой лодке вверх по Амуру, намереваясь повторить путь, который в прошлом году не удалось совершить на шхуне. Через Аян Невельской не отважился с семьей идти, так как англо-французские боевые корабли контролировали Охотское море. С Мариинским постом распрощались 9 мая и плыли вверх по Амуру до 6 июня. В этот день встретили, сделав уже более 600 верст от Мариинского поста, передовой отряд очередного сплава, которым командовал старый сослуживец Невельского Н. М. Чихачев. Тот сообщил ему о заключении мира. Поэтому Невельской решил вернуться в Петербург через Аян.

В Мариинском посту Невельские перебрались на шхуну «Восток», которая доставила их в основанный когда-то Геннадием Ивановичем Николаевск. Было 20 июня. В ожидании готовности «Иртыша», на котором они должны были идти в Аян, Невельские обосновались в первом этаже клуба офицеров. Ни в какие распоряжения Геннадий Иванович не вмешивался, как, впрочем, и Завойко, ожидавший отправки на том же «Иртыше».

В середине июля Невельские навсегда покинули Дальний Восток. Им предстоял долгий путь через Сибирь в Петербург. Закончилась навсегда для Невельского, его семьи, для многих его верных сподвижников амурская эпопея. Долгие годы Невельской упорно шел к цели. Он добился своего, но не для себя. Россия навсегда прочно встала на своих дальневосточных рубежах.

Далеко от Амура, но навеки с ним

По Аянскому, новому тракту дети ехали в специально приготовленных люльках-корзинках, притороченных по бокам лошади, женщины — в дамских седлах-креслах. По рекам плыли в лодках и сравнительно быстро добрались до Якутска. Еще немного плавания по величавой Лене, и в середине сентября путешественники были уже в родном Иркутске. Но теперь тут не было родных, только знакомые. И Невельские остановились в городе лишь для оформления необходимых документов, визитов и отдыха. Ну а от Иркутска до Красноярска по сибирским масштабам, да еще по налаженной дороге, не так уж и далеко, и 21 сентября столь долгожданная встреча с род-

ными состоялась в Красноярске, где жили Александра Ивановна Мазарович, сестра Екатерины Ивановны, и ее муж Иван Семенович Мазарович. В сентябре 1856 г. сестры встретились после разлуки в Иркутске в 1851 г.

Невельской, после семейного совета, оставил тут семью и направился в Петербург. Он хотел сначала вернуться за семьей, но выяснилось, что Мазаровичи едут в Москву. Там рядом была Кинешма, в которой жила сестра с детьми и где был и его дом. А в Кинешемском уезде Костромской губернии у Невельского были и хозяйственные интересы. Согласно купчей крепости, совершенной 22 мая 1842 г. в Петербурге, и раздельному акту от 9 октября 1842 г. ему лично принадлежали сельцо Аннино и д. Крутово. Другими деревнями распоряжалась его сестра, Мария Ивановна Купреянова¹.

Более двух лет назад в Кинешме умерла мать. На ее могиле, на кладбище Преображенской церкви, позже Геннадий Иванович поставил плиту, на которой написано, что здесь погребена Феодосия Тимофеевна Невельская, мать адмирала Геннадия Ивановича Невельского, скончавшаяся «27 июля 1854 г., жития ея было 67 лет»². Возможно, что уже в этот приезд Невельской побывал и в д. Дракино, которая после смерти брата Алексея осталась без присмотра. Поредела семья Невельских: сестра Ольга умерла в 1840 г., Лариса — в 1841-м, единственный брат Алексей, капитан Вильненского егерского полка, умер 17 сентября 1855 г. от ран, полученных при штурме Карса. Оставалась в живых единственная сестра Мария, рано овдовевшая и постоянно проживавшая в Кинешме. Все заботы по управлению деревнями, принадлежавшими ей и брату, лежали всецело на ней. И теперь, по возвращении брата с Дальнего Востока, городская, а точнее, пригородная усадьба Купреяновых стала и усадьбой Невельских.

В Петербурге Невельской снял квартиру на бывшей Сергиевской улице (теперь ул. Чайковского), в доме № 46. Забегая вперед, скажем, что прожили тут Невельские до конца жизни, выезжая только на сезон-два на другую квартиру во время ремонта дома.

Вот какой портрет Г. И. Невельского оставил человек, любивший его и близко знавший, — А. К. Сиденснер:

---

¹ ГАИО, ф. 903, оп. 1, д. 1851 и 3590.

² Русский провинциальный некрополь. М., 1914, т. 1, с. 598.

«Небольшого роста, очень подвижный, беспокойного нрава, крайне выпыльчивый, Геннадий Иванович Невельской отличался выдающимися способностями, пытливым умом, железной волей, благородным характером, необыкновенной добротой, горячим сердцем и высоким патриотизмом. Всегда очень горячий во время спора и страдая сухим нервным кашлем, который часто прерывал его речь, он имел привычку во время спора брать собеседника за руку или за пуговицу сюртука, стучал по столу, иногда сокрушая попадавшуюся под руку посуду. В последнее же время, в заседаниях ученого комитета он иначе и не говорил, как стуча кулаком по столу. Но несмотря на то, что он ругал всех и каждого за глаза и в глаза, все любили и уважали Геннадия, как обыкновенно его звали в дни молодости»³.

По окончании работ Амурской экспедиции Г. И. Невельской числился с 10 декабря 1856 г. в резерве флота, к моменту прибытия в Петербург он беспокоился больше всего о назначении, с которым было связано будущее семьи, так как небольшие сбережения, образовавшиеся за годы дальневосточной службы, Невельской решил поместить в какое-нибудь дело, приобрести имение.

Пока Невельскому был предоставлен отпуск на полгода, и он уехал в Москву, где уже находились Екатерина Ивановна и дети. Затем все уехали в Кинешму, где и проводили весь отпуск. От той поры чудом уцелели письма Екатерины Ивановны своему дяде, Николаю Матвеевичу Ельчанинову, проживавшему в Смоленской губернии. Вот первое из них, от 27 января 1857 г., на котором помечено: «Деревня Сельцо полверсты от города Кинешмы», т. е. усадьба Купреяновых. В нем она сообщает дяде, что у нее «решительно не было угла, где бы я могла свободно заняться чем-нибудь», что жила более трех недель в Москве, повеселилась, потанцевала и приехала сюда заниматься хозяйством. Одно наше имение в 25 верстах от имени сестры (Марии Ивановны Купреяновой.— А. А.), которое находится за заставою Кинешмы (известно в Кинешме как усадьба Купреяновых.— А. А.), так что мы почти в городе, и другое в 160 верстах (Дракино.— А. А.)»⁴. В июне письма пошли уже из Дракино: «Жизнь наша в Кинешме около маленького имения мужа

³ Сиденснер А. К. Адмирал Геннадий Иванович Невельской, с. 11.

⁴ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 130.

(т. е. в усадьбе Купреяновых.— А. А.) почти есть повторение нашей жизни на Амуре: то же уединение, та же бивачная жизнь, потому что мы не намерены оставаться здесь долее половины лета»⁵.

Впоследствии, в 1860 г., Невельской продал свое имение Аннино с д. Крутово и «приобрел также новое имение взамен прежнего своего Аннинского, которое было за Волгою, а это находится в трех верстах от города — он променял его на то и не только не потерял, но еще и выиграл»⁶. Мы привели эти выдержки из писем Е. И. Невельской для того, чтобы показать, что практически всю жизнь Невельской был связан с Кинешмой. И какие бы имения он ни покупал, он всегда жил с семьей, иногда подолгу, в усадьбе своей сестры чаще и дольше, чем в своем родном имении Дракино. Но и тогда, когда он бывал в Дракино, туда он ехал из Кинешмы и обратно возвращался таким же образом.

Почти год Невельской числился в резерве флота, а 19 сентября 1857 г. был назначен членом Морского Ученого комитета, в обязанности которого входило рецензирование рукописей, поступающих в журнал «Морской сборник», подготовка инструкций «по ученой части» для командиров кораблей, отправляющихся в дальние плаванья, и рассмотрение отчетов по этой же части командиров кораблей, возвратившихся из дальних плаваний. В общем члены Морского Ученого комитета по долгу службы были обязаны следить за развитием морских наук.

К осени Невельские возвратились в Петербург и зажили обычной столичной жизнью. На службе в Морском Ученом комитете чаще всего приходилось давать заключения на статьи для «Морского сборника». Именно через руки Г. И. Невельского прошли статьи Н. К. Бошняка, на которые делались ссылки и в данной книге. Он готовил инструкции для капитанов кораблей, направлявшихся на Дальний Восток. К нему обращались за советом почти все, отправлявшиеся туда служить. Так, известный географ, исследователь Дальнего Востока Михаил Иванович Венюков, получивший назначение в Восточную Сибирь, перед отъездом побывал у него, а затем и сам Невельской посетил скромную квартиру молодого офицера. «Он лично навестил меня в скромной моей квартире в

⁵ Там же, л. 30—30 об.

⁶ ГАСО, ф. 112, д. 7, л. 21—21 об.

одной из отдаленных частей Петербурга, пригласил к себе, в течение нескольких вечеров беседовал со мною о Нижне-Амурском и Уссурийском краях, о которых имел обширные сведения, частью как очевидец, частью из расспросов у гиляков, мангун и гольдов. Опасаясь, чтобы я чего-либо из сообщенного им не забыл, он начертил на особом листе эскиз страны между Уссури и Японским морем и тут же написал на полях пояснительный текст»⁷.

И далее Венюков написал прекрасные и правдивые слова: «Более честного человека мне не случилось встречать, и хотя его резкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякий, кто имел случай ближе подойти к нему, скоро замечал, какая теплая, глубоко симпатичная натура скрывалась за его непредставительной наружностью. Противники его, не имея возможности марать его чести, стоявшей выше подозрений, старались выставить его смешным, ограниченным самодуром... Да! И Колумб был сумасброд, и Гарибальди сумасброд, даже очень ограниченный, если верить официальным журналистам и дипломатам. Только для них обоих есть история; есть она и для Невельского, а всех официозных журналистов и многих дипломатов что же ожидает, кроме забвения и часто даже презрения?»⁸.

Лето 1858 г. Невельские провели у Николая Матвеевича Ельчанинова в имении Попово, о котором у Екатерины Ивановны сохранились детские воспоминания как о месте, которое она считала своей родиной. К этому времени семья увеличилась еще на одного человека: 8 апреля 1858 г. родилась дочь Александра.

В ноябре 1858 г. Г. И. Невельской получил пожизненную пенсию в 2000 руб. в год и орден св. Анны 1-й степени. Пенсии тогда же были даны Н. К. Бошняку и Д. И. Орлову — по 350 руб. в год, вместе с очередными орденами. Получили ордена, а впоследствии и пенсии Г. Д. Разградский, А. И. Воронин, А. И. Петров, Н. В. Рудановский, А. В. Бачманов, медали — А. П. Березин, А. С. Буоров и др. Организатор и вдохновитель Амурской экспедиции Н. Н. Муравьев получил титул графа Российской империи и стал именоваться графом Муравьевым-Амурским. П. В. Казакевич и М. С. Корсаков так же, как

---

⁷ Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. 68.

⁸ Венюков М. И. Указ. соч., с. 69.

и Г. И. Невельской, получили пенсии в 2000 руб. и очередные по выслуге ордена.

К этому времени относится участие Г. И. Невельского в деятельности недолго просуществовавшей Амурской торговой компании. Учредители ее Д. Н. Бенардаки и В. В. Рукавишников 14 ноября 1857 г. представили в Сибирский комитет проект устава такой компании, цель которой состояла в развитии Приамурского края, в развитии там торговли с жителями Приамурья, в снабжении различными товарами живших там русских. Компания намеревалась вести торговлю с соседними странами, ловить рыбу в Амуре, заниматься китобойным промыслом в Тихом океане, разрабатывать полезные ископаемые, принимать подряды и поставки, содержать пароходное сообщение на Амуре⁹. Устав этот был рассмотрен, одобрен, и компания была официально оформлена.

Г. И. Невельской, приглашенный учредителями компании как знаток местных условий, должен был отвечать за всю морскую часть, за состояние пароходов, барж, ремонтных средств компании, за навигационное оборудование лимана Амура и самого Амура и пр. Сначала Невельской весьма деятельно принялся за новое дело, которое так близко было ему по духу, по дорогомому ему Амuru. К участию в компании привлекались бывшие участники Амурской экспедиции — А. И. Петров и Д. И. Орлов. О деятельности Амурской компании на месте оставил воспоминания А. И. Петров. В них мы нашли упоминание о заграничной командировке Невельского, относившейся к этому времени: «Так как по морской специальности был Невельской, то его командировали за границу купить мореходные суда и заказать разборные речные пароходы и баржи»¹⁰. Деятельность Невельского протекала в Петербурге. Амурская компания просуществовала совсем недолго, и в самом начале 60-х годов Невельской был уже свободен от своих обязанностей, а Петров, выходявший на год в отставку, возвратился снова в 1861 г. на действительную службу.

О пребывании Г. И. Невельского за границей сохранилось письмо его супруги своему дяде от 11 января 1859 г., из которого явствует, что Геннадий Иванович побывал в Англии, Бельгии, Германии, Дании, Швеции и Финлян-

⁹ АВПр, ф. Главный архив 1—9, оп. 8, д. 15, л. 2.

¹⁰ Петров А. И., Указ. соч., с. 302.

дии: «Мужа я ожидаю дней десять, он мне довольно часто пишет и всегда недовольным тоном, жалуется на зиму, которая там гораздо хуже, чем у нас в России, по крайней мере если и морозно, да и бывают прекрасные зимние дни, а там, говорит он, дожди, сырость, понижающая вас до костей, холод в квартирах, туман и прочие удовольствия; кроме того, возиться с коммерческими людьми не совсем-то приятно, а потому поездка его за границу весьма не по душе благородного и открытого русского моряка»¹¹.

Лето 1860 г. Невельские провели снова в Кинешме, откуда выезжали в симбирское имение Екатерины Ивановны — Кржижин.

Почти каждый год Невельской пользовался отпуском, во время которого с семьей выезжал на дачу, а чаще всего ездил в родную Кинешму или в Смоленскую губернию — к родственникам жены. Приходилось Невельскому бывать и в своих имениях в Пензенской губернии. К тому времени Невельской владел 2000 десятинами земли в Солгалычском и Кинешемском уездах Костромской губернии и 2280 десятинами в Городецком уезде Пензенской губернии, да на Екатерину Ивановну Невельскую было записано 2400 десятин земли в Алатырском и Городищенском уездах Симбирской и Пензенской губерний¹². Дачи обычно снимали вместе с Мазаровичами, с которыми были очень дружны и с которыми жили в одном доме: квартиры их находились на одной лестничной клетке, напротив. У Екатерины Ивановны 14 сентября 1861 г. родился долгожданный сын, которого назвали Николаем. Невельской был безмерно рад появлению сына, в котором видел продолжателя семейной мужской традиции — будущего моряка.

Летом 1861 г. Геннадий Иванович отправился в свои имения для оформления новых условий владения землей, а жена с детьми уехали на лето к Мазаровичам на дачу, которая была всего в пяти верстах от Петергофа, в так называемой Немецкой колонии — по дороге из Петергофа в Ораниенбаум (ныне из Петродворца в Ломоносов). Е. И. Невельская писала, что она с сестрой и детьми часто навещает фонтаны и дворцы: «Даже детки мои в

---

¹¹ ГАСО, ф. 112, д. 4, л. 32 об.— 33 об.

¹² ГАКО, ф. 121, оп. 2, д. 237. Послужной список Г. И. Невельского.

досторге, и Оля пресерьезно просила меня сделать подобные фонтаны у нас в деревне»¹³.

Кроме службы в Морском Ученом комитете, Геннадий Иванович принимал участие в деятельности Русского географического общества, членом которого он был едва ли не с самого основания общества. Болеслав Казимирович Кукель свидетельствует в письме Корсакову от 15 марта 1861 г., что когда он вместо заболевшего Н. Н. Муравьева-Амурского (Кукель был в то время у него начальником штаба) во время пребывания в Петербурге попал на заседание политико-экономического отделения общества, то в залах его застал до 150 человек. «Тут были все знаменитости политико-экономические — Вернадский, Гагемейстер и прочие, были здесь Литке, Невельской, Чихачев и пр., встретился я тут с Перовским, Радде и с другими»¹⁴.

В 1860 г. Невельской приобрел имение Rogozinix в трех верстах от Кинешмы. Для ввода во владение Невельские летом 1860 г. приезжали туда и жили некоторое время у Марии Ивановны Купреяновой. Отныне Невельской уже не пользовался услугами сестры в управлении новым имением.

В сентябре 1861 г. Екатерина Ивановна после тяжелых родов сильно ослабела и часто болела. В октябре 1861 г. она уехала в Карлсбад, где пробыла пять месяцев. Возвратившись оттуда с детьми, но без мужа, Е. И. Невельская уехала в Кинешму, сначала к сестре мужа, а затем уж и в Rogozinix, куда вскоре приехал и Геннадий Иванович. «У нас маленький, но преудобный и прехорошенький домик, — сообщала Екатерина Ивановна дяде 20 июня 1862 г., — крошечный садик, три коровы, три лошади, 4 четверти посева, одним словом, миньютюрная ферма, обрабатываемая вольным трудом... Жизнь наша очень уединенна, потому что людей мало, да мы их и не ищем, семья своя так велика, что скучно не бывает одним; деревня летом так хороша, так приятна, что я решительно не променяю ее ни на какие заграницы, Петергофы и проч.»¹⁵. Всемерно поддерживал жену Геннадий Иванович, страстно любивший родную Кинешму.

В новом, 1864 г. Невельской был произведен в вице-адмиралы. Для пятидесятилетнего Геннадия Ивановича

¹³ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 81—81 об.

¹⁴ ЦГАМ, ф. 864, оп. 1, д. 24, л. 112.

¹⁵ ГАСО, ф. 112, д. 5, л. 100 об.— 101 об.

было приятно и лестно такое продвижение по службе. Друзья, знакомые и почитатели сердечно поздравили его. В 1865 и в 1866 гг. Г. И. Невельской один выезжал в Костромскую губернию и оба раза жил у сестры в Кинешме, наезжая оттуда в свои имения. А зимой супруга его дважды с детьми была вынуждена ездить на лечение за границу. Есть сведения, что в 1866 г. Геннадий Иванович выезжал к семье в Швейцарию.

Но лето 1866 г. Невельские провели вместе в Кинешме, в усадьбе Купреяновых, и в Rogozinixhe. Об этом мы узнаем из письма Екатерины Ивановны дяде из Rogozinixhi от 9 июня 1866 г., в котором она, в частности, сообщила: «... здоровье мое хотя частью и поправилось после моей поездки за границу, однако же все было довольно в плохом состоянии во все время, пока продолжалась зима, это вынудило выехать в деревню ранее, чтобы иметь более времени поправиться и укрепить также детей»¹⁶. Любопытная деталь: Невельские называли свое маленькое имение с деревней Rogozinixhoй Николаевском. И так писали письма — из Николаевска, в память о родном Николаевске, основанном адмиралом на Амуре.

По-прежнему семья Невельских летнее время проводила чаще всего в Rogozinixhe под Кинешмой и у сестры, откуда Невельской иногда один, а иногда и с женой выезжал в симбирское и пензенское имения.

Зиму Невельские проводили в Петербурге. Сохранилось множество свидетельств деятельности Г. И. Невельского в Ученом отделении Морского Технического комитета — так стали называть Морской Ученый комитет. Его подпись часто стоит под протоколами заседаний этого отделения.

Много забот доставляли дети, которые получали домашнее образование и сдавали экзамены за курс пансионатов. Есть свидетельство (письма Е. И. Невельской), что к обучению музыке дочерей Невельских имел отношение композитор М. А. Балакирев. Сына Николая Невельского готовил к поступлению в Морской кадетский корпус.

Сам Геннадий Иванович часто болел и по этому поводу все реже и реже стал показываться в Ученом отделении Морского Технического комитета. В 1872 г. по настоянию врачей он был вынужден уехать в Италию и пробыл там с семьей до марта 1873 г. Сохранилось его

¹⁶ Там же, л. 142 об.

письмо из Флоренции от 29 октября 1872 г., в котором он извещал Морской комитет, что намерен пробыть тут всю зиму и доверяет получить пенсию только что произведенному в генерал-майоры И. С. Мазаровичу, своему свяку. Сохранились еще два свидетельства пребывания семьи Невельских в Италии. До нашего времени сохранилась фотография Невельского с сыном, сделанная в Италии после 1871 г. И наконец, есть небольшое письмо дочери Н. М. Ельчанинова, Е. Н. Королько, своему отцу от 20 ноября 1872 г.: «Невельские были с детьми в сентябре у брата в Казачках проездом в Италию: муж мой ездил также туда для свидания с ними, познакомился с Геннадием Ивановичем, и он пришелся очень ему по душе»¹⁷.

Возвратясь из Италии в марте 1873 г., Невельские отправились после некоторого пребывания в Петербурге в Кинешму, где провели лето у сестры и в своей Рогозинихе.

Все эти годы Геннадий Иванович с помощью Екатерины Ивановны работал над книгой. Опубликовав в «Морском сборнике» отчет о действиях Амурской экспедиции, Невельской начал обдумывать и потихоньку писать книгу, в которой намеревался широко раскрыть суть проблемы Амура и показать роль и значение в ней Амурской экспедиции. В его руках находился богатейший архив, все эти годы он собирал у своих сподвижников недостававшие материалы, изучал документы. Екатерина Ивановна не только создавала условия для спокойной работы мужа, но и сама всемерно помогала ему, хотя никак не могла похвастаться здоровьем, потерянным на Дальнем Востоке. Основная часть книги к началу 70-х годов была завершена.

Ровно через десять лет после получения чина вице-адмирала Г. И. Невельской 1 января 1874 г. стал полным адмиралом. Он часто болел и, видимо не рассчитывая на свои силы, 29 апреля 1874 г. завещал Екатерине Ивановне все свои земельные владения¹⁸.

В последние годы своей жизни Невельской, несмотря на тяжёлую болезнь, упорно работал над книгой. Не оставлял он и работу в Ученом отделении. По журналу заседаний отделения видно, что с 7 мая по 21 сентября 1874 г. он замещал председателя отделения С. И. Зелено-

¹⁷ ГАСО, ф. 112, д. 7, лист не пронумерован.

¹⁸ ГАКО, ф. 179, оп. 4, д. 274, л. 15—15 об.

го, но в 1875 г. его подпись встречается реже. Вместе с тем он находит в себе силы председательствовать в Обществе содействия русскому торговому пароходству, но больше всего времени и сил он уделяет книге.

Но вот труд завершен, труд, в котором рассказывает о подвигах участников возглавляемой им экспедиции. И за несколько месяцев до своей кончины Геннадий Иванович обратился в Ученое отделение со следующим письмом: «По докладу моему его императорское высочество государь великий князь генерал-адмирал изволил согласиться о напечатании на счет казны записок моих „Действия наших морских офицеров с 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего Отечества и их последствия“ и приказать изволил дать этому делу ход чрез Ученое отделение Морс. Техкомитета. Почему, передавая в Ученое Отделение упомянутыя записки, имею честь объяснить, что в вознаграждение мне прошу 800 экземпляров. Адмирал Невельской. 1875 декабря 4 дня. С. Петербург»¹⁹.

16 января 1876 г. на первом заседании года этот вопрос был рассмотрен, и постановили книгу печатать, так как Ученое отделение «признает весьма желательность этих записок, а самое издание предоставить адмиралу Невельскому на основании общих цензурных правил»²⁰. На расходы по напечатанию было ассигновано 2000 руб. О предстоящем издании книги «Морской сборник» известил уже перед самым ее выходом²¹.

Очень недолго, но плодотворно Невельской потрудились на посту председателя Петербургского отделения Общества для содействия русскому торговому пароходству, в котором ранее он был председателем комиссии по вопросу о морских экспедициях в устья сибирских рек. Именно в эти годы состоялось открытие морского пути к устью Енисея. После того как Русское географическое общество отказалось организовать экспедицию, инициатор этого дела М. К. Сидоров сделал об этом объявление в зарубежных журналах. На призыв Сидорова отозвался английский капитан И. Виггинс и уже в 1874 г. осуществил плавание на пароходе «Диана» по Каспскому морю до Обской губы. Вплоть до 1894 г. он осуществлял плавания в Сибирь, доставляя грузы в устья Оби и Енисея. В честь

¹⁹ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 1657, л. 1.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Мор. сб., 1878, № 4, с. 54.

И. Виггинса в Обществе для содействия русскому торговому пароходству был устроен большой прием, на котором его вдохновенно приветствовал Г. И. Невельской. «С каким воодушевлением принимал он в нашем отделении первого пришедшего из Европы в Восточную Сибирь чрез Ледовитый океан иностранца! Какие говорил теплые речи, одобряющие и наших русских моряков», — вспоминал М. К. Сидоров²². А в 1875 г. Г. И. Невельской устроил большой прием, на котором присутствовало 110 человек, в честь Нильса Адольфа Эрика Норденшельда, известного шведского полярного исследователя, который на средства купца Оскара Диксона организовал в этом году собственную экспедицию с задачей всесторонних научных исследований и «разрешения вопроса о возможности правильного морского сообщения между северной Скандинавией и устьями Оби и Енисея»²³. Последним документом подписанным адмиралом Невельским собственноручно, который стал нам известен, была просьба о принятии сына в кадеты Морского корпуса:

«В Морское училище адмирала Невельского

П р о ш е н и е

Желая определить на воспитание в младший класс Морского училища сына моего Николая препровождаю при сем копию с метрического свидетельства о рождении и крещении его, о получении которого прошу уведомить. ...

1 апреля 1876 года. Адмирал Невельской.

Жительство имею на Сергиевской улице, в доме 46»²⁴.

Текст прошения написан Е. И. Невельской, а подписан самим адмиралом. На нем есть среди разных помет и такая: «Увед. 15 апреля № 492». Если это уведомление было послано почтой, то Невельской не узнал о том, припят его сын в кадеты или же нет. Если же такую весть принесли нарочным, то Геннадий Иванович мог знать об этом перед смертью. Но совершенно точно можно говорить о том, что свой труд Невельской не увидел завершенным, хотя и знал, что он издается. Инспекторский департамент Морского министерства 18 апреля 1876 г. известил: «17 сего апреля, в 10 часов вечера, после про-

²² Сидоров М. К. Памяти Г. И. Невельского. — Изв. имп. Об-ва для содействия русскому торговому пароходству, 1891, вып. 39, с. 46.

²³ Визе В. И. Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948, с. 146; Пасецкий В. М. Н. А. Э. Норденшельд. М., 1979, с. 127.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 6242, л. 1—1 об.

должительной и тяжелой болезни, скончался Член Ученого отделения Морского Технического Комитета, адмирал, Геннадий Иванович Невельской 1-й. Панихиды об упокоении души усопшего будут совершаемы каждодневно, в час popolудни и в 8 часов вечера, в квартире покойного (Сергиев. улица, близ Таврического сада, дом № 46). Вынос же тела покойного адмирала из квартиры, для отпевания и погребения в Воскресенском Новодевичьем монастыре, последует в среду, 21-го сего апреля, в 9 часов утра»²⁵.

Удалось разыскать свидетельство о смерти Невельского: «Свидетельство. Города С. Петербурга, Сергиевского всей Артиллерии Собора, в Метрической книге за 1876 г. о умерших под № 17 мужским значится: Адмирал Геннадий Иванович Невельской семнадцатого апреля тысяча восемьсот семьдесят шестаго года умер от органического порока сердца 63-х лет от рождения, а двадцать первого того ж апреля погребен на кладбище Воскресенского женского монастыря»²⁶.

Кончину Невельского почтили на Дальнем Востоке, на его родине — в Костромской губернии, в Географическом обществе и в Морском министерстве. Газеты Петербурга и Москвы поместили о нем некрологи. Первой поместила 19 апреля некролог-извещение газета «Голос» в № 108 и 109. Затем некролог появился в «Кронштадтском вестнике». На специальном заседании правления Петербургского отделения Общества для содействия русскому торговому мореходству занявший место председателя М. К. Сидоров произнес речь о Г. И. Невельском, в которой отметил заслуги покойного адмирала в исследовании Дальнего Востока. Отделение постановило украсить зал заседания «портретом друга мореходства»²⁷.

Со смертью Г. И. Невельского вся забота об издании книги целиком легла на Е. И. Невельскую, которой была назначена пенсия 640 руб. 42 коп. и каждому из детей по 160 руб. 10 коп. Пенсион в 2000 руб., полученный Невельским за Амурскую экспедицию, распространялся и на семью. Екатерина Ивановна 19 апреля 1877 г. получила из Морского Технического комитета оригинал рукописи мужа с картами, поскольку она была уже набрана в ти-

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 162, оп. 1, д. 1211, л. 131.

²⁶ ГАКО, ф. 179, оп. 4, д. 274, л. 24.

²⁷ Изв. имп. Об-ва для содействия русскому торговому мореходству, 1891, вып. 39, с. 83 и 45.

**Памятник
Г. И. Невельскому
на родине
мореплавателя
в Костромской области.
Фото И. Н. Ардентова**

**Памятник
Г. И. Невельскому
в г. Невельск
на Сахалине.
Фото А. И. Костанова**

пографий. А через год она получила оговоренные мужем 800 экземпляров книги под таким названием: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. По-смертные записки Адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою под редакцией В. Вахтина».

Екатерина Ивановна Невельская была с мужем до конца, а когда не стало его — жила его делами, его памятью, его детьми. Она не надолго пережила его — тяжело болела в зиму 1878/1879 г. и скончалась 8 марта 1879 г. Ей шел только 48-й год. Она похоронена рядом с мужем. Книга Невельского заметно повысила интерес к Дальнему Востоку. 5 мая 1891 г. состоялась закладка первого памятника Г. И. Невельскому во Владивостоке, а 26 октября он был открыт. В Хабаровске был сооружен памятник Н. Н. Муравьеву-Амурскому, на сторонах пьедестала которого были высечены имена всех участников Амурской экспедиции во главе с Г. И. Невельским.

Впоследствии, в разные годы, в честь Г. И. Невельского были установлены: надгробие на могиле Г. И. Невельского и Е. И. Невельской, мемориальная доска на здании Высшего Военно-Морского училища им. М. В. Фрунзе (здание бывшего Морского кадетского корпуса); памятники в г. Солигалич, в д. Лосево и памятный знак на месте пустоши Дракино — на родине мореплавателя; памятники в сквере г. Николаевска-на-Амуре, у Морского вокзала на косе Куегда, где когда-то основал город Невельской, и памятный барельеф на заднем створном входном знаке в порт Николаевск-на-Амуре; на Петровской косе, где основано было зимовье Петровское и где умерла дочь Невельских; на утесе в Хабаровске; знак в Ногликах, на месте первой высадки на Сахалине во время плавания Г. И. Невельского на транспорте «Байкал»; памятники в Невельске и Южно-Сахалинске.

Имя Невельского присвоено восьми географическим объектам: банка, бухта, гора, мыс, фарватер, пролив в Амурском лимане, залив на побережье Сахалина, подводная гора в Тихом океане. Его имя присвоено краеведческому музею в г. Солигалич, восьмилетней школе в с. Лосево на родине Геннадия Ивановича. Кузницей морских кадров стало Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени адмирала Г. И. Невельского (ДВВИМУ). Его именем названы улицы, пароходы, го-

род, стапица. Имена всех сподвижников Г. И. Невельского и его супруги также увековечены на географической карте Дальнего Востока. Их имена носят горы, реки, заливы, проливы, мысы, поселки, станицы, корабли. Поистине память народная не иссякает!

Наверное, нет книги о Дальнем Востоке, в которой не упоминалось бы имя Невельского. Он и его сподвижники вошли в историю Дальнего Востока навсегда. Им ставят памятники, о них пишут художественные произведения и научные трактаты. Когда-то А. П. Чехов написал о Невельском и его жене: «Это был энергичный, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Один из знавших его пишет: „более честного человека мне не случилось встречать“. На восточном побережье и на Сахалине он сделал себе блестящую карьеру в какие-нибудь пять лет, но потерял дочь, которая умерла от голода, состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, „молоденькая, хорошенькая и приветливая женщина“, переносившая вся лишения геройски»²⁸.

Приведем высказывание академика А. Л. Нарочницкого о Невельском: «Экспедиция Невельского на транспорте „Байкал“ летом 1849 г., не дожидаясь правительственных инструкций, вошла в лиман Амура и совершила замечательное открытие — доказала доступность входа в Амур для морских судов и выяснила, что Сахалин является не полуостровом, как думали ранее, а островом, отделенным от материка судоходным проливом. После этого под начальством Невельского была снаряжена новая Амурская экспедиция, получившая указание основать зимовье в заливе. Счастья для торговли с гиляками и изучения края. Г. И. Невельской и его ближайшие сподвижники принадлежали к числу талантливых и прогрессивно настроенных офицеров русского флота. Книга Г. И. Невельского „Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России“ (1878 г.), изданная после его смерти, отразила недовольство передовой части русских моряков политическим курсом крепостнической реакции. Невельской отдал свои лучшие силы экспедициями на Дальнем Востоке, невзирая на связанные с ними лишения»²⁹.

²⁸ Чехов А. П. Остров Сахалин.— Собр. соч. М., 1950, т. 11, с. 11.

²⁹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, с. 118.

Основные даты жизни и деятельности

Г. И. Невельского

- 1813 г., 23 ноября. Родился в пустоши Дракино Солигаличского уезда Костромской губернии.
- 1829 г., 8 апреля. Зачислен кадетом в Морской кадетский корпус.
- 1832 г., лето. Морская практика на корабле «Великий князь Михаил» в Балтийском море.
- лето. Морская практика на корабле «Кульм», которым командовал А. П. Лазарев, в Балтийском море.
- 21 декабря. Завершил обучение в корпусе, произведен в мичманы с оставлением в Офицерском классе для продолжения учебы.
- 1833 г., лето. Плавал на кораблях «Прохор», «Иезекиль» и «Помона» в Балтийском море.
- 1834 г., лето. Плавал на корабле «Кронштадт» в Балтийском море.
- 1835 г., лето. Гидрографическая практика на фрегате «Венус» под руководством М. Ф. Рейнеке в Ботническом заливе.
- 1836 г., 28 марта. Окончил Офицерский класс в чине лейтенанта и назначен на эскадру контр-адмирала Ф. П. Литке на фрегат «Беллона», которым командовал капитан-лейтенант С. И. Мофет.
- 1837 г., лето; 1838 г., лето; 1839 г., лето; 1840 г., лето. Плавал на фрегате «Аврора», которым командовал С. И. Мофет и на котором держал свой флаг командующий эскадрой контр-адмирал Ф. П. Литке.
- 1841 г., лето. Эскадра плавала в Балтийском море, в 1840 и в 1841 гг. побывала в Киле, Копенгагене, Роттердаме.
- 1842 г., лето; 1843 г., лето. Провел на Балтийском море, на том же корабле.
- 1844 г. Переведен в 10-й флотский экипаж и назначен на новый корабль «Ингерманланд». Вместе с Ф. П. Литке и С. И. Мофетом Г. И. Невельской ездил в Архангельск, откуда было совершено плавание вокруг Скандинавии в Кронштадт.
- 1845 г., 7 октября — 10 октября. Открытие Русского географического общества, вице-председателем которого стал Ф. П. Литке.
- 1846 г., 29 июня. В составе эскадры, которой командовал Ф. П. Литке, на корабле «Ингерманланд» под командованием С. М. Мофета совершил плавание вокруг Европы, в Средиземное море и обратно в Кронштадт.
- 15 июля. Произведен в капитан-лейтенанты.
- 1847 г., февраль. Назначен командиром транспорта «Байкал».
- 1848 г., 21 августа. Отправился в плавание на Дальний Восток командиром транспорта «Байкал» вокруг мыса Горн.
- 1849 г., 12 июня — 27 августа. Г. И. Невельским и офицерами транспорта «Байкал» проводились опись Северного Сахалина, иссле-

дования в лимане Амура и в устье реки. Открытие пролива Невельского (22—26 июля).

24 сентября. Сдал транспорт «Байкал» в Охотске и с офицерами через Сибирь выехал в Петербург.

1850 г., 3 февраля. По результатам исследований Г. И. Невельского состоялось решение правительства об организации торговли с гилеяками в низовьях Амура и о создании русского зимовья на берегу зал. Счастья.

29 июня. Прибыл на транспорте «Байкал» в зал. Счастья, открытый им, и основал на его берегу зимовье Петровское.

1 августа. Основал в устье Амура Николаевский пост (по некоторым данным — 6 августа).

1851 г., 12 февраля. По докладу Г. И. Невельского состоялось решение правительства об организации Амурской экспедиции, начальником которой был назначен произведенный в капитаны 1-го ранга Г. И. Невельский.

15 мая и 19 июня. Прибыли в Амурскую экспедицию приглашенные Г. И. Невельским А. И. Воронин и Н. К. Бошняк.

9 июля. Первый отряд Амурской экспедиции во главе с Г. И. Невельским отправился из Охотска в Аян.

12 июля. Во главе Амурской экспедиции прибыл в Аян, отсюда на транспорте «Байкал» и барке «Шелихов» 16 июля отправился на рейд Петровского и прибыл туда 22 июля.

23 июля. Корвет «Оливуда», направленный по требованию Г. И. Невельского в район действия Амурской экспедиции, прибыл на рейд Петровского. По приглашению Г. И. Невельского с него в состав экспедиции перешел Н. М. Чихачев.

9 августа. Назначил Н. К. Бошняка начальником Николаевского поста.

26 июля — 18 августа. По заданию Г. И. Невельского Н. М. Чихачев и П. Попов описали южную часть лимана Амура и пролив Невельского.

12 сентября — 3 октября. По заданию Г. И. Невельского Д. И. Орлов и Н. М. Чихачев производили исследования в бассейне рек Амгунь, Бичи, Амур и оз. Удыль.

10 ноября — 20 декабря. По заданию Г. И. Невельского Н. М. Чихачев и А. П. Березин путешествовали по Амуру, в зал. Де-Кастри и обратно — через оз. Удыль, по Амгуни.

Декабрь. По указанию Г. И. Невельского Д. И. Орлов совершил поездку в Тугурский край.

1852 г., 7—29 января. По заданию Г. И. Невельского путешествие Д. И. Орлова в Тугурский край и к истокам р. Удь.

12 февраля — 18 июня. По распоряжению Г. И. Невельского путешествие Н. М. Чихачева и П. Попова по маршруту Амур — Амгунь — оз. Эворон — р. Горюн — Амур — оз. Кизи — побережье Татарского пролива — пролив Невельского — лиман Амура.

17 февраля — 11 апреля. По заданию Г. И. Невельского ездили на Амур для топографической съемки правого берега Амура и установления контактов с местными жителями П. Попов и А. П. Березин.

21 февраля — 15 апреля. По предписанию Г. И. Невельского путешествие Н. К. Бошняка по Северному Сахалину, во время которого были открыты месторождения каменного угля.

- 18 апреля — 21 июня. По указанию Г. И. Невельского Н. К. Бошняк изучал гидрологический режим нижнего Амура.
- 18 июля. По требованию Г. И. Невельского в состав Амурской экспедиции направлены Главным морским штабом А. И. Петров и Г. Д. Разградский.
- Лето. По предписанию Г. И. Невельского А. И. Воронин описал побережье Сахалина от мыса Погоби до зал. Виахту.
- 12 ноября — 22 декабря. По предписанию Г. И. Невельского путешествие Н. К. Бошняка по маршруту: Амур — Амгунь — оз. Эворон — р. Горюн — оз. Чукчагирское.
- 15 ноября — 18 декабря. По заданию Г. И. Невельского путешествие Г. Д. Разградского и А. П. Березина по Амуру и оз. Кизи.
- 1853 г., 2 января — 2 февраля. По предписанию Г. И. Невельского поездка Г. Д. Разградского к оз. Кизи и подготовка командировки Н. К. Бошняка в Татарский пролив.
- 17 января — 6 февраля. По указанию Г. И. Невельского путешествие А. И. Петрова в Приамгунье.
- 15 февраля — 25 июня. По распоряжению Г. И. Невельского плавание Н. К. Бошняка на гиликской лодке вдоль берега Татарского пролива от зал. Де-Кастри до вновь открытой бухты, названной им Императорской гаванью.
- Начало марта. По неоднократным представлениям Г. И. Невельского решение правительства о передаче Амурской экспедиции в непосредственное подчинение генерал-губернатора Восточной Сибири и утверждение нового штата Амурской экспедиции с 1 января 1854 г.
- 4 марта. По приказу Г. И. Невельского Н. К. Бошняк основал Александровский пост на берегу зал. Де-Кастри.
- 11 апреля. По представлениям Г. И. Невельского состоялось решение правительства о дозволении Российско-Американской компании основаться на Южном Сахалине и об организации особой экспедиции на Сахалин.
- 17 июля — 7 августа. Плавание Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» вокруг Сахалина — из Петровского до зал. Де-Кастри.
- 4 августа. Основание Г. И. Невельским Константиновского поста в Императорской гавани.
- 10 августа. По приказу Г. И. Невельского А. И. Петров основал на берегу оз. Кизи Мариинский пост.
- 30 августа. По приказу Г. И. Невельского Д. И. Орлов основал на западном берегу Сахалина Ильинский пост.
- 31 августа — 15 октября. Плавание шхуны «Восток» под командованием В. А. Римского-Корсакова в Татарском проливе для установления связи с Г. И. Невельским.
- 7 сентября — 30 сентября. Экспедиция Г. И. Невельского на Южный Сахалин.
- 22 сентября. Основание Г. И. Невельским Муравьевского поста на Сахалине.
- 27 сентября. Назначение Г. И. Невельским начальником Константиновского поста Н. К. Бошняка.
- 6—11 октября, 14—26 октября, 29 октября — 12 ноября, 20 декабря — 17 января 1854 г., 23 февраля — 4 марта. Пять командировок Н. В. Рудановского по Южному Сахалину согласно плану исследований, намеченному Г. И. Невельским.
- 28 ноября — 28 декабря. По заданию Г. И. Невельского путе-

- шествие Д. И. Орлова из Императорской гавани в Мариинский пост.
- 15—31 декабря. По указанию Г. И. Невельского путешествие А. И. Петрова из Николаевского поста в Императорскую гавань.
- 1854 г. 25 августа. Производство Г. И. Невельского в контр-адмиралы.
- 1855 г., 27 мая. Распоряжение Н. Н. Муравьева о расформировании Амурской экспедиции и о назначении Г. И. Невельского начальником штаба морских сил при генерал-губернаторе.
- Зима 1855/56 г. Пробывание Г. И. Невельского с семьей в Мариинском посту.
- 1856 г., июль. Отъезд Г. И. Невельского с семьей с Дальнего Востока через Аян и Сибирь.
- 10 декабря. Зачислен в резерв флота.
- 1857 г., 19 сентября. Назначен членом Морского Ученого комитета.
- 1857—1876 гг. Составлял инструкции для командиров кораблей, отправлявшихся на Дальний Восток; редактировал статьи для «Морского сборника»; участвовал в работе Амурской компании 1859—1861 гг.; участвовал в работе Русского географического общества, Общества содействия русскому торговому пароходству; писал книгу «Действия наших морских офицеров с 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего Отечества и их последствия».
- 1864 г., 1 сентября. Произведен в вице-адмиралы.
- 1874 г., 1 сентября. Произведен в адмиралы.
- 1875 г., 4 декабря. Завершил с помощью Е. И. Невельской работу над рукописью «Действия наших морских офицеров с 1849 по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего Отечества и их последствия» и представил ее в Ученое отделение Морского Технического комитета.
- 1876 г., 17 апреля. Скончался в Петербурге и похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.
- 1878 г. Книга Г. И. Невельского под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край» издана его женой Е. И. Невельской.

Опубликованные работы Г. И. Невельского

1. Испытание туера-снаряда для буксировки судов, произведенное 8 октября на Средней Невке.— Мор. сб., 1860, № 13, Смесь, с. 135—138.
2. Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции на статьи г. Фесуна, напечатанные в «Морском сборнике» за июль и август месяцы.— Мор. сб., 1860, № 13, часть неофиц., с. 359—386.
3. Замечания на книгу «Историческое обозрение Рос.-Америк. К^о», ч. II (гл. XII, XIII и XIV).— Мор. сб., 1864, № 6, Критика и библиогр., с. 24—45; № 7, с. 1—17; № 8, с. 24—38.
4. Ответ на письмо г-на Бошняка в редакцию «Морского сборника».— Мор. сб., 1860, № 3, Смесь, с. 75—76.
5. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки Адмирала Невельского. СПб., 1878, с. VI+V+IV+424+5 карт. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою. Под редакцией В. Вахтина.
6. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855 гг.: При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского. СПб., 1897, с. XV+437. Изданы детьми адмирала Невельского. 2-е изд., доп. биографией и письмами Е. И. Невельской.
7. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 3-е изд./Вступ. ст., коммент. и под ред. Л. Г. Каманина. М.: Географгиз, 1947.
8. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 4-е изд./Вступ. ст. и под ред. А. И. Мельчина. Владивосток: Примор. кн. изд-во 1950.
9. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 5-е изд./Биогр. очерк Г. И. Невельского; Коммент. и под ред. А. И. Алексеева. Хабаровск, 1969.
10. По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г.— Вестн. Европы, 1872, № 8, с. 907—910.
11. Рапорт капитана 1 ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками, в оной расположенными, 16 октября 1853 года.— Мор. сб., 1899, № 12, часть неофиц., с. 58—70.

Литература о Г. И. Невельском

- Алексеев А. И.* Н. К. Бошняк и открытие Советской гавани. Хабаровск, 1955.
- Алексеев А. И.* Сподвижники адмирала Невельского.— Красный маяк, Николаевск-на-Амуре, 1958, 9 апр.— 1 мая.

- Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
- Алексеев А. И.* По таежным тропам Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
- Алексеев А. И.* Моряки — герои обороны 1854 года.— Камчат. правда, 1959, 4 сент.
- Алексеев А. И.* Подвиг русских людей.— Камчат. правда, 1959, 5 сент.
- Алексеев А. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России.— Дальний Восток, 1963, № 6.
- Алексеев А. И.* Слово о Невельском.— Сев. правда, Кострома, 1963, 5 дек.
- Алексеев А. И.* Пионер Дальнего Востока.— Рус. новости, [Париж], 1963, 13 дек.
- Алексеев А. И.* Исследование морей, омывающих Россию.— В кн.: Есаков В. А., Плахотник А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические исследования в XIX — начале XX в. М., 1964.
- Алексеев А. И.* Г. И. Невельскому.— Тихоокеан. звезда, 1964, 8 дек.
- Алексеев А. И.* Публикация портретов сподвижников Г. И. Невельского.— Воен.-ист. журн., 1965, № 6.
- Алексеев А. И.* Карта Южного Сахалина.— Природа, 1966, № 2.
- Алексеев А. И.* След на земле.— Байкал, Улан-Удэ, 1966, № 4.
- Алексеев А. И.* Об исторической правде.— Дальний Восток, 1966, № 6.
- Алексеев А. И.* Сподвижники Г. И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.
- Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970.
- Алексеев А. И.* Федор Петрович Литке. М., 1970.
- Алексеев А. И.* Дело всей жизни. Хабаровск, 1972.
- Алексеев А. И.* Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974.
- Алексеев А. И.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976.
- Алексеев А. И.* Хозяйка залива Счастья. Хабаровск, 1981.
- Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982.
- Алексеев А. И., Ардентов И. Н., Григоров А. А.* Костромичи на Амуре. Ярославль, 1979.
- Анов Н.* Великие русские мореплаватели.— Вод. трансп., 1938, 12 дек.
- Бардакова-Марина М. М.* Памяти адмирала Невельского.— Рус. старина, 1913, кн. XI.
- Барсуков И. П.* Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. М., 1891.
- Боголюбов Н. П.* Геннадий Иванович Невельской: (Ист. справка, поучительная и для нашего времени).— Изв. О-ва для содействия русскому торговому мореходству, 1891, вып. XXXIX, с. 47—57.
- Бочков В. Н.* Открытие Невельского. Кострома, 1963.
- Бошняк Н. К.* Экспедиция в При-Амурском крае.— Мор. сб., 1858, № 12, часть неофиц., с. 179—194; 1859, № 1, часть неофиц., с. 111—131; № 2, с. 323—334; № 3, с. 193—212.
- Бошняк Н. К.* Письмо в редакцию «Морского сборника».— Мор. сб., 1860, № 2, смесь, с. 197—198.
- Буссе Н. В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853 года.— Вестн. Европы, 1871, № 10—12.

- Буссе Н. В.* Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. с ответом Ф. Буссе г-м Невельскому и Рудановскому. СПб., 1872.
- Вахтин В. В.* Адмирал Невельской и Приамурский край.— Мор. сб., 1880, № 1.
- Геннадий Иванович Невельской.*— Общий морской список. СПб., 1890, ч. XI, с. 28—30.
- Геннадий Иванович Невельской.*— Энциклопедия военных и морских наук, 1890, т. V, с. 339—340.
- Геннадий Иванович Невельской.*— В кн.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон, 1897, т. XX, с. 797.
- Геннадий Иванович Невельской.*— В кн.: Воен. энцикл. / Изд. И. Д. Сытина, 1914, т. XVI, с. 565—566.
- Геннадий Иванович Невельской.*— В кн.: БСЭ, 1974, т. 17, с. 393.
- Жданко М. Е.* Памяти адмирала Г. И. Невельского. Владивосток, 1913.
- Жданко М. Е.* Работы русских моряков по описи Охотского моря и лимана реки Амура.— Изв. РГО, 1916, № 10, с. 805—823.
- Ивашиных Н. А.* Русские кругосветные мореплаватели (капитан-лейтенант Невельской).— Зап. Гидрогр. департамента, 1850, ч. VIII, с. 160—162.
- Задорнов Н. П.* Далекый край. М., 1949.
- Задорнов Н. П.* К океану. М., 1950.
- Задорнов Н. П.* Капитан Невельской. Рига, 1958.
- Задорнов Н. П.* Война за океан. М., 1963.
- Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954.
- Зубов Н. Н.* Геннадий Иванович Невельской.— В кн.: Люди русской науки. М.: Физматгиз, 1962, с. 450—459.
- Извлечение из протокола заседания Правления С.-Петербургского отделения от 19 апреля 1876 года (с речью М. К. Сидорова о Г. И. Невельском).— Изв. О-ва для содействия русскому торговому мореходству, 1891, вып. XXXIX, с. 45—47.
- Кабанов П. И.* Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
- Каманин Л. Г.* Первые исследователи Дальнего Востока (В. А. Атласов.— С. П. Крашенинников.— В. Поярков.— Г. И. Невельской). М.: Географгиз, 1946.
- К. Б. и С. Ф.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849—1855 гг.: (Посмертные записки адмирала Невельского).— Мор. сб., 1878, № 3, Рец. отд. библиогр., с. 1—6; № 4, отд. библиогр., с. 1—25.
- Лялина М. А.* Русские мореплаватели. СПб., 1896.
- Ляхова И. Н.* Адмирал Невельской (1813—1876): Библиография. М.: Науч.-библиогр. отд. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1943.
- Мельчин А. И.* Адмирал Невельской.— Красный флот, 1946, 28 апр.
- Мельчин А. И.* Геннадий Иванович Невельской.— В кн.: Русские мореплаватели. М.: Воениздат, 1953, с. 282—298.
- Никольский В.* Памяти Невельского. Харьков, 1914.
- Обзор действий русских на Амуре.— Мор. сб., 1862, № 4, Отд. библиогр., с. 33—70.
- Огородников С. К.* К биографии Г. И. Невельского.— Мор. сб., 1899, № 12, часть неофиц., с. 57.
- Петров А. И.* Амурский щит. Хабаровск, 1974.
- Полевой Б. П.* Ценная находка.— Сов. флот, 1954, 28 нояб.
- Полевой Б. П.* В устье Амура.— Веч. Ленинград, 1954, 18 дек.

- Полевой Б. П.** Неизвестный документ Г. И. Невельского.— Сов. Сахалин, 1955, 16 янв.
- Полевой Б. П.** Открытие и заселение залива Хаджи.— Сов. звезда, 1955, 26 янв. и 1 февр.
- Полевой Б. П.** Из истории Советской гавани.— Сов. флот, 1955, № 5.
- Полевой Б. П.** Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849).— Сов. этнография, 1955, № 4, с. 106—116.
- Полевой Б. П.** Легенда о пяти матросах.— Сов. Сахалин, 1957, 20 июня.
- Полевой Б. П.** Первый указ о Сахалине.— Сов. Сахалин, 1958, 11 сент.
- Полевой Б. П.** На берегах Амура и Сахалина.— Сов. Сахалин, 1963, 5 дек.
- Полевой Б. П.** Новое о Невельском.— В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX веках. М.; Л., 1965, с. 93—108.
- Полевой Б. П.** Новое о транспорте «Байкал».— Зап. Приамур. фил. Геогр. о-ва СССР, 1965, т. 1 (24), с. 123—126.
- Римский-Корсаков В. А.** Случай и заметки на винтовой шхуне «Восток».— Мор. сб., 1858, № 5, 6, 12, часть неофиц.
- Римский-Корсаков В. А.** Балтика — Амур. Хабаровск, 1980.
- Робуш М. С.** Один из русских пионеров на Дальнем Востоке.— Ист. вестн., 1891, № 12, с. 692—712.
- Рудановский Н. В.** По поводу воспоминаний Н. В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 года.— Вестн. Европы, 1872, № 8, с. 910—923.
- Русская Тихоокеанская эпопея.** Хабаровск, 1979.
- Рыжков А. Н.** Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. Южно-Сахалинск, 1955.
- Рябов Н. И.** Адмирал Г. И. Невельской. Владивосток: Дальгиз, 1946.
- Сиденснер А. К.** Адмирал Геннадий Иванович Невельской. СПб., 1914.
- Степанов Ю.** Подвиг Невельского.— Красная звезда, 1963, № 286.
- Струве Б. В.** Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. СПб., 1889.
- Тренев В.** Амурская экспедиция Невельского. М., 1946.
- Флорич Ф., Винокуров И.** Подвиг адмирала Невельского. М., 1951.
- Хавин А.** Русский Колумб: Экспедиция Невельского в Приамурье в 1849—1855 гг.— Знамя, 1939, кн. 5/6, с. 208—228.
- Чернова А. А. Г. И. Невельской: (Материалы к биограф.).**— Тр. ЦГА РСФСР ДВ, Томск, 1960, т. 1, с. 292—298.
- Чехов А. П.** Сахалин.— Полн. собр. соч., 1948, т. 10.
- Чиж Г. П.** Жизнь за Амур. Иркутск, 1950.
- Шенурин А.** Возражения на статью контр-адмирала Невельского.— Мор. сб., 1861, № 2, смесь, с. 171—184.
- Шлямин В. А.** Подвиг капитана Невельского. М., 1949.
- Штейн М. Г. Н. И. Муравьев-Амурский.** Хабаровск, 1946.
- Vend Véra.** L'Amiral Nevelskoi et la conquête definitive du fleuve Amour. P., 1894.

Принятые сокращения

АВПР	— Архив внешней политики России
АГО	— Архив Географического общества СССР
ГАИО	— Государственный архив Ивановской области
ГАКО	— Государственный архив Костромской области
ГАСО	— Государственный архив Смоленской области
РОБЛ	— Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве
РОГПБ	— Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГАМ	— Центральный государственный архив Москвы и Московской области
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГА РСФСР ДВ	— Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока в Томске
ЦГВИА	— Центральный государственный Военно-исторический архив
ЦГИМ	— Центральный государственный исторический музей

Указатель имен

- Аксаментов 95
Аксаментова И. 95
Алексеев А. И. 5
Андерсен 52
Андреев Е. 52
Андреев У. 24
Апучин 52
Арбузов А. П. 150
Афанасий 87, 99, 102, 105
Ахматов Ф. Д. 22
- Балакирев М. А.** 169
Баласогло А. П. 43—48
Барсуков И. П. 18, 80
Бачманов А. В. 131, 132, 137, 147, 148, 150, 158, 165
Бачманова Е. О. 131, 156
Безносов Н. 129
Безобразов Г. 30
Белли Р. 29
Беллинсгаузен Ф. Ф. 25, 30, 67, 68
Белохвостов К. 125, 134, 151
Бенардаки Д. Н. 166
Берг В. Г. 52, 74
Берг Ф. Ф. 91
Березин А. П. 94, 96, 97, 99, 102—105, 107, 111, 118, 121, 125, 178
Березкин С. 129, 141
Беринг В. И. 9, 11, 20
Бертрам Д. 13, 15
Бессарабский П. Н. 29, 30, 127
Блинников И. 95, 22
Боргстрем 45
Боуров А. С. [Буоров] 95, 165
Бочков В. Н., 19, 25, 33
Бошняк Н. К. 18, 94, 95, 97, 98, 100, 102, 106—114, 116—119, 121—125, 128—130, 133—136, 138, 139, 139, 144, 148, 149, 151, 164, 165, 178, 179
Браутон У. Р. [Бротон] 40, 75, 76, 90
Бротон У. Р. см.: Браутон У. Р.
- Будищев Л. 36
Буняковский В. Я. 37
Буоров А. С. см.: Боуров А. С.
Бурачек С. И. 37
Буссе Н. В. 18, 122, 129, 131—134, 136, 140, 145
Бутаков А. И. 29—31, 33
- Вагин В. 17
Ванкувер Д. 28
Васильев Г. 11
Васильев М. Н. 30
Вахтин В. В. 33, 174
Вениаминов Г. И. 116, 131
Вениаминов И. [Иннокентий] 86, 116, 131
Вениаминова Е. И. 131
Венюков М. И. 164, 165
Вернадский И. В. 168
Виггинс И. 171, 172
Воеводский С. В. 44
Вознюк А. 95
Вознюк Е. 95
Войтехович 52
Волынцев 52
Вонлярлярский И. В. 49, 50, 81
Воронин А. И. 94, 95, 107, 125, 159, 165, 178, 179
Воронова А. П. 47
Врангель Ф. П. 12, 14, 38, 83, 101
Вяткин М. 95
- Гаврилов 52
Гаврилов А. М. 12—15, 38, 52, 64, 76, 90
Гаврилов П. Ф. 79, 87, 96, 97, 136, 139
Гаврилова В. М. 15
Гаврилова С. А. 15
Гагемейстер Л. А. 36, 168
Гайдук Е. 95
Гайдук О. 95
Гамалея П. Я. 27
Гарибальди [Д.] 165

- Гейден Л. П. 39
 Гейсмар А. Ф. 52, 60, 69, 70, 74, 78
 Гилев А. 129
 Гильдебрандт В. 31
 Глотов Н. 31, 32, 36
 Голенищев-Кутузов И. Л. 31
 Головин В. М. 56
 Горбовский И. 95
 Горбунов 52
 Горталов Г. П. 24
 Горьев А. 29
 Гревенс А. К. 52, 68, 69
 Гречухин 52
 Григоров А. А. 20
 Григорьев С. 121
 Гроте Э. В. 52, 60, 61, 66, 67, 70, 71, 74, 78

 Деденев Е. 31
 Дементьев 52
 Демин Л. М. 19
 Денисов В. 95
 Дианов П. 95
 Дивин В. А. 9
 Диксон О. 172
 Дойников Е. 95
 Дойников П. 95
 Долгих Б. О. 8
 Дроздов Н. 129
 Дурново В. А. 21
 Дьячков Ф. 129

 Елагин М. 36
 Ельчанинов Н. И. 119, 137, 151, 159, 161
 Ельчанинов Н. М. 153, 163, 165, 170
 Ельчанинова А. И. см.: Мазарович А. И.
 Ельчанинова Е. И. см.: Невельская Е. И.
 Ельчанинова Е. Н. см.: Королько Е. Н.
 Епанчин 2-й 44

 Жиганов 52
 Жохов А. Н. 24

 Забелин Я. 52, 120
 Завойко В. С. 13, 58, 79, 81, 85, 86, 89, 93, 97, 101, 113, 115, 155, 157, 158, 159, 160, 161
 Залуцкий 52
 Зарин В. Н. 90

 Зарубин И. И. 155
 Зеленой С. И. 170
 Зеленый А. 29, 30
 Зеленый Н. 36
 Зибольд Ф. Ф. 12, 39, 40
 Зончевский 158

 Иван IV [Васильевич] 21
 Иванов И. 52
 Изыльметьев И. 30
 Ильин П. 36
 Иннокентий см.: Вениаминов И.
 Истомина [А. И.] 28
 Ишкарин 29

 Кабанов П. И. 18
 Казакевич А. В. 79
 Казакевич П. В. [Павел Васильевич] 32, 33, 46, 73
 Казакевич П. В. [Петр Васильевич] 33, 46, 48, 52, 54, 60, 69—71, 73—75, 77, 79, 81, 82, 101, 137, 165
 Каманин Л. Г. 19
 Камнев 52
 Капустин 52
 Карасев Е. 95
 Кашеваров А. Ф. 84, 85, 89, 93, 101, 113, 132
 Кемец 111
 Китаев С. М. 23
 Китаева А. Т. [Полозова] 23
 Клиноквострем М. 133, 136, 139, 144
 Козьмин П. Т. 36
 Колумб [X] 165
 Конокховани 141
 Коношцев 52
 Константин, вел. кн. 37, 101, 102, 126, 155
 Корнилов В. А. 53
 Коробов О. 121
 Королько Е. Н. [Ельчанинова] 170
 Корсаков М. С. 59, 79, 80, 82, 84, 87, 89, 91, 93—95, 128, 129, 145, 157, 158, 165, 168
 Котов 52
 Кочетов 158
 Кошкарев П. 95
 Кошкарева Н. 95
 Кошкарев В. П. 121
 Кошкарев П. 121
 Красовская А. 95
 Красовский М. 95

- Крузенштерн И. Ф. 10, 11, 14, 26, 29, 31—36, 42, 64, 67, 68, 76, 90, 125
 Крушанов А. И. 20
 Кузнецов Д. С. 153, 160
 Кузнецов Е. 95
 Кузнецов П. 29, 31, 32
 Кузьменко 159
 Кузьмин А. 85
 Кузьмин П. А. 46, 47
 Кук Д. 28
 Кукель Б. К. 168
 Купицкий А. 31
 Купреянов И. А. 25, 119, 137, 152
 Купреянов П. А. 25, 43
 Купреянов Я. И. 152
 Купреянова М. И. [Невельская] 24, 25, 38, 84, 119, 152, 162, 163, 168
 Купреяновы 20, 25, 43, 157, 162, 163, 164, 169

 Ладыженский М. В. 11
 Лазарев А. П. 31, 177
 Лазарев М. П. 25, 30, 36
 Лазарев О. 129
 Лаперуз Ж. Ф. 10, 28, 76, 90, 99, 129
 Лауристин 52
 Лебедев 52
 Лермонтов Н. Ю. 22
 Лесовский С. С. 152
 Литвинцов Я. 129
 Литке К. Ф. 158
 Литке Ф. П. 11, 12, 28—30, 34, 36, 38—45, 54, 155, 168, 177
 Лихачев И. Ф. 114
 Лугковский Ф. П. 41
 Лысаков 52
 Маак Р. К. 158
 Мазарович А. И. [Ельчанинова] 128, 162
 Мазарович И. С. 128, 162, 170
 Мазаровичи 162, 167
 Макрушев 52
 Малыгин С. Г. 20
 Мамия Риндзоо см.: Риндзоо Мамия
 Мацкевич В. И. 95, 96
 Машин Р. Г. 56, 57, 60
 Мельчин А. И. 19
 Меншиков А. С. 39, 46, 48, 50—52, 54, 58, 59, 76, 81—84, 90, 91, 101, 112
 Мивих [Б. К.] 27
 Мироманов В. 129
 Митюхин 52
 Михайлов 52
 Могами Токунай см.: Токунай Могами
 Молдаванов Н. 129
 Мосеев И. 118, 122, 125
 Москвитин Г. 95, 121
 Москвитин И. Ю. 8
 Москвитина М. 95
 Мофет С. И. 31, 38—41, 44, 177
 Муравьев-Амурский Н. Н. 18, 19, 45, 46, 48, 50—52, 54, 57—59, 79, 85, 87, 89—92, 94, 96, 100—104, 112, 114, 115—120, 121—125, 127, 128, 129, 133, 137, 145, 146, 149, 150—155, 157—160, 168, 175, 179, 180
 Муравьева Е. Н. 158, 159
 Мурчисон Р. И. 42
 Мятлев В. А. 9

 Назимов 129
 Назимов А. А. 158
 Назимов И. 29, 36
 Назимов Н. Н. 144
 Накован 116
 Нарочницкий А. Л. 176
 Нахимов П. С. 37, 145
 Невельская А. А. см.: Шулепникова
 Невельская А. Г. 165
 Невельская Е. Г. 106, 144, 147, 150, 157, 174
 Невельская Е. И. [Ельчанинова] 5, 6, 18, 90, 94, 95, 97, 116, 119, 134, 135, 137, 144, 147, 150, 153, 156, 159, 162—165, 167—170, 172—175, 179, 180
 Невельская Л. И. 162
 Невельская М. Г. 159
 Невельская М. И. см.: Купреянова
 Невельская О. Г. см.: Сорохтина
 Невельская О. И. 162
 Невельская Ф. Т. [Полозова] 23, 119, 157, 162
 Невельские 16, 19—24, 43, 106, 147, 151, 153, 155, 157, 159, 161, 162, 164, 165, 167—170, 174
 Невельской А. В. 22
 Невельской А. И. 128, 162
 Невельской Г. Д. 22

- Невельской Г. И. [Гавриил Иванович] 23, 26
 Невельской Г. И. [Геннадий Иванович] 5, 14—16, 18—33, 36—61, 64, 65, 67—71, 74—109, 114—122, 125—140, 143—180
 Невельской И. А. 22—24
 Невельской Н. Г. 167, 169, 172
 Невельской П. А. 22, 25
 Некрасов Е. 95
 Нессельроде К. В. 52, 58, 83, 91
 Нижегородов Л. 95
 Нижегородова Е. 95
 Новограблин 52
 Норденшельд Н. А. Э. 172

 Оболенский А. В. 157, 158
 Овцын Д. Л. 20
 Озерский А. 31, 32
 Орлов 52
 Орлов Д. И. 79, 81, 82, 84, 85—89, 93, 94, 96, 98, 100, 102, 103, 117, 125, 130, 133, 136, 138, 154, 156, 165, 166, 177—179
 Орлов Е. Г. 95, 150
 Остелецкий С. 29, 31, 33
 Остроградский М. В. 37

 Павлов И. 129
 Парфентьев С. 99, 112, 118, 122, 125, 134, 151
 Перелешин Н. П. 22
 Перовский Л. А. 52, 83, 91, 168
 Перри М. Г. 126
 Пестряков Н. 95
 Петр I 9, 21, 22, 27, 39, 86
 Петрашевский М. В. [Бутаевич-Петрашевский] 46, 47
 Петров 52
 Петров А. И. 114, 116—121, 125, 128, 130, 137, 138, 144—148, 154—156, 165, 166, 178, 179, 180
 Пирс Р. А. 13, 15
 Писемский Н. В. 22
 Плаутин М. Г. 20
 Плеханов Н. 36
 Подобин 52
 Подобин И. 52
 Подушкин П. 36
 Подушкин Я. А. 137
 Позвейн 87, 106, 109
 Полевой Б. П. 19
 Политковский В. Г. 58, 92
 Полозов И. Т. 4, 23
 Полозов П. И. 23
 Полозов П. Т. 25
 Полозов Т. М. 23, 24
 Полозова А. Т. см.: Китаева
 Полозова Ф. Т. см.: Невельская
 Пономарев А. 95
 Попков 53
 Попков И. 129
 Поплонский В. К. 49, 78
 Попов 52
 Попов А. 95, 121
 Попов Г. 95
 Попов Л. А. 52, 60, 61, 68, 74, 77, 78
 Попов П. 2-й 87, 88, 94, 95, 97, 98, 102—106, 112, 178
 Попов Н. 129
 Поярков В. Д. 8, 127
 Предин 52
 Прончищев В. В. 20
 Пузино П. П. 159
 Пупков 52
 Путятин Е. В. 126, 127, 134, 147, 148, 150—152, 157
 Пушкин А. С. 28

 Радде 168
 Разградский Г. Д. 114, 116, 117, 118, 121, 122, 125, 127, 128, 130, 134, 135, 137, 138, 146, 148, 149, 160, 165, 178, 179
 Рашков Д. П. 158
 Рейнеке М. Ф. 37, 40, 177
 Решетников С. 95
 Решетникова Н. 95
 Римский-Корсаков В. А. 18, 19, 127, 134, 135, 143, 148, 150, 154, 155, 178
 Рингольд К. 126
 Риндзоо Мамия 12
 Родошевский 52
 Розенберг В. 36
 Романов А. 122
 Романов Д. И. 18, 88
 Рудаков А. О. 55, 57
 Рудаков Н. 30
 Рудановский Н. В. 18, 131—133, 140—143, 155, 165, 179
 Рукавишников В. В. 166
 Русаков К. 95
 Рыжков А. Н. 19

 Сакони 116
 Самарин Д. И. 133
 Сарычев Г. А. 27, 28, 29
 Свербеев Н. Д. 18, 151

- Свининский 53
 Сгибнев А. С. 18
 Семенов 52
 Семенов А. П. 87, 97, 130
 Семенов Г. 24
 Сенотрусов П. 121
 Сенченко И. А. 19
 Сенявин Л. Г. 91
 Серипонку 141
 Сеславин А. Н. 158
 Сяденснер А. К. 16, 33, 143, 162
 Сидоров 52
 Сидоров М. К. 171—173
 Соймонов Ф. И. 9
 Солопов 52
 Сорохтина О. Г. [Невельская]
   16, 147, 162, 168
 Сперанский М. М. 11
 Станюкович А. 31, 36
 Станюкович М. Н. 38
 Степанов О. 8
 Стерлегов Д. В. 20
 Суцев И. Н. 96
- Тамеама 56
 Тарханов П. В. 37
 Татаринов С. 129
 Тебенькев М. Д. 6, 13
 Тихменев П. А. 18, 88
 Токунай Могами 12
 Толмачев Г. 129
 Толмачев П. 129
 Толстой А. К. 30
 Толстой К. 30
 Тренев В. К. 19
 Тюшев А. 95
 Тяпкин Н. 52
- Угличанинова М. С. 22, 47
 Умнов 52
 Унковский И. С. 126
 Усов А. 95
 Устрялов Н. Г. 37
 Ухтомский К. А. 52, 69, 70
- Фесун Н. А. 18
- Хабаров Е. П. 8
 Халезов А. А. 52, 143
 Хашьянов А. 95
 Хороших Д. 129, 130
 Хромченко В. С. 36
- Челпапов Н. 129
 Чернышев А. И. 83, 91
 Чехов А. П. 176
 Чиж Г. П. 19
 Чириков А. И. 9, 20
 Чихачев И. Л. 20, 21
 Чихачев Н. М. 17, 96—100, 102—
   107, 112—115, 117—119, 125,
   128, 134, 144, 158, 164, 168, 178
 Чокуров М. 129
 Чупин М. 95
 Чухомлин А. 95
- Шарыпов Н. И. 79, 117, 143, 153
 Шварц В. М. 13
 Шварц М. М. 13
 Шелихов Г. И. 28, 59, 92
 Шенурин В. 143
 Шестаков 52
 Шипова А. А. 24
 Шишерин А. 95, 121
 Шишерина А. А. 121
 Шишерина П. 95
 Шишкин А. 95
 Шипмарев Г. С. 30
 Шренк Л. И. 88, 143
 Шульгин Н. 36
 Шульгин П. 36
 Шумахер П. В. 18
 Шулепников В. В. 22
 Шулепников Я. И. 22
 Шулепникова А. А. [Невель-
   ская] 22
- Этолин А. К. 36
- Юнкман А. 36
 Юрьев А. 33
- Яранский 53

Содержание

Предисловие. Академик А. П. Окладников	5
Почему нужно было открывать еще раз пролив	6
Глубокие корни	20
Плавание транспорта «Байкал» в 1848–1849 гг.	44
Создание Амурской экспедиции	82
Трудные будни экспедиции	125
Защита Дальнего Востока	146
Далеко от Амура, но навеки с ним	161
Основные даты жизни и деятельности Г. И. Невельского	177
Опубликованные работы Г. И. Невельского	181
Литература о Г. И. Невельском	181
Принятые сокращения	185
Указатель имен	186

Александр Иванович Алексеев
Геннадий Иванович Невельской
(1813—1876)

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
«Научно-биографическая литература»
АН СССР

Редактор издательства **Б. С. Шохет**
Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**
Технические редакторы **Р. М. Денисова, Е. В. Лойко**
Корректоры **Н. А. Несмеева, Е. Л. Сысоева**

ИБ № 27720

Сдано в набор 23.12.83
Подписано к печати 28.03.84
Т-09101. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,29. Уч.-изд. л. 11,0
Усл. кр. отг. 11,22. Тираж 44 000 экз.
Тип. зак. 3515. Цена 70 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Геннадий Иванович НЕВЕЛЬСКОЙ

А. И. Алексеев

А. И. Алексеев
Геннадий Иванович
НЕВЕЛЬСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Баландин Р. К.

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ЛИЧКОВ

(1888—1966)

10 л. 70 к.

Книга посвящена жизни и творчеству известного советского ученого — профессора Бориса Леонидовича Личкова. Он был одним из основоположников астрогеологии, внес заметный вклад в развитие гидрогеологии, геоморфологии, четвертичной геологии, в развитие учения В. И. Вернадского о живом веществе, биосфере и ноосфере.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джалалидзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Кузбывшев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Мясной проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

70 коп.